

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF LEGAL STUDIES**

№ 3 (47)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2022**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М.

председатель

ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО

Рябов В. В.

заместитель председателя

президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО

Геворкян Е. Н.

заместитель председателя

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ,

Агранат Д. Л.

заместитель председателя

доктор экономических наук, профессор, академик РАО

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,

доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Пашенцев Д. А.

главный редактор

доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (МГПУ)

Северухин В. А.

зам. главного редактора

кандидат юридических наук, профессор,

заслуженный юрист РСФСР (МГПУ)

Борисова Н. Е.

доктор юридических наук, профессор (МГПУ)

Диноршоев А. М.

доктор юридических наук, профессор

(Таджикский национальный университет)

Дорская А. А.

доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)

Ефимова О. В.

кандидат юридических наук, доцент (МГПУ)

Илариона Претелли

доктор права (Швейцарский институт сравнительного права)

Мартыненко И. Э.

доктор юридических наук, профессор

(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)

Мкртумян А. Ю.

доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения (Кассационный суд Республики Армения)

Ростокинский А. В.

доктор юридических наук, профессор (МГПУ)

Рыбаков О. Ю.

доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор (МГЮУ им. О. Е. Кутафина)

Сауляк О. П.

доктор юридических наук, профессор (МГПУ)

Смирнов Л. Б.

доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)

Черногор Н. Н.

доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)

Честнов И. Л.

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (СПбЮИ(ф)АГП)

Чурилов С. Н.

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (МГПУ)

Безносилова О. И.

ответственный редактор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2076-9113

© ГАОУ ВО МГПУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

<i>Минникес И. В., Дудина А. Н.</i> Межевое право и межевой процесс — история и современность	7
<i>Завгородняя А. А.</i> Синергетический подход и его свойства в методологии правового исследования	18
<i>Крамской В. В.</i> Инерционное действие права в контексте юридического поступка и секундарной обязанности	29
<i>Львов А. В.</i> Табель о рангах 1722 года и эволюция чиновпроизводства в XVIII веке	40
<i>Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И.</i> Типология правового поведения человека в аксиологическом контексте	52
<i>Старшова У. А.</i> Доктрина социального государства: теоретико-методологический анализ	60

Публичное право

<i>Туранин В. Ю., Погорелов Д. В., Польская В. А.</i> Бесплатная юридическая помощь: система нуждается в совершенствовании (на примере уголовного судопроизводства)	70
<i>Ковальчук М. В., Яцишина Е. Б., Демин В. А., Холодный Ю. И.</i> Необходимость правового регулирования применения нейрокognитивных и психофизиологических технологий в практике	85
<i>Смирнов Л. Б.</i> Цель исправления осужденных: генезис, эволюция, современные проблемы	98

Частное право

<i>Журавлев В. А., Скорик Д. Д.</i> Развитие института коллективных исков как инструмента защиты прав миноритарных акционеров в зарубежном и отечественном праве: историко-правовой анализ	107
--	-----

Трибуна молодых ученых

<i>Абдиева Д. А.</i> Систематизация правовых норм в условиях цифровизации.....	120
--	-----

Научная жизнь

<i>Борисова Н. Е.</i> Историко-правовая наука перед лицом новых вызовов (обзор Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г.).....	127
---	-----

**Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Юридические науки»,
2022, № 3 (47).....**

132

Требования к оформлению статей.....	137
-------------------------------------	-----

CONTENTS

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

<i>Minnikes I. V., Dudina A. N.</i> Boundary Law and Boundary Process — History and the Present Time	7
<i>Zavgorodnyaya A. A.</i> Synergetic Approach and its Properties in the Methodology of Legal Research	18
<i>Kramskoy V. V.</i> Inertial Action of Law in the Context of a Legal Act and a Secondary Obligation	29
<i>Lvov A. V.</i> Table of Ranks of 1722 and the Evolution of Promotion in Rank in the 18th century	40
<i>Skorobogatov A. V., Skorobogatova A. I.</i> Typology of Human Legal Behavior in an Axiological Context	52
<i>Starshova U. A.</i> The Doctrine of the Welfare State: Theoretical and Methodological Analysis	60

Public Law

<i>Turanin V. Yu., Pogorelov D. V., Polskaya V. A.</i> Free Legal Aid: the System Needs Improving (on the Example of Criminal Proceedings)	70
<i>Kovalchuk M. V., Yatsishina E. B., Demin V. A., Kholodny Yu. I.</i> The Need for Legal Regulation of the Use of Neurocognitive and Psychophysiological Technologies in Practice	85
<i>Smirnov L. B.</i> The Purpose of Correction of Convicts: Genesis, Evolution, Modern Problems	98

Private Law

<i>Zhuravlev V. A., Skorik D. D.</i> Development of the Institute of Class Actions as a Tool for Protecting the Rights of Minority Shareholders in Foreign and Domestic Law: Historical and Legal Analysis	107
--	-----

Tribune of Young Scientists

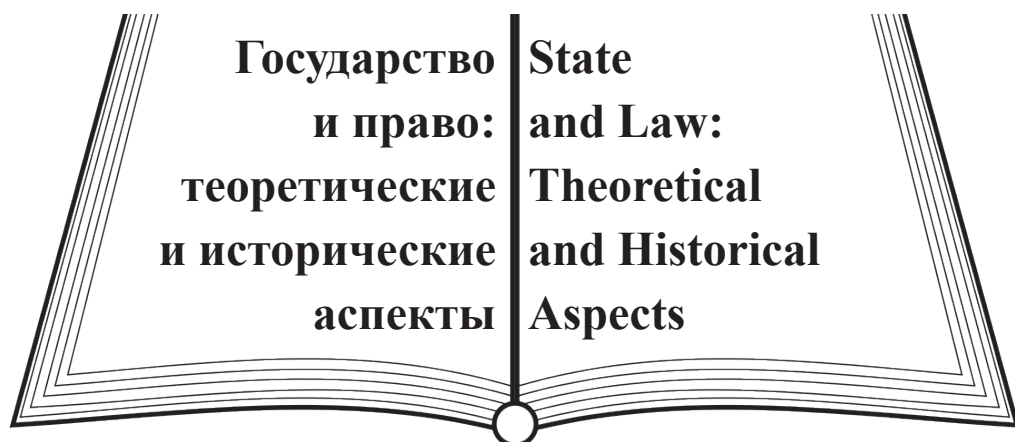
<i>Abdieva D. A.</i> Systematization of Legal Norms in the Context of Digitalization.....	120
---	-----

Scientific Life

<i>Borisova N. E.</i> Historical and Legal Science in the Face of New Challenges (Review of the All-Russian Forum of Historians of Law, St. Petersburg, June 10–11, 2022)	127
---	-----

Authors of the MCU Journal of Legal Sciences, 2022, № 3 (47) 132

Requirements for Style Articles	137
---------------------------------------	-----

УДК 34

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.47.3.01

И. В. Минникес

Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация

E-mail: ivminnikes@mail.ru

А. Н. Дудина

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Иркутск, Российская Федерация

E-mail: ivminnikes@mail.ru

МЕЖЕВОЕ ПРАВО И МЕЖЕВОЙ ПРОЦЕСС — ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье авторами проводится диахронное исследование правового оформления межевых отношений, позволяющее выявить основные тенденции развития норм о межевании в контексте их легитимации в определенных источниках права, установить причины отказа от межевого права как самостоятельной отрасли, а также спрогнозировать с определенной долей вероятности направления дальнейшего развития правовых норм в области межевания. Авторы проводят оценку состояния норм о межевании на разных этапах развития российского права с помощью историко-правового и формально-юридического методов, которые позволили изучить основные этапы формирования межевого права через отраслевую дифференциацию его норм с периода становления межевого права и межевого процесса, вплоть до его систематизации в XIX столетии.

Ключевые слова: межевание; межевые отношения; межевое право; межевое законодательство; межевой процесс.

В настоящее время процесс межевания (кадастровая деятельность) в земельно-правовых отношениях играет важную самостоятельную роль, поскольку установление границ земельных участков является требованием современного законодательства. Правомерное распоряжение земельными участками, границы которых не уточнены, невозможно.

Современное состояние межевого права сформировалось под воздействием нескольких важнейших нормативных правовых актов. За сравнительно короткий срок — менее двух десятилетий — законодатель неоднократно обращал внимание на различные аспекты данной сферы отношений и реформировал систему учета.

Так, Федеральный закон от 2 января 2000 года № 28-ФЗ «О государственном земельном кадастре» заложил основы процесса формирования системы кадастрового учета земельных участков как объектов недвижимого имущества; после его сменил новый Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости», который объединил учет земельных участков с иными объектами недвижимости, но и он утратил силу в связи с началом действия с 1 января 2017 года Федерального закона от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Нормы межевания содержатся в Земельном кодексе РФ, а в 2007 году был принят специальный нормативный правовой акт, содержащий в себе нормы межевания, — Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности».

Кроме того, нормы о межевании содержатся в Градостроительном кодексе РФ, Федеральном законе от 18 июня 2001 года № 78-ФЗ «О землеустройстве», Федеральном законе от 24 июля 2002 года № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», в достаточном количестве подзаконных актов, таких как: Постановление Правительства РФ от 20 августа 2009 года № 688 «Об утверждении Правил установления на местности границ объектов землеустройства»; Постановление Госстроя РФ от 29 октября 2002 года № 150 «Об утверждении Инструкции о порядке разработки, согласования, экспертизы и утверждения градостроительной документации»; Приказ Минэкономразвития России от 08 декабря 2015 года № 921 «Об утверждении формы и состава сведений межевого плана, требований к его подготовке»; Инструкция по межеванию земель, утвержденная Роскомземом 08 апреля 1996 года; Письмо Росземкадастра от 28 февраля 2003 года № АО/54 «О применении “Инструкции по межеванию земель”»; Методические рекомендации по проведению межевания объектов землеустройства, утвержденные Росземкадастром 17 февраля 2003 года, и иные.

Несмотря на многочисленность регулирующих нормативных предписаний и важность данной сферы как для общества в целом, так и для частных лиц, в настоящее время межевое право не позиционируется как самостоятельная отрасль права. Более того, регулирование вопросов межевания можно оценить как децентрализованное [15].

Практика некоторых зарубежных стран показывает, что данный вопрос может быть настолько важен для государства, что его регулирование оформлено автономными кодифицированными актами. Так, сразу в нескольких государствах наличествуют специальные законы о землеустройстве (Таджикистан, Таиланд, Латвия и др.), а кенийский законодатель озаботился принятием особого Межевого закона.

Помимо изучения зарубежной практики, имеет значение и многовековой национальный опыт регулирования данной сферы отношений. Поэтому диахронное исследование правового оформления межевых отношений является перспективным направлением не только историко-правового, но и прикладного характера, позволяя выявить основные тенденции развития норм о межевании в контексте их легитимации в определенных источниках права, установить причины отказа от межевого права как самостоятельной отрасли и с определенной долей вероятности спрогнозировать направления дальнейшего развития правовых норм.

Поставленные задачи обусловили направленность исследования авторов и методологию работы. Историко-правовой метод, положенный в основу исследования, дополнен формально-юридическим методом, с помощью которого оценено состояние норм о межевании на разных этапах развития российского права.

Данное исследование не претендует на масштабный труд, воссоздающий полную картину состояния межевого права России, поскольку целью работы является лишь одно конкретное направление — формирование межевого права под углом зрения отраслевой дифференциации его норм. Поэтому предметом исследования является становление межевого права и межевого процесса, вплоть до его систематизации в XIX столетии. При этом основной акцент сделан на наиболее дискуссионной проблеме — проблеме существования межевого процесса.

Обзор исследований

Дореволюционные исследователи уделяли значительное внимание вопросам межевания и межевым спорам как с точки зрения теоретической науки, так и с позиций практического применения норм. Так, И. Т. Посошков в своем научно-публицистическом труде «Книга о скудости и богатстве» предвидел необходимость проведения государственного межевания в Российской империи [19].

Особое место в дореволюционный период занимают труды о генеральном межевании и межевом суде, к которым, в частности, относятся научные работы Ф. Л. Малиновского [13], К. А. Неволина [17]; первого директора Московского архива министерства юстиции П. И. Иванова [7]; Н. А. Ермакова, преподавателя Межевого института с опытом работы землемером [3].

Из трудов, опубликованных в период от реформ 1860 года и до 1917 года, следует отметить исследование председателя окружного суда В. П. Мордухай-Болтовского «Межевые законы с изложением и объяснением», в котором

автор изложил развитие процесса межевания и межевого судопроизводства в историческом аспекте, провел систематизацию нормативных актов в области межевания [16].

Особенно следует выделить труды межевого инженера И. Е. Германа, описавшего процедуры генерального и специального межевания, разрешения межевых споров [1].

Отдельного внимания заслуживают работы С. Д. Рудина [22], А. Регекампа [20], Л. А. Кассо [10], О. А. Хауке [27], исследовавших практические вопросы применения межевого законодательства и процесс разрешения споров о межевании; а также научное исследование К. П. Победоносцева, в рамках которого автор, наряду с важным вопросом приобретения права собственности на землю, изучил аспекты межевания, вотчинного и земельного права [18].

Советские правоведы уделили данному направлению научных исследований значительно меньше внимания. Лишь отдельные научные исследования таких авторов, как Б. В. Ерофеев [4], Ю. Г. Жариков [5], И. А. Иконицкая [9], Н. И. Краснов [11], Н. Л. Рубинштейн [21], М. С. Симонова [24], были посвящены межеванию не только в историческом аспекте становления и развития земельных отношений, но и с позиции освещения практических проблем межевых и земельных споров.

После изменения российского законодательства в сторону признания земли объектом не только государственной, но и частной собственности интерес к межевому праву России как результату многовекового опыта правового регулирования снова возрос.

К этому вопросу обратились такие исследователи, как В. М. Дикусар [2], Г. С. Смирнов [25] и другие; кроме того, можно выделить и ряд более современных научных исследований, посвященных проблемам правового регулирования межевания и землеустройства [8, 28].

Становление и развитие межевого права и межевого процесса в Российском государстве XV–XIX веков

История правового регулирования вопросов землевладения и установления его границ насчитывает несколько веков. Его эволюция начинается от обычаев древности и развивается в грамотах, Судебниках и указах.

Так, в Судебнике Ивана III (1497) содержатся нормы межевого права. В частности, в ст. 61 указано, что между селами и деревнями надо ставить изгороди для отделения земли одной деревни от другой. Кроме того, изгородью должны были обноситься и земли частных владельцев (за их счет). Предусматривался и штраф за разрушение межевых знаков.

Но, несмотря на это, по справедливому замечанию И. Е. Германа, до XVI века «законы межевые по-прежнему оставались бедны и по численности и по содержанию» [1, с. 291].

В 1555 году был издан первый писцовый наказ, предназначенный для людей, производивших описание земель. В нем были предусмотрены примитивные методы вычисления площадей и примеры землемерных описаний.

Заметный вклад в развитие межевого права был внесен Соборным уложением 1649 года, но, по замечанию И. Е. Германа, «межевые законы Уложения находятся разбросанными в его разных главах, смешаны там с другими статьями по праву уголовному, гражданскому и судопроизводству и часто помещены там как дополнения и разъяснения к главному содержанию статей» [1, с. 287]. Самое важное, что содержит Соборное уложение, — это несколько статей процессуального характера о разбирательстве межевых споров.

Основы межевого права были заложены в XVIII веке. Их составили акты о Вотчинной коллегии, Комиссии о государственном межевании, Межевая инструкция 1735 года, Манифест о генеральном размежевании земель Российской империи 1765 года, Инструкция межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам 1766 года (далее — «Инструкция...»), а также акты, регулирующие данные вопросы применительно к отдельным территориям.

Интерес законодателя к данной теме диктовался необходимостью правового оформления комплекса мероприятий по учету, измерению и регистрации земель, получивших наименование генерального межевания. Однако, по мнению Г. С. Смирнова, «после завершения генерального межевания интерес к теме был надолго потерян и возродился в конце XIX — начале XX века в связи с начавшимся массовым переселением крестьян в Сибирь, потребовавшим нарезки переселенческих участков» (правда, далее автор указывает об утрате интереса к межеванию только со стороны «профессиональных историков») [25, с. 5].

Однако интерес законодателя к вопросам межевания нельзя назвать угасшим. Этот вывод можно сделать на основании многочисленных нормативных актов, нацеленных прежде всего на учет территориальных особенностей отдельных губерний, где процесс генерального межевания вынужденно растянулся на несколько десятилетий. Эти акты чаще всего оформлялись как дополнения к межевым инструкциям, например: «Дополнительные статьи и мнение Сената к общей межевой инструкции для межевания земель в Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерниях» 1797 года, «Дополнительные статьи к общей межевой инструкции для генерального межевания земель в Пермской губернии» 1824 года.

Наконец, особое значение для обособления межевого права имел тот факт, что именно в начале XIX века многочисленные акты о межевании были объединены и систематизированы в единый раздел Свода законов Российской империи (далее — Свод). Важный для регламентации частноправовой сферы отношений том X Свода законов Российской империи неофициально именовался законами гражданскими и межевыми. Последнее связано с наличием в составе тома X особой части III под заголовком «Законы межевые».

С этого времени термин «межевое право» стал общеупотребительным и полноценно вошел в инструментарий правового регулирования общественных отношений в России.

В советский период межевые отношения кардинально изменились в связи с отменой права частной собственности на землю согласно Декрету о земле 1917 года и отведением земель коллективным и советским хозяйствам. Можно заключить, что с этого времени необходимость в межевом праве как самостоятельной отрасли отпала.

В отличие от межевого права существование межевого процесса в дореволюционной России — вопрос дискуссионный.

Если о гражданском и уголовном процессах споров в литературе практически нет, то вот другие возможные варианты самостоятельных процессуальных отраслей и направлений правового регулирования редко являются предметом внимания историков права. Вероятно, в этом прежде всего виноваты стереотипы — дореволюционные правовые нормы оцениваются через призму современного права, а значит, принимается во внимание то, что соответствует современному отраслевому делению. Однако было бы серьезной ошибкой считать, что именно современное отраслевое деление является своего рода эталоном отраслевой градации. В силу вариативности развития общества и права исторические явления не могут целиком укладываться в современную схему. Поэтому отсутствие межевого права в современной системе права не означает, что его не существовало ранее.

Очевидным доказательством наличия межевого процесса может служить то, что упомянутая выше часть III тома X Свода законов Российской империи, «Законы межевые», включала три книги: I. Учреждения мест и властей межевых; II. Устав о производстве межевания и III. Устав о судопроизводстве и взысканиях межевых.

Юридическая техника, положенная в основу систематизации межевых норм части III тома X Свода, напоминает знакомую по гражданской и уголовной сферам правового регулирования схему: нормы процессуального характера следуют за материальным правом. Этот порядок дает основание считать, что межевое право представлено как материальными, так и процессуальными нормами.

Другим основанием является многочисленность норм межевого процесса, а также часто употребляемое в научных и практических работах исследователей XIX века наименование «межевой процесс».

Важнейшим документом в свете исследуемой проблемы является «Инструкция...» 1766 года. В ней обозначено, что одна из основных целей принятия акта — пресечение споров: «главное желание состоит в том, чтобы происходимыя донныне у владельцев и поселян в землях ссоры и вражды, а не редко и случающияся смертныя при том убийства, отвратить чрез Генеральное размежевание».

Поэтому в содержании «Инструкции...» значительное место уделено процессуальным нормам. Это становится очевидным при анализе структуры данного документа.

В ней предусмотрено несколько глав, которые полностью или в основном посвящены межевым разбирательствам: гл. 3 «О даче владельцам планов

на те земли, в которых они миролюбиво разведутся, и о рассмотрении присылаемых от землемеров споров, и каким образом отсылать планы к положению решительных меж на заспоренные места»; гл. 4 «Какия в земляных владениях основания навсегда законными и утверждать и чем вообще все происходимыя при межевании те споры разнимать, на которые здесь в Инструкции в других главах особливаго положения не предписано»; гл. 9 «По каким крепостям владельческие земли утверждать и как поступать в рассмотрении оных и о пошлинах с крепостей»; гл. 16 «Как поступать с теми селениями, которыя в нынешнее государственное земель размежевание окажутся в судебных спорах о настоящем их владении»; гл. 27 «О насильно завладевших землях и исках за то»; гл. 30 «Об апелляциях на нынешнее межевание» и гл. 33 «Каким образом впредь в земляных дачах споры разбирать о всяком том селении, к коим нынешним государственным межеванием земли примежеваны и планы с межевыми книгами даны будут» [6, с. 477–585]. Причем в список включены лишь те главы, в которых статьи о межевых спорах составляют основное содержание. Если суммировать общее число статей глав, вошедших в список процессуальных, то количество получится весьма впечатляющим — 123 статьи.

Таким образом, к последней четверти XVIII века был накоплен значительный багаж правовых предписаний о межевом разбирательстве, который в процессе систематизации был большей частью локализован в ч. 3 тома X Свода законов Российской империи и в меньшей степени рассредоточен по другим томам.

Помимо накопления большого числа правовых актов и содержащихся в них норм, в пользу существования межевого процесса говорит и то, что сам процесс, его субъекты и суд отличались от иных форм процесса.

Так, М. С. Рулевым составлен перечень учреждений, управомоченных на решение межевых споров: «судопроизводство по делам генерального межевания в рассматриваемый период осуществлялось:

- 1) Межевым департаментом Сената как высшей ступенью суда;
- 2) Межевой канцелярией как средней, или второй, ступенью, единой для всех областей и губерний.

Первую инстанцию межевого суда составляли межевые комиссии, а после их упразднения межевые конторы в отдельных губерниях» [23].

В. П. Мордухай-Болтовской в своих исследованиях рассматривал не только особенности процесса, но и своеобразие системы доказательств в данном разбирательстве [16, с. 112–159]. В частности, особое значение придается автором так называемому бесспорному владению, крепостям и решениям межевых правительств [Там же, с. 133, 153].

В научных исследованиях XIX века используются два обозначения комплекса норм, регулирующих процессуальную сферу межевых отношений, — это «судебно-межевое разбирательство» (А. И. Маттель [14, с. 41–125]) и «межевой процесс» (А. А. Леонтьев [12]). В. П. Мордухай-Болтовской оперирует обеими версиями: в издании 1893 года упоминается межевое разбирательство, а статья,

изданная спустя шесть лет, названа «Реформа судебно-межевого процесса» [16, с. 106].

По сути, речь идет о широком и узком понимании процесса разрешения межевых споров.

Узкое понятие процесса, называемое судебно-межевым разбирательством, понудительным межеванием [22, с. 210] или специальным межеванием судебно-межевым порядком [26, с. 199], является особой разновидностью широкого понятия специального межевого процесса, в которое, наряду с судебным, входит коштное, полюбовное межевание и межевание через уездных землемеров. Причем специальное межевание — не единственная группа процессуальных норм XIX века. В нее входят также процессуальные нормы генерального межевания, т. е. межевое законодательство, созданное на основе Манифеста о генеральном размежевании земель Российской империи 1765 года.

Все эти факты свидетельствуют о зарождении в праве межевого процесса, истоки которого уходят в право XV–XVI веков и который окончательно оформился благодаря развитию российского права в XIX столетии. Однако говорить о межевом процессе как отдельной отрасли права, как мы полагаем, нет оснований. Его законодательное воплощение аналогично системе конституционного и административного права, в составе которых долгое время были нормы как материального, так и процессуального характера.

Заключение

Подводя итоги диахронного анализа норм, регулирующих сферу земельных отношений в контексте межевания и межевых споров, можно заключить, что в современном праве межевые нормы децентрализованы, т. е. содержатся в большом количестве различных актов, тогда как в XIX веке межевое законодательство оформилось в самостоятельную отрасль — межевое право. Основным носителем норм межевого права в XIX веке была ч. 3 тома X Свода законов Российской империи. В отличие от гражданского права и гражданского процесса, уголовного права и уголовного процесса, межевое право представляло собой систему норм, в которой нормы материального межевого права соседствовали с межевым процессом.

Литература

1. Герман И. Е. История русского межевания. М.: Тип. В. Рихтера, 1914. 291 с.
2. Дикусар В. М. Правовое регулирование разрешения земельных споров в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 164 с.
3. Ермаков Н. А. О государственном межевании в России. М.: Тип. В. Готье, 1854. 365 с.
4. Ерофеев Б. В. Советское земельное право. М.: Высш. шк., 1965. 394 с.
5. Жариков Ю. Г. Имущественные споры землепользователей. М.: Юрид. лит., 1980. 112 с.

6. Законодательство Екатерины II: в 2 т. / В. М. Клеандров, Г. А. Кутьина, Т. Е. Новицкая [и др.]; отв. ред.: Т. Е. Новицкая, О. И. Чистяков. Т. 2. М.: Юрид. лит., 2001. 984 с.
7. Иванов П. И. Обзор писцовых книг по Московской губернии с присовокуплением краткой истории древнего межевания. М.: Тип. Правительствующего Сената, 1840. 378 с.
8. Иванова Т. Г. Проблемы правового регулирования землеустройства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 244 с.
9. Иконицкая И. А. Земельное право Российской Федерации. М.: Юрист, 2002. 248 с.
10. Кассо Л. А. Русское поземельное право. М.: Изд. юрид. кн. магазина «Правоведение» И. К. Голубева, 1906. 260 с.
11. Краснов Н. И. Процессуальные вопросы советского земельного права. М.: Наука, 1975. 151 с.
12. Леонтьев А. А. Реформа судебно-межевого процесса // Журнал министерства юстиции. Год пятый. 1899. № 4. С. 190–200.
13. Малиновский Ф. Л. Исторический взгляд на межевание в России до 1765. СПб.: Типография А. Сычева, 1844. 137 с.
14. Маттель А. И. Судебно-межевое разбирательство по Уставу Гражданского Судопроизводства: С приложением подлежащих статей Законов Межевых и местного Положения Великороссийского. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1893. 195 с., прил.
15. Минникес И. В. Гражданское законодательство и источники гражданского права: сравнительный анализ (на примере законодательства Российской Федерации и государств постсоветского пространства) // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 3. С. 202–210.
16. Мордухай-Болтовской В. П. Реформа судебно-межевого процесса // Вестник права: журнал Юридического Общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1899. № 10. Декабрь. С. 105–128.
17. Неволин К. А. Полное собрание сочинений. Т. 6. Исследования о различных предметах законоведения. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. 631 с.
18. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть. Вотчинные права. М.: Статут, 2002. 800 с.
19. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М.: АН СССР, 1951. 415 с.
20. Регекампф А. Межевая реформа. Разбор и предложения. СПб.: Госуд. Тип., 1896. 235 с.
21. Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (историко-экономический очерк). М.: Политиздат, 1957. 496 с.
22. Рудин С. Д. Межевая часть за сто лет // Журнал Министерства Юстиции. 1903. № 7. С. 205–225.
23. Рулев М. С. Реформы межевания и межевого суда в XVIII веке: проблемы и результаты [Электронный ресурс] // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 4 (28). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21197605_41855904.pdf (дата обращения: 01.03.2022).
24. Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М.: Наука, 1987. 256 с.
25. Смирнов Г. С. Государственное межевание уральских губерний (конец XVIII – первая половина XIX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010. 27 с.

26. Хавский Б. Заметки: 3) Состав землемеров губернского межевого ведомства // Межевой сборник издаваемый топографо-геодезической комиссией. Вып. 2 / под ред. И. Е. Германа. О. А. Хауке. М.: Универ. тип., 1904. С. 129–135.

27. Хауке О. А. Крестьянское земельное право. Труды общества межевых инженеров. М.: Изд. книжного магазина «Правоведение» И. К. Голубева, 1914. 372 с.

28. Хошина С. А. Правовое обеспечение кадастровой деятельности в сфере земельных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 209 с.

Literatura

1. German I. E. Istoriya russkogo mezhevaniya. M.: Tip. V. Rixtera, 1914. 291 s.

2. Dikusar V. M. Pravovoe regulirovanie razresheniya zemel'ny'x sporov v Rossijskoj Federacii: dis. ...kand. jurid. nauk. M., 1997. 164 s.

3. Ermakov N. A. O gosudarstvennom mezhevanii v Rossii. M.: Tip. V. Got'e, 1854. 365 s.

4. Erofeev B. V. Sovetskoe zemel'noe pravo. M.: Vy'ssh. shk., 1965. 394 s.

5. Zharikov Yu. G. Imushchestvenny'e spory' zemlepol'zovatelej. M.: Yurid. lit., 1980. 112 s.

6. Zakonodatel'stvo Ekateriny' II: v 2 t. / V. M. Kleandrov, G. A. Kut'ina, T. E. Noviczskaya [i dr.]; otv. red.: T. E. Noviczskaya, O. I. Chistyakov. T. 2. M.: Yurid. lit., 2001. 984 s.

7. Ivanov P. I. Obzor pischovy'x knig po Moskovskoj gubernii s prisovokupleniem kratkoj istorii drevnego mezhevaniya. M.: Tip. Pravitel'stvuyushhego Senata, 1840. 378 s.

8. Ivanova T. G. Problemy' pravovogo regulirovaniya zemleustrojstva: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006. 244 s.

9. Ikoniczskaya I. A. Zemel'noe pravo Rossijskoj Federacii. M.: Yurist'', 2002. 248 s.

10. Kasso L. A. Russkoe pozemel'noe pravo. M.: Izd. jurid. kn. magazina «Pravovedenie» I. K. Golubeva, 1906. 260 s.

11. Krasnov N. I. Processual'ny'e voprosy' sovetskogo zemel'nogo prava. M.: Nauka, 1975. 151 s.

12. Leont'ev A. A. Reforma sudebno-mezheвого процесса // Zhurnal ministerstva yusticii. God pyaty'j. 1899. № 4. S. 190–200.

13. Malinovskij F. L. Istoricheskij vzglyad na mezhevanie v Rossii do 1765. SPb.: Tipografiya A. Sy'cheva, 1844. 137 s.

14. Mattel' A. I. Sudebno-mezheвое razbiratel'stvo po Ustavu Grazhdanskogo Sudoproizvodstva: S prilozheniem podlezhashhix statej Zakonov Mezhevy'x i mestnogo Polozheniya Velikorossijskogo. M.: Tipo-lit. t-va I. N. Kushnerev i K°, 1893. 195 s., pril.

15. Minnikes I. V. Grazhdanskoe zakonodatel'stvo i istochniki grazhdanskogo prava: sravnitel'ny'j analiz (na primere zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii i gosudarstv post-sovetskogo prostranstva) // Vestnik Universiteta im. O. E. Kutafina (MGYuA). 2016. № 3. S. 202–210.

16. Morduxaj-Boltovskoj V. P. Reforma sudebno-mezheвого процесса // Vestnik prava: zhurnal Yuridicheskogo Obshhestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete. SPb.: Tip. Pravitel'stvuyushhego Senata, 1899. № 10. Dekabr'. S. 105–128.

17. Nevolin K. A. Polnoe sobranie sochinenij. T. 6. Issledovaniya o razlichny'x predmetax zakonovedeniya. SPb.: Tip. E'. Pracza, 1859. 631 s.

18. Pobedonoscev K. P. Kurs grazhdanskogo prava. Pervaya chast'. Votchinnyy'e prava. M.: Statut, 2002. 800 s.

19. Pososhkov I. T. Kniga o skudosti i bogatstve. M.: AN SSSR, 1951. 415 s.

20. Regekampf A. Mezhevaya reforma. Razbor i predlozheniya. SPb.: Gosud. Tip., 1896. 235 s.
21. Rubinshtejn N. L. Sel'skoe khozyajstvo Rossii vo vtoroj polovine XVIII v. (istoriko-e'konomicheskij ocherk). M.: Politizdat, 1957. 496 s.
22. Rudin S. D. Mezhevaya chast' za sto let // Zhurnal Ministerstva Yusticii. 1903. № 7. S. 205–225.
23. Rulev M. S. Reformy` mezhevaniya i mezhevogo suda v XVIII veke: problemy` i rezul'taty` // Ucheny`e zapiski: e'lektronny`j nauchny`j zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 4 (28). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21197605_41855904.pdf (data obrashheniya: 01.03.2022).
24. Simonova M. S. Krizis agrarnoj politiki czarizma nakanune pervoj rossijskoj revolyucii. M.: Nauka, 1987. 256 s.
25. Smirnov G. S. Gosudarstvennoe mezhevanie ural'skix gubernij (konecz XVIII – pervaya polovina XIX veka): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2010. 27 s.
26. Xavskij B. Zametki: 3) Sostav zemlemerov gubernskogo mezhevogo vedomstva // Mezhevoj sbornik izdavaemy`j topografo-geodezicheskoy komissiej. Vy`pusk 2 / pod red. I. E. Germana. O. A. Xauke. M.: Univer. tip., 1904. S. 129–135.
27. Xauke O. A. Krest'yanskoe zemel'noe pravo. Trudy` obshhestva mezhevy`x inzhenerov. M.: Izd. knizhnogo magazina «Pravovedenie» I. K. Golubeva, 1914. 372 s.
28. Xoshina S. A. Pravovoe obespechenie kadastrovoj deyatel'nosti v sfere zemel'ny`x otnoshenij: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2020. 209 s.

I. V. Minnikes

A. N. Dudina

Boundary Law and Boundary Process — History and the Present Time

Abstract. In the article, the authors conduct a diachronous study of the legal registration of boundary relations, which enables to identify the main trends in the development of norms on landmarking in the context of their legitimation in certain sources of law, to establish the reasons for the rejection of boundary law as an independent branch, and also to predict with a certain degree of probability the direction of further development of legal norms in the boundary area. The authors assess the state of the norms on land landmarking at different stages of the development of Russian law using historical legal and formal legal methods, which made it possible to study the main stages in the formation of landmarking law through sectoral differentiation of its norms from the period of formation of land marking law and the process up to its systematization in the XIX century.

Keywords: landmarking; landmarking relations; landmarking law; landmarking legislation; landmarking process.

Статья поступила в редакцию: 05.05.2022;
одобрена после рецензирования: 20.05.2022;
принята к публикации: 21.05.2022.

The article was submitted: 05.05.2022;
approved after reviewing: 20.05.2022;
accepted for publication: 21.05.2022.

УДК 340.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.47.3.02

А. А. Завгородняя

Донбасская юридическая академия, Донецк, Донецкая Народная Республика

E-mail: nastacija@mail.ru

**СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ЕГО СВОЙСТВА
В МЕТОДОЛОГИИ ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Аннотация. В статье рассматривается мнение о том, что сегодня термин «синергетика» часто употребляется и используется в правовой науке. Право с точки зрения синергии рассматривается как открытая нелинейная система с хаотическими (кризисными, неравновесными) процессами, которые, наряду с общеустановленными правилами поведения, определяют множеством других правовых явлений. Автором отмечается, что синергетический подход в теории права дает возможность говорить о праве как о самоорганизующейся системе, которая способна на установление самопроизвольного порядка баланса между общественными отношениями и их нормативным регулированием, обеспечивая динамическую устойчивость развития этих отношений. Правопонимание находится сегодня в состоянии переориентации из стадии радикального восприятия как совокупности государственных предписаний либо оценочных ценностных характеристик в стадию признания сущности права в его многоаспектности, доктрина которого отражает синергию между духом и целью права, нормой права и правоприменением. Так, методологический подход к правопониманию, учитывающий синергетические свойства систем, логично соотносится с теорией права; правовая действительность сегодня развивается по правилам согласования внутренних противоречий, существующих между должным и сущим в праве (положительным и естественным правом), между общественным и индивидуальным (публичными и частными интересами), между мерой свободы и необходимостью. Установление таких противоречий, нахождение способов их устранения является важнейшей задачей правоведения.

Ключевые слова: право; правопонимание; правоприменение; синергия; синергетический подход; интегративный подход.

Введение

Правовая система общества с имманентными неотъемлемыми свойствами открытости и неравновесия не только регулируется, а подвержена самоорганизации, результатом которой является относительно устойчивый порядок. Для эффективного правового регулирования необходим инструментарий, учитывающий подобные свойства и правовой системы, и системы общества с тем, чтобы они не развивались в параллельном либо конфликтном состоянии. Детерминанты, определяющие развитие современного

социума и легитимирующие право, динамичны и при определении их на границе перехода из сугубо социальных в правовые традиционно именуются частноправовыми и публично-правовыми интересами. На нормативно-правовом уровне невозможно урегулировать реализацию и охрану всех возможных интересов в их динамике, но право способно предоставить базовый механизм соблюдения равновесия между частными и публичными интересами, а также равновесия между публичными интересами. Однако этот механизм не способен предоставить классические подходы к правопониманию.

Методы

Методологическую основу работы составили как общенаучные, так и специальные методы исследования, взятые в комплексе. В частности, в статье использован синергетический подход, позволивший синтезировать в рамках правовой реальности самоорганизующиеся элементы, а также системно-функциональный подход, который дал возможность исследовать динамические свойства права, взаимообусловленность правовых и социальных условий, соответствие и согласованность динамики правовых явлений с общей перспективой нелинейного развития общества. В рамках указанного подхода использованы методы теоретического анализа, синтеза, приемы научного абстрагирования, моделирования и обобщения.

Основная часть

Догматический классический рационализм как методология юриспруденции, сосредоточенная на субъектно-объектных связях, сузил границы познания, не придав должного значения межсубъектным связям. Тем самым, как отметил Н. В. Мальцев, была снята ответственность за познание существенных сфер бытия. Классический рационализм был подвержен критике за его претензии на формулирование истинных выводов и за пренебрежение к внерациональным формам мышления. В усилиях доказать, что юриспруденция обладает статусом настоящей науки, последователи предпринимали попытки освобождения ее от идеологических, ценностных и телеологических представлений [8, с. 73]. С концептуальной точки зрения ведется дискуссия о правильности и возможности применять синергетическую методологию к явлениям социогуманитарного характера. Синергетическому подходу предшествовал структурно-системный подход [9, с. 102]. Научные достижения в сфере изучения систем позволяют говорить о самоорганизации необратимых процессов. Поскольку предметом исследования в правоведении является и система социально-правовой коммуникации, методологические возможности синергетики являются полезными для познания этой сферы, обладающей свойством самоорганизующейся системы.

Суть синергетики, все больше используемой правоведами, состоит в том, что право представляет собой открытую нелинейную систему с хаотическими (кризисными, неравновесными) процессами, которая, кроме норм права, детерминируется множеством других правовых явлений. И подобный детерминизм, по сути, является индетерминизмом.

Указанный подход в исследовании правовых явлений анализировался и был использован Л. Д. Бевзенко, А. В. Зыряновым, С. В. Курзановым, Н. В. Мальцевым, А. В. Петровым, Ю. А. Тихомировым, И. Л. Честновым, В. В. Шишкиным, К. В. Шундиковым.

Синергетический подход в теории права характеризуется правилом открытой среды, принципом нелинейного развития, приемом малых воздействий, а также способом хаотического моделирования [14, с. 4]. Следует заметить, что социальная система как открытая система обладает следующим свойством: при определенном внешнем воздействии достигается то неравновесное (хаотическое) состояние массового (общественного) сознания, при котором переход к новой фазе (периоду) в действующей социальной среде является необратимым явлением, таким же, как при накоплении социальной энтропии в обществе, когда конфликт интересов набрал необратимую инертность.

Синергетический подход к праву говорит о закономерностях динамики права как такового, рассматривая само право как часть социальной системы, которая в настоящий период является очень динамичной. Задачей права (теоретической и практической) является выполнение своего основного предназначения в интегративном его понимании — достижения эффективного правового регулирования. Правовая система обусловлена правовой реальностью, под которой каждым конкретный автор понимает нечто свое в зависимости от типа правопонимания, тем не менее все авторы говорят о ее сложности, открытости и нелинейности. Правовая реальность исходит из общества, ее открытость говорит о ее свойстве взаимодействия и обмене информацией внутри социальной реальности в целом, поэтому правовая реальность развивается вместе с обществом, она не существует вне общества и выполняет коммуникативную функцию [6].

Определяя место права в обществе, следует сказать, что естественным образом оно не может быть и не является самостоятельно функционирующим элементом, а развитие права само по себе невозможно без общества в целом. Бифуркационные процессы общества проявляются в праве в свойственной ему форме, устанавливающей и регламентирующей социальные связи, выступая методом самоорганизации права. Право при взаимодействии с социумом получает от него запросы, прорабатывает их, устанавливая правила для дальнейшего регулирования и условия принятия этих правил обществом. Регулирующими элементами жизни общества выступают правила (нормы), которые являются фактором ее стабилизации и упорядочивания. Тем самым принцип самоорганизации, присущий синергетической концепции права, дополняет известные ранее классические концепции управления. Рассматривая сложные

системы, в которых происходит непрерывное взаимодействие норм и ценностей, принципов всевозможных моделей поведения и иных категорий, следует отметить, что детерминирующая роль этих элементов не всегда видна, поскольку они влияют сами по себе по отдельности и в совокупности. Функция права по управлению правовой жизнью общества в системе коммуникаций является размытой. Развитие правовой жизни общества уже сводится не к управлению в глобальном смысле, а к самоорганизации. При этом управление и самоорганизация — это составляющие единого процесса упорядочивания жизни общества, которые неэффективны друг без друга и являются условием оптимизации правового регулирования. Условием этого регулирования будет выявление факторов социально-правовой коммуникации, детерминирующих систему, а также факторов второстепенных, скрытых, конкурирующих между собой, но остающихся в постоянном взаимодействии. Осуществляя прогноз развития общества, необходимо учитывать эволюционные перспективы каждого такого фактора, что на практике является делом достаточно сложным. Обстоятельства, рассматриваемые как несущественные, могут вызывать непрогнозируемые процессы и повлечь за собой глобальные последствия. Поэтому при построении правового регулирования законодатель должен своевременно выявлять такие элементы, определяя степень и механизмы их влияния на общественные отношения [15, с. 118].

Ю. А. Тихомиров, говоря о синергетическом подходе, отмечает, что к правовым регуляторам относятся и правила поведения, спонтанно возникающие в социуме. Социум вне государственного регулирования также является субъектом, создающим нормы, что является дополнительной формой правообразования. Современные исследования позволяют утверждать, что правовое регулирование, являясь способом урегулирования общественных отношений, включает в себя не только правовые нормы и принципы, закрепленные в нормативных правовых актах, но и спонтанно возникающие в обществе правила поведения [11, с. 25]. По мнению Ю. А. Тихомирова, указанные спонтанные правила поведения по своей природе являются нормами права, которые обеспечиваются организованной защитой. Поэтому урегулирование общественных отношений осуществляется не только с помощью правовых норм, установленных и санкционированных государством в лице органов государственной власти и управления в виде действующего законодательства, но и с помощью воздействия членов общества на основе формируемых норм права в нем (так называемое социальное взаимодействие) [Там же].

Саморегуляция в обществе выступает мерилем свободы, которая определяет границы и содержание прав и обязанностей субъектов общественных отношений, обеспечивается защитой со стороны социальных групп либо государства. Если нормы права специально создаются государством для урегулирования поведения субъектов социума через установление всеобщих правил поведения, то спонтанно возникшие правила поведения существуют самостоятельно, независимо от того, регламентированы они государством или нет.

Стоит отметить, что самовозникающие правила поведения в последующем находят свое закрепление в нормативных правовых актах в силу их всеобщей значимости и признанности обществом. Благодаря этому закреплению они приобретают правовую охрану и защиту со стороны государства [4].

Тем не менее при таком подходе не стоит считать, что право утрачивает свой предмет регулирования, наоборот, право находит предмет регулирования в социальной действительности. При синергетическом подходе к праву как к открытой системе необходимо учитывать границы правового регулирования, поскольку размывание этих границ может привести к ослаблению роли действующей модели правового регулирования и его практической реализации. В связи с этим возникнут трудности в оценке эффективности правового воздействия на общественные процессы. Следуя позиции Ю. А. Тихомирова, стоит говорить о двух основных источниках правообразования в материальном смысле: это экономические, социальные, политические, духовные, материальные, природные процессы, возникающие в обществе и создаваемые им же, — и «импульсы правового регулирования», учитывающие значения субъективных факторов. Так, право, выполняя функции общественного регулятора, должно акцентировать внимание на общественных потребностях. Стоит отметить также, что вышеуказанным материальным источникам права должны соответствовать общепризнанные формы права, к которым следует отнести акты, принимаемые государством, и акты саморегуляции: договоры, обычаи, традиции. Отсюда, по мнению Ю. А. Тихомирова, при поиске предмета правового регулирования как социального процесса необходимо достижение баланса целей, средств их достижения и результатов правового регулирования [11, с. 26].

Следует отметить, что подобный подход свойственен ЕСПЧ и транслируется в толковании положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция), среди которых можно выделить подходы к анализу текста Конвенции (системный и телеологический подходы) и подходы к толкованию Конвенции с учетом правового и социального контекста, в котором она применяется: сравнительно-правовой и динамический (эволюционный) подходы. Важную роль в упорядочивании использования подходов к толкованию Конвенции играет система принципов организации и деятельности ЕСПЧ: законность, эффективность, субсидиарность, пропорциональность, демократичность и правовая определенность [10, с. 11]. Указанный подход является проявлением парадигмы, для которой характерен учет нелинейности развития общественных и правовых явлений, их случайности и невозможности интерпретации исключительно через закономерности и предсказуемость [5, с. 6].

Правовое сообщество нуждается в переориентации правопонимания, отличного от радикального его восприятия как совокупности государственных предписаний либо оценочных ценностных характеристик и признания сущности права в его многоаспектности, доктрина которого отражала бы синергию между духом и целью права, нормой права и правоприменением. Подобную многоаспектность возможно исследовать, основываясь на комплексном

применении различных подходов, которые позволяют отобразить многоаспектность права в единстве закономерностей его формирования, признания, восприятия, воплощения, реализации, обеспечения мерами государственного принуждения. Правовая система каждого общества должна выбирать для себя наиболее приемлемую форму регулирования общественных отношений, которая лучше всего снижает уровень энтропии в системе, требует меньше затрат, то есть вызывает меньше возмущений и, соответственно, легче воспринимается обществом.

Несмотря на то что право как объективное системное явление может быть представлено синергетической, сформированной системой и под влиянием общественных отношений исторического характера, традиционно признаваемое историческое развитие системы права некоторыми исследователями не поддерживается [8, с. 4]. В теории права синергетический подход позволяет проанализировать право как систему, способную к рефлексии, самоорганизации, необратимым состояниям, что обуславливает самопроизвольный порядок, отражающий баланс между общественными отношениями и их нормативным регулированием и обеспечивающий динамическую устойчивость их развития. Причины происходящих изменений обладают свойством самореферентности [9, с. 104]. Эти важные положения должны учитываться в механизме правового регулирования и на различных уровнях действия права. Поэтому стабильность права [7, с. 141], его историческая предопределенность [12, с. 45] при описываемом подходе с позиции естественного нелинейного развития социума являются противоестественными такому пониманию права. И. Л. Честнов, поддерживая историческую предопределенность права, справедливо отмечает, что в случае избегания населением соблюдения, исполнения, использования установленных правил поведения попытки навязать его силой будут неуспешными [13, с. 52]. Это объясняется синергетическими закономерностями. С одной стороны, «соблюдение» нежелаемых правил все же может сложиться культурно-исторически, но, с другой стороны, не будет достаточно оснований утверждать о единстве в нем всех правовых явлений. Если предположить, что в конкретном обществе всех все устраивает, конфликт отсутствует, свободы не востребованы, то рано или поздно в соответствии с социальными закономерностями будет достигнут такой уровень социальной энтропии, при котором изменения действующего порядка будут вынужденными и неизбежными. Как указывает М. А. Гусарова, правовая система должна находиться в состоянии постоянного поиска компромиссов, баланса между социальной прогрессией и культурной традицией. Лишь при выполнении таких условий система может быть эффективной в достижении необходимого уровня социального порядка, согласовании общественных и индивидуальных интересов на уровне, который был бы адекватен состоянию современной цивилизации [3]. Тем не менее компромисс предполагает уступку, а значит, определенная социальная потребность не будет удовлетворена. Если она является одной из базовых, компромисс может повлечь возникновение конфликтного состояния в определенной сфере отношений. В этой связи

достижение равновесия за счет компромисса, который может быть чуть ли ни единственным средством, позволяющим реализовать социально-правовую коммуникацию, должно основываться на достижении цели в получении общего блага, равносильного или более высокого значения.

Согласование общественных и индивидуальных интересов должно происходить в непрерывной динамике социальной действительности, которой детерминирована и правовая действительность, что обуславливает рассматривать право как открытую динамичную систему. Многообразие факторов, которые необходимо учитывать для адаптации системы под социальные условия, нелинейность и казуальность развития общественных отношений требуют от правовой методологии быть и универсальной, и определенной, как это ни парадоксально в ситуации динамичности, неопределенности и непредсказуемости. Если рассматривать противоположную ситуацию, в которой находились различные государства в разных исторических периодах, когда право существовало как стабильная система, то получаем вывод о том, что оно как саморефлексирующая система приводит к самообслуживанию себя самого, а правовые и управленческие явления будут параллельными с истинным социальным явлением либо доминирующими над ними. Допустимость в социуме подобной ситуации порождает авторитарный политический режим, бюрократическую и коррупционную систему, в которой не находится места для эволюционной рефлексии.

Таким образом, поскольку право представляет собой систему из органического единства правовых идей, правил поведения и отношений в обществе, достижение согласованности между которыми является важной задачей, то парадигму права невозможно выразить и исследовать без интегративного подхода. Интегративный подход как способ теоретического познания и эмпирического освоения правовой действительности основан на комплексном применении различных подходов, позволяющих отобразить многоаспектное видение права в единстве закономерностей его формирования и признания либо обеспечения государством, а также восприятия адресатами, воплощения в практической правомерной деятельности и достижения на этой основе правового (цивилизованного) порядка в общественных отношениях.

В отношении применения интегративного подхода к пониманию права в науке все также высказываются критические замечания. Например, А. Ф. Вишневский отмечает, что в понятии права объединяются по своей сути разные элементы механизма правового регулирования, а в содержание права включают правосознание, нормативные акты, акты применения права, правоотношения. Автор указывает, что при интегративном подходе понимание права логически уязвимо с научной точки зрения и сложно осуществимо на практике. Это объясняется тем, что субъекты правореализации находятся в положении выбора: руководствоваться нормой права или субъективным представлением о ней [2, с. 31]. В таких ситуациях создается почва и риск для необоснованного усмотрения правоприменителя, поэтому разработка надежных механизмов недопущения подобного также должна опираться на интегративные теории.

Построение модели права с учетом всех важных воздействий на нее возможно именно с учетом синергетического подхода. Подобная парадигма учитывает кризисные и динамичные факторы социального развития, отводит им одно из определяющих мест. Принцип индетерминизма (вероятностный характер, а не объективность причинной связи), свойственный социальным системам, может быть представлен как вид конфликта между системным и деятельностным детерминизмом, возникающего в зоне их конкурентных отношений. Малые случайные отклонения в социальных системах обуславливаются индивидуальными действиями, они подавляются системой в период стабильного развития для сохранения динамического равновесия, в котором на макроуровне отсутствует изменение. Это имманентное свойство системы, поэтому системный детерминизм преобладает над социальным действием. На кризисных этапах (при накоплении социальной энтропии) отклонения становятся более значимыми из-за их массовости и могут повлечь сильную социальную динамику. Индивидуальное воздействие как случайное, тем не менее может стать основанием для отклонений и изменений в системе, оказаться фактором, определяющим направления развития системы [1].

Указанные статические и динамические характеристики систем, свойственные и правовой системе как саморефлексивной и нуждающейся в динамическом равновесии, позволяют учитывать внешние факторы воздействия, которые неизбежны, например в связи с глобализацией экономических, культурных, информационных и цифровых процессов. И как ни парадоксально это звучит, детерминизм в данном подходе определяется индетерминизмом как важным свойством, которое должно быть положено в основу правовой методологии.

Выводы

Правовой действительности наряду с саморефлексивными процессами свойственны процессы, которые связаны с необходимостью регулирования и вступают во взаимодействие с внешними регуляторами: экономическими, политическими, религиозными, традиционными, морально-этическими и т. д. Поэтому при исследовании права и выборе способов правового воздействия на разных его уровнях необходимо учитывать соотношение и перманентное взаимовлияние правовых и различных социальных факторов, обусловленных множеством интересов, формируемых в обществе. Право как регулятор становится более содержательно соответствующим среде и способно оказать эффективное регулирующее воздействие, если внешние факторы приобретают свойства необходимых атрибутов права, становясь его сущностью, тем самым наполняясь новым содержанием.

Методологический подход к правопониманию, учитывающий синергетические свойства систем, импонирует теории права, поскольку правовая действительность развивается по правилам согласования внутренних противоречий,

существующих между должным и сущим в праве (положительным и естественным правом), между общественным и индивидуальным (публичными и частными интересами), между мерой свободы и необходимостью. Этими противоречиями фактически обусловлена правовая реальность, они являются основой ее динамики. Выявление указанных противоречий и поиск способов их разрешения, упорядочивания социальных явлений, придания им целенаправленного развития является важнейшей задачей правоведения.

Синергетика способна ориентировать развитие системы права, указывая на выход ее из состояния энтропии на изломе социальных эпох, что обуславливает возникновение новых социальных структур и влечет за собой изменения в организации управления обществом. Синергетика способна дополнить теорию права инструментами учета спонтанности сложных систем, в частности и тех, что находятся в состоянии неустойчивого равновесия, учитывая их взаимодействие с внешней средой. Такой подход обогащает методологию правового исследования, так как раскрывает источники и закономерности правогенеза.

Литература

1. Бевзенко Л. Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. Киев: Институт социологии НАН Украины, 2002. 437 с.
2. Вишневский А. Ф. Доктринальные и практические противоречия в обосновании интегративной концепции права // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики: сб. науч. тр. / под общ. ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. Минск: Академия МВД, 2017. 378 с.
3. Гусарова М. А. Роль правосознания в правовой системе общества (на примере интегративного подхода) [Электронный ресурс] // Теория и практика общественно-го развития. 2018. № 9. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2018/9/sociology/gusarova.pdf (дата обращения: 02.05.2022).
4. Долгополова М. В. Актуальные проблемы предмета и метода правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. 26 с.
5. Козюбра М. Праворозуміння: плюралізм підходів і єдність поняття. Чи можливо це? Про українське право / за ред. І. Безклубого. Киев, 2013. Число VI–VII. 367 с.
6. Курзанов С. В. Правовая реальность как сложная, открытая, самоорганизующаяся система // Наука и школа. № 1. 2017. С. 37–45.
7. Литвинова С. Ф. Теоретико-эмпирическое исследование природы стабильного права (на примере законодательства России, Таджикистана, КНР): дис. ... д-ра юрид. наук. Душанбе, 2015. 374 с.
8. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 799 с.
9. Петров А. В. Синергетический подход в современных юридических исследованиях / А. В. Петров, А. В. Зырянов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17. № 4. С. 102–106.
10. Русов А. Н. Методологические аспекты разрешения дел Европейским Судом по правам человека: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 213 с.
11. Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2008. 400 с.

12. Честнов И. Л. Конструирование социальной и правовой реальности: к формированию диалогической онтологии права // Платон. 2012. № 1. С. 45–51.
13. Честнов И. Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2012. 650 с.
14. Шишкин В. В. Синергетический подход в теории права. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 164 с.
15. Шундилов К. В. Синергетика и правовое регулирование // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1 (31). С. 117–123.

Literatura

1. Bevzenko L. D. Social'naya samoorganizaciya. Sinergeticheskaya paradigma: vozmozhnosti social'ny'x interpretacij. Kiev: Institut sociologii NAN Ukrainy', 2002. 437 s.
2. Vishnevskij A. F. Doktrinal'ny'e i prakticheskie protivorechiya v obosnovanii integrativnoj koncepcii prava // Sovremennyye podkhody k ponimaniyu prava i ix vliyanie na razvitie otraslevoj yuridicheskoy nauki, zakonodatel'stva i pravoprimenitel'noj praktiki: sb. nauch. tr. / pod obshh. red. V. I. Pavlova, A. L. Savenka. Minsk: Akademiya MVD, 2017. 378 s.
3. Gusarova M. A. Rol' pravosoznaniya v pravovoj sisteme obshhestva (na primere integrativnogo podxoda) [Elektronnyj resurs] // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2018. № 9. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2018/9/sociology/gusarova.pdf (data obrashheniya: 02.05.2022).
4. Dolgopolova M. V. Aktual'ny'e problemy predmeta i metoda pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2009. 26 s.
5. Kozyubra M. Pravorozuminnya: plyuralizm pidxodiv i ednist' ponyattya. Chi mozhlivo ce? Pro ukrains'ke pravo / za red. I. Bezklubogo. Kiev, 2013. Chislo VI–VII. 367 s.
6. Kurzanov S. V. Pravovaya real'nost' kak slozhnaya, otkry'taya, samoorganizuyushhayasya sistema // Nauka i shkola. № 1. 2017. S. 37–45.
7. Litvinova S. F. Teoretiko-empiricheskoe issledovanie prirody stabil'nogo prava (na primere zakonodatel'stva Rossii, Tadzhikistana, KNR): dis. ... d-ra jurid. nauk. Dushanbe, 2015. 374 s.
8. Mal'cev G. V. Social'ny'e osnovaniya prava. M.: Norma : Infra-M, 2011. 799 s.
9. Petrov A. V. Sinergeticheskij podhod v sovremenny'x yuridicheskix issledovaniyax / A. V. Petrov, A. V. Zyryanov // Vestnik YuUrGU. Seriya «Pravo». 2017. T. 17. № 4. S. 102–106.
10. Rusov A. N. Metodologicheskie aspekty razresheniya del Evropejskim Sudom po pravam cheloveka: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006. 213 s.
11. Tixomirov Yu. A. Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika. M.: Formula prava, 2008. 400 s.
12. Chestnov I. L. Konstruirovaniye social'noj i pravovoj real'nosti: k formirovaniyu dialogicheskoy ontologii prava // Pлатон. 2012. № 1. S. 45–51.
13. Chestnov I. L. Postklassicheskaya teoriya prava: monografiya. SPb.: ALEF-press, 2012. 650 s.
14. Shishkin V. V. Sinergeticheskij podhod v teorii prava: dis. ... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2007. 164 s.
15. Shundikov K. V. Sinergetika i pravovoe regulirovanie // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2013. № 1 (31). S. 117–123.

A. A. Zavgorodnyaya

Synergetic Approach and its Properties in the Methodology of Legal Research

Abstract. The article considers the opinion that today the term synergetics is often used and used in legal science. From the point of view of synergy, law is considered as an open, non-linear system with chaotic (crisis, disequilibrium) processes, which, along with the generally established rules of behavior, are determined by many other legal phenomena. The author notes that the synergetic approach in the theory of law makes it possible to speak of law as a self-organizing system that is capable of establishing a spontaneous order and establishing a balance between social relations and their normative regulation, ensuring the dynamic sustainability of the development of these relations. Today legal understanding is in a state of reorientation from the stage of radical perception, as a set of state prescriptions or evaluative value characteristics, to the stage of recognizing the essence of law in its multidimensionality, the doctrine of which reflects the synergy between the spirit and purpose of law, the rule of law, and law enforcement. Thus, the methodological approach to legal understanding, taking into account the synergistic properties of systems, logically correlates with the theory of law, legal reality today develops according to the rules for reconciling internal contradictions that exist between the proper and the existent in law (positive and natural law), between the public and the individual (public and private interests), between the measure of freedom and necessity. Establishing such contradictions, finding ways to eliminate them is the most important task of jurisprudence.

Keywords: law; legal understanding; law enforcement; synergy; synergistic approach; integrative approach.

Статья поступила в редакцию: 27.04.2022;
одобрена после рецензирования: 12.05.2022;
принята к публикации: 20.05.2022.

The article was submitted: 27.04.2022;
approved after reviewing: 12.05.2022;
accepted for publication: 20.05.2022.

УДК 34.01

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.47.3.03

В. В. Крамской

Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Российская Федерация

E-mail: vkramskoy@mail.ru

ИНЕРЦИОННОЕ ДЕЙСТВИЕ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОСТУПКА И СЕКУНДАРНОЙ ОБЯЗАННОСТИ

Аннотация. В настоящей статье обращается внимание на ранее не обозначенное конкретное явление инерционного действия права, как именует его автор, которое должно рассматриваться в контексте таких видов действия, как прямое, пассивное и рефлексивное, что было описано в работах Р. Иеринга и Ю. С. Гамбарова применительно к субъективным правам. В своей массе литература по теории права, как до-революционного периода, так и вышедшая в свет в советское и нынешнее время, применительно к действию права рассматривает его лишь сквозь призму триединого процесса: действие права в пространстве, во времени и по кругу лиц, оставляя в стороне упомянутый аспект. Только лишь в отдельных работах рассматривается самодвижение права, что сродни проблеме, затронутой в настоящей статье.

Из практики современного российского правового регулирования автор приводит случаи прямого, пассивного и рефлексивного действия права, но идет дальше, чем его предшественники, и предлагает перенести акцент в рассмотрении процесса действия права исключительно с его субъективного вида на объективное право в целом. При этом автор обосновывает новый его вид — инерционное действие. Попутно анализируется влияние инерционного действия права на образование в структуре сложившегося правоотношения юридических обязанностей особого рода, которые по механизму их возникновения схожи с секундарными правами, ввиду чего, сообразуясь с принципом дихотомии, формулируется гипотеза о существовании секундарных обязанностей.

Ключевые слова: действие права; рефлекс права; инерционное действие права; юридический поступок; юридический факт; секундарная обязанность.

Введение

Начиная разговор о вынесенном в заголовок статьи вопросе, представляется целесообразным обратить свой взгляд на концепцию модальности, разработанную древнегреческим мыслителем Аристотелем, исходившим в своих воззрениях из того, что все сущее поделено на две большие части: сущее в возможности и сущее в действительности. Опираясь на эту концепцию, можно утверждать, что ценность права состоит не просто

в создании идеальной модели общественных отношений, реализация которой возможна. Право ценно тогда, когда оно непосредственно действует, претворяя в жизнь свой регулятивный потенциал. Через непосредственное действие обнаруживаются его свойства, эффективность его воздействия и адекватность ожиданиям социума.

Феномен права заключается в том, что ощутить на себе его физическое действие невозможно. Этот перманентно протекающий процесс не разглядишь даже под микроскопом, не говоря уже про то, что и не пощупаешь. Но мы, сообразуясь с действующим правом, платим налоги, несем воинскую повинность, то есть подчиняемся этой неведомой силе, или, наоборот, заручившись поддержкой права, ведем себя так, как оно позволяет: реализуем товары, оказываем услуги, выполняем работы. Если же посмотреть масштабнее, то право, непосредственно действуя в рамках общерегулятивных правоотношений, позволяет нам жить в государстве с республиканской формой правления, формировать властные органы, решать вопросы внутреннего устройства на референдумах и др. Проще говоря, не оставаясь на бумаге только лишь «голым правом», или, как сказали бы в Древнем Риме, *jus nudum* [12, с. 388], право опосредует общественные отношения.

Действие права можно рассматривать под разными углами зрения: как детерминированные друг другом явления при определении права и политического режима, как содержание и форму при исследовании права и форм его реализации, как причину и следствие при рассмотрении права и правовой системы, как материю и процесс при изучении права и механизма правового регулирования и др. Именно последний случай вызывает у нас особый интерес для целей настоящей статьи.

Методы

При проведении настоящего исследования по изучению проблем инерционного действия права автор во многом опирался на общенаучные методы анализа и синтеза, позволившие выявить признаки предлагаемого к публично-му обсуждению понятия «инерционное действие права», а также использовал диалектический метод познания для оценки влияния инерционного действия права на образование юридической обязанности особого рода — секундарной.

Основное исследование

Механизм правового регулирования предполагает выделение следующих его структурных элементов: объективного права, юридического факта, преобразующего правовую норму в совокупность субъективных прав и юридических обязанностей и порождая тем самым правоотношения с последующими актами реализации этих прав и обязанностей. Юридический факт в механизме

правового регулирования выступает своего рода пружиной, запускающей в движение весь этот механизм. Именно он вызывает к жизни со страниц печатных и электронных изданий правовые нормы, обращает их в субъективные права или юридические обязанности. Интересным представляется момент, когда через юридический факт норма объективного права осознанно превращается в конкретное субъективное право или конкретную юридическую обязанность, и совсем другое дело, когда процесс трансформации нормы объективного права, допустим, в конкретную юридическую обязанность, находится в отрыве от воли субъекта правоотношения.

В научной и учебной литературе юридические факты, которые порождают правовые последствия, служат причиной возникновения, изменения и прекращения правоотношений вне зависимости от желаний лиц, именуют событиями. Однако не только факты-события порождают правоотношения по умолчанию, но и вполне конкретные действия, в частности неправомерные. Действительно, на водителя, причинившего невольно вред транспортному средству при управлении другим транспортным средством и виновного в дорожно-транспортном происшествии, падает бремя возмещения вреда, он автоматически становится обязанным лицом в гражданском правоотношении. Другое дело, когда лицо, признавая, например, существование долга, тем самым автоматически прерывает течение срока исковой давности по потенциальному требованию управомоченного лица, а в силу этого вынуждено будет претерпевать правопритязания кредитора. Поэтому совершенно справедливо некоторыми учеными утверждается существование в числе юридических фактов-действий особого их вида — юридических поступков.

Так, М. М. Агарков под таковыми предлагал понимать правомерные действия, которые могут быть не направлены на конкретный правовой результат, но приводят к его наступлению непосредственно в силу норм объективного права [1, с. 50]. О. А. Красавчиков юридическим поступком именовал правомерное действие, с которым объективное право связывает юридические последствия безотносительно к тому, было ли направлено действие на указанные последствия или нет [8, с. 13]. Обоснованность выделения в качестве особой категории юридических фактов юридических поступков признавал и Ю. К. Толстой в своей монографии «К теории правоотношения» [13, с. 15], хотя он в своих рассуждениях пошел еще дальше и в качестве юридического факта признавал существующее юридическое правоотношение для последующего развития динамики хозяйственного оборота [13, с. 5]. И в этом был отчасти прав. К этому положению мы еще вернемся.

Современная правовая наука в своем понимании юридических фактов-поступков не ушла далеко от воззрений советских ученых. Можно привести несколько утверждений, из существа которых будет видно, что факты-поступки присущи современной правовой действительности, а их суть все также сводится к сфере бессознательного в части возникающих последствий от юридически значимого осознанного поведения, выбранного лицом.

Так, по словам доктора юридических наук П. А. Якушева, действительность юридического поступка абсолютно не исключает волевою составляющую в действии субъекта на создание юридических последствий, но его отношение к таким последствиям видится безразличным [14, с. 27]. Профессор В. В. Долинская, систематизируя взгляды на проблему понимания юридического поступка, отмечает, что он совершается без намерения породить определенные юридические последствия, «но этот юридический факт порождает и определенные правовые последствия» [5, с. 91]. В своем монументальном труде «Вопросы теории юридических фактов» В. Б. Исаков характеризует поступки как действия, вызывающие правовые последствия независимо от осознания или неосознания субъектом их правового значения, желания или нежелания наступления правовых последствий [6].

Подводя промежуточный итог этой части исследования, скажем, что не всегда правоотношения возникают осознанно. Существуют определенные казусы, когда объективное право начинает действовать, превращаясь в субъективные права и юридические обязанности, в отрыве от воли носителя правосубъектности, то есть лица, которое вступило в первичное правоотношение без намерения участия в его продолжении в виде дополнительно возникающих субъективных прав и юридических обязанностей, но уже в рамках другого правоотношения. В этом случае «на исходные юридические факты наслаиваются новые фактические обстоятельства (поступки, акты, события), приводящие к изменению либо прекращению правового отношения» [6].

Еще в дореволюционных энциклопедиях права, учебниках по общей теории гражданского права, монографических исследованиях в качестве самостоятельного вопроса выделяли аспекты, связанные с действием права. Но связанные не с тем привычным в настоящее время пониманием триединого действия права в пространстве, времени и по кругу лиц, как, например, описывает это профессор В. В. Лазарев в одном из учебников по теории права [11, с. 416], а в аспекте восприятия права как сущего не просто в возможности, а сущего в действительности, создаваемого не только правосубъектными лицами посредством юридических фактов, но и самим правом. Здесь уместно обратиться к положению докторской диссертации В. И. Червонюка (Гоймана) «Действие права (методологический анализ)», в которой справедливо утверждается, что действие права в широком смысле представляет собой процесс становления правовой возможности и ее перехода в правовую действительность [3, с. 22], а сама категория «действие права» занимает самостоятельное место в системе правоповедения и не отменяет иных понятий права («правовое регулирование», «реализация права») и не перекрывается ими [Там же, с. 8].

Известный русский юрист Ю. С. Гамбаров, начиная общее учение о субъективном праве, утверждает, что юридическое действие субъективного права можно рассмотреть с трех сторон: со стороны активного действия права, пассивного действия и рефлексивного действия [2, с. 508].

При активном действии права субъект потенциального правоотношения или лицо, уже состоящее в таковом, своей волей и в своем интересе реализует предоставленные ему объективным правом возможности, самостоятельно определяет способы и формы пользования правом. Ключевой особенностью при таком варианте действия права является его нацеленность исключительно на удовлетворение интереса управомоченного лица (примером такого действия права сегодня можно назвать право гражданина на требование от органа местного самоуправления установки светофора на нерегулируемом перекрестке дорог, вытекающего из права на жизнь; примеров же активного действия права в частноправовой сфере существует несчетное множество).

Пассивное действие права есть обратная сторона его активного действия, своего рода предпосылка. Для того чтобы смогло возникнуть активное действие права, заложенный в право интерес должен быть обеспечен юридической гарантией, то есть пассивное действие права делает возможным дальнейшее развитие динамики правоотношения. В качестве хрестоматийного приводится в научной литературе [Там же] пример с наследственной массой, в обладание которой пока еще никто не вступил, но действие права уже на данном этапе охраняет интерес наследников, обеспечивает возможность их вступления в наследственное правоотношение. Пассивное свойство действия права в этом случае образует своего рода невидимый покров, лежащий поверх потенциального юридического интереса лиц. Еще одним примером из области гражданского права является случай с оборотом ценной бумаги на предъявителя в тот момент, когда таковая существует в объективной реальности, но не передана на исполнение обязанному субъекту. Если посмотреть в сторону публичного права, то и здесь мы можем увидеть проявления пассивного действия права.

Так, само по себе существование уголовно-правовых запретов и есть пассивное действие права, коль скоро им обеспечивается незыблемость особо важных и ценных интересов общества. При нарушении данных запретов вступают в силу механизмы, связанные с реализацией закрепленных в уголовном и уголовно-процессуальном праве субъективных прав, обязанностей или полномочий.

Безусловно, ожидаемыми видятся возражения оппонентов, что если защищаемые уголовным правом или гражданским правом, или каким-либо другим правом интересы не нарушаются, то уместно ли вести речь о пассивном действии права? Наоборот, если интересы соблюдаются, значит, право действует, причем активно. Такую логику можно было бы принять, если не учитывать описанное выше действие механизма правового регулирования, центральными звеньями в котором являются юридический факт и возникающие вследствие этого субъективное право и юридическая обязанность. Какой же юридический факт наличествует в случае с появлением наследства, которое еще никем не принято? Смерть человека как событие? Наверное, можно будет принять такой аргумент, но в этом случае целесообразно говорить только о возникновении правоотношения, в котором есть порожденный названным юридическим

фактом охраняемый законом интерес, о существовании которого основательно высказался профессор В. А. Белов [4, с. 358]. Именно в этом правоотношении своим пассивным действием право оберегает наследственную массу для соблюдения интересов потенциальных наследников. Но активного действия права нет, оно появится только после обращения к нотариусу или иному уполномоченному лицу с соответствующим заявлением лиц, претендующих на получение наследства. Равно как и в случае с уголовным правом, когда все механизмы активного правового регулирования возникнут (публичное преследование) или могут возникнуть (частное, частно-публичное преследование) после совершения преступления.

Последним аспектом действия права является его рефлексивное действие. Сегодня этому феномену уделяется незначительное внимание в юридических исследованиях, что представляется достаточно опрометчивым. Суть данного явления в воззрениях Ю. С. Гамбарова [2, с. 508], Р. Иеринга [7, с. 178] сведена к тому, что отношения управомоченного и обязанного лица выходят далеко за их рамки в ряде случаев. Удовлетворяя законный интерес управомоченного лица, должник имманентно удовлетворяет скрытый, не явленный миру интерес других лиц. Тем самым реализовавшись, субъективное право конкретного субъекта отразилось на жизнедеятельности третьих лиц, создав им благоприятные условия.

Так, указанными правоведами приводятся случаи с установлением фонаря на улице по требованию гражданина, адресованному местной администрации, вследствие чего создаются комфортные условия проживания не только для инициатора этого мероприятия, но и для иных лиц; требованиями об улучшении состояния имущества многоквартирного дома на нижних этажах, вследствие чего жители верхних этажей автоматически приобретают право пользования установленным благом. Подобные примеры правовых рефлексов можно отыскать и в существующем нормативно-правовом массиве и складывающихся на его основе современных правоотношениях, например связанных с установлением сервитута на земельный участок [9, с. 208].

Таковы описанные в юридической литературе виды действия субъективного права. В продолжение нашего разговора приведем здесь несколько правовых ситуаций, которые позволят нам расширить знание о действии права еще одним его видом, ранее четко не обозначенным в науке, — инерционным, как мы предлагаем его именовать.

Случай первый. Являясь собственником вещи и имея намерение на ее отчуждение, субъект права собственности принимает решение о вступлении в гражданское правоотношение в рамках договора купли-продажи в целях реализации своего имущества и получения денежных средств взамен. Имея законный интерес на распоряжение им, данное лицо после закрытия сделки получает доход, который в соответствии с законодательством облагается налогом. В этой ситуации изначально управомоченное лицо как субъект права собственности (до вступления в правоотношение по купле-продаже, поскольку в рамках него на такое лицо также падает обязанность по передаче

вещи) имеет только один первичный законный интерес — получение выгоды от продажи. Однако, квалифицируя полученную выгоду как доход, налоговое законодательство с таким юридическим фактом связывает возникновение публичного правоотношения, в котором изначально управомоченный субъект в предыдущем правоотношении становится в текущем юридически обязанным.

Налицо следующее положение дел: произошла двойная трансформация: 1) одного вида правоотношения в другое (гражданского в налоговое и абсолютного (как вытекающего из права собственности) в два относительных (гражданское, связанное с куплей-продажей, и налоговое в связи с необходимостью уплаты налога)); 2) правового положения лица (из управомоченного в гражданском правоотношении в обязанное в налоговом, а до этого и в обязанное в гражданском, связанное с необходимостью передачи вещи). Поводом для такой двойной трансформации явился юридический факт в виде юридического поступка, при котором совершенные правомерные действия были направлены на конкретный правовой результат — реализацию имущества и получение дохода, но, помимо этого, привели к наступлению и иных последствий, а именно юридической обязанности по уплате налога, что по умолчанию могло находиться за гранью осознанного поведения. Если даже предположить, что в такой ситуации лицо может предвидеть наступление дальнейших юридических последствий после совершения сделки, то совершенно очевидно, что для вступления в налоговое отношение такое лицо не предпринимает каких-либо дополнительных действий или бездействия, а плывет по течению в потоке норм объективного права. И здесь уместно вспомнить ранее приведенную мысль профессора Ю. К. Толстого о правоотношении как особом юридическом факте [13, с. 5]. Если подойти к вопросу внимательнее, то рассмотрение правоотношения как юридического факта приведет в конечном итоге к тому, что этот особый юридический факт распадается на элементарные частицы в виде действий (бездействия) субъектов правоотношения или даже событий, которые сами по себе и являются юридическими фактами. Но в своей совокупности эти действия (бездействие) или события воспринимаются как существующее правоотношение.

Случай второй. Призывная комиссия, осуществляя свое полномочие по призыву на военную службу лица, проводит его медицинское освидетельствование, по итогам которого выясняется, что подлежащее призыву на военную службу лицо не годно к ней по состоянию здоровья. Ввиду этого военный комиссариат (призывная комиссия) обязан предоставить лицу отсрочку от военной службы сроком до одного года.

В данной ситуации, протекающей в сфере действия публичного права, изначально уполномоченное лицо — военный комиссариат (призывная комиссия) — своими действиями, то есть посредством совершения юридического факта, состоящего в медицинском обследовании лица, результатом которого явилось засвидетельствование его негодности к службе, автоматически становится исключительно обязанным лицом в части предоставления отсрочки от службы, а лицо, ранее обязанное, становится на место субъекта, обладающего правом

требования предоставления соответствующей отсрочки. Налицо трансформация уполномоченного субъекта в обязанного, а обязанного — в управомоченного, и это при том, что каких-либо дополнительных действий за рамками первоначально возникших правоотношений участвующие стороны не предпринимали. Объективное право, обязывающее военный комиссариат (призывную комиссию) предоставить отсрочку, действовало по умолчанию, то есть части механизма правового регулирования, заработавшего с момента призыва военнообязанного лица на медицинское освидетельствование, продолжили свое функционирование по инерции от сообщенного им импульса.

Такого рода случаи дают нам основания утверждать, что самостоятельным видом действия права можно назвать его инерционное действие, под которым следует понимать осуществление правового воздействия на сложившееся правовое отношение, приводящее к его преобразованию в другой вид либо имеющее своим результатом изменение правового положения лиц безотносительно к их воле. Справедливости ради отметим, что внимание на процесс самодвижения (что схоже с принципом действия инерции) права обратил профессор В. И. Червонюк (Гойман), но в своих воззрениях самодвижение права он описывал применительно к такому его свойству, как способность оказания реального воздействия на поведение людей, как на проявление активности права или воплощение общественной энергии [3, с. 23], но не в том контексте, в котором рассматриваем мы инерционное действие права. К тому же процессы самодвижения и инерции все же отличны, поскольку самодвижение характеризуется через свойство автономности, а для инерционного действия необходим сторонний импульс, коим выступает юридический факт в правоотношении.

Последнее, с чем необходимо определиться в рамках рассматриваемого вопроса, так это с утверждением Ю. С. Гамбарова о том, что описанные действия права применимы только к правам субъективным, которые традиционно рассматриваются исключительно в гражданско-правовой плоскости. Однако существуют в настоящее время утверждения о том, что субъективные права присущи и публично-правовому порядку. С нашей точки зрения, ставить здесь и сейчас вопрос о существовании публичных субъективных прав для целей выявления эффекта инерционного действия права нецелесообразно, поскольку от категоричного ответа на вопрос о существовании публичных субъективных прав ничего не изменится. Выше были приведены примеры как с использованием норм частного, так и публичного права. Разница состоит только в том, что в публичном правопорядке со стороны органа государственной власти (должностного лица) реализуются, как правило, полномочия, а не субъективные права в чистом виде. Но полномочие — это единство права и обязанности. Поэтому рассмотрение процесса действия субъективного права, коль скоро в составе полномочия есть элемент, по сути являющийся субъективным правом, уместно осуществлять применительно и к публичным отраслям права. А если посмотреть еще шире, опираясь на воззрения доктора юридических наук А. В. Полякова о том, что «субъективные права и обязанности не есть

просто “рефлекс” “объективного права” (правовых текстов), а его эйдетическое условие» [10, с. 355], то феномен действия права можно рассматривать применительно к праву в целом, а не только с прицелом на субъективные права. Тем более что в своих идеях уже и Р. Иеринг затрагивал эту мысль, характеризуя эффект правового рефлекса именно объективного права [7, с. 178].

Выводы

1. Не всегда правоотношения возникают осознанно. В объективной правовой действительности существуют ситуации, когда объективное право начинает действовать, превращаясь в субъективные права и юридические обязанности, в отрыве от воли носителя права, вступившего в первичное правоотношение без намерения участвовать в его продолжении в виде дополнительно возникающих субъективных прав и юридических обязанностей, но уже в рамках другого правоотношения.

2. Самостоятельным видом действия права, наряду с прямым действием, пассивным и рефлексивным, можно считать его инерционное действие, под которым следует понимать осуществление правового воздействия на сложившееся правовое отношение, приводящее к его преобразованию в другой вид либо имеющее своим результатом изменение правового положения лиц безотносительно к их воле.

3. В качестве научной гипотезы для дальнейших исследований и развития публичной дискуссии представляется целесообразным исследование таких аспектов инерционного действия права, как появление по умолчанию обязанности у изначально управомоченного лица, что сродни процессу образования секундарного права в правоотношении, ввиду чего такого рода обязанности, возможно, представляют особый вид, который следует назвать секундарным.

Литература

1. Агарков М. М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946. № 3–4. С. 41–55.
2. Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 816 с.
3. Гойман В. И. Действие права (методологический анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 42 с.
4. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2007. 993 с.
5. Долинская В. В. Понятие и классификации юридических фактов: очерк систематизации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 91–103.
6. Исаков В. Б. Вопросы теории юридических фактов [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base/garant.ru> (дата обращения: 01.03.2022).
7. Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву / под ред. и с пред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 312 с.

8. Красавчиков О. А. Теория юридических фактов в советском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1950. 14 с.
9. Мохов А. Ю., Малышкин С. П. Институт публичного земельного сервитута в контексте теории рефлексивного действия права // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 3. С. 208–212.
10. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. М.: Проспект, 2016. 832 с.
11. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. М.: Норма, 2008. 832 с.
12. Римское частное право: учебник / В. А. Краснухский, И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский [и др.]; под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: Юрист, 2004. 544 с.
13. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1959. 88 с.
14. Якушев П. А. Юридические акты и поступки как основания правоотношений. Владимир: Изд-во Владимирского гос. пед. ун-та, 2003. 84 с.

Literatura

1. Agarkov M. M. Ponyatie sdelki po sovetskomu grazhdanskomu pravu // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1946. № 3–4. S. 41–55.
2. Gambarov Yu. S. Grazhdanskoe pravo. Obshhaya chast' / pod red. V. A. Tomsinova. M.: Zerczalo, 2003. 816 s.
3. Gojman V. I. Dejstvie prava (metodologicheskij analiz): avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1992. 42 s.
4. Grazhdanskoe pravo: aktual'ny'e problemy` teorii i praktiki / pod obshh. red. V. A. Belova. M.: Yurajt-Izdat, 2007. 993 s.
5. Dolinskaya V. V. Ponyatie i klassifikacii yuridicheskix faktov: ocherk sistematizacii // Zakony` Rossii: opyt, analiz, praktika. 2018. № 4. S. 91–103.
6. Isakov V. B. Voprosy` teorii yuridicheskix faktov [E'lektronny`j resurs] // SPS «Garant». URL: <https://base/garant.ru> (data obrashheniya: 01.03.2022).
7. Kokoshkin F. F. Lekcii po obshhemu gosudarstvennomu pravu / pod red. i s pred. V. A. Tomsinova. M.: Zerczalo, 2004. 312 s.
8. Krasavchikov O. A. Teoriya yuridicheskix faktov v sovetskom grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Sverdlovsk, 1950. 14 s.
9. Moxov A. Yu., Maly`shkin S. P. Institut publicnogo zemel'nogo servituta v kontekste teorii reflektivnogo dejstviya prava // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 26. № 3. S. 208–212.
10. Polyakov A. V. Obshhaya teoriya prava: problemy` interpretacii v kontekste kommunikativnogo podxoda: uchebnik. M.: Prospekt, 2016. 832 s.
11. Problemy` obshhej teorii prava i gosudarstva: uchebnik dlya vuzov / pod obshh. red. V. S. Nersesyanca. M.: Norma, 2008. 832 s.
12. Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik / V. A. Krasnokutskij, I. B. Noviczkiy, I. S. Pereterskiy [i dr.]; pod red. I. B. Noviczkiy, I. S. Pereterskiy. M.: Yurist`, 2004. 544 s.
13. Tolstoj Yu. K. K teorii pravootnosheniya. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1959. 88 s.
14. Yakushev P. A. Yuridicheskie akty` i postupki kak osnovaniya pravootnoshenij. Vladimir: Izd-vo Vladimirskogo gos. ped. un-ta, 2003. 84 s.

V. V. Kramskoy

Inertial Action of Law in the Context of a Legal Act and a Secondary Obligation

Abstract. This article draws the attention of lawyers to a previously unspecified phenomenon, as the author calls it, of the inertial operation of law, which should be considered in the context of such types of it as direct, passive and reflective, which was described in the surveys by R. Iering and Yu.S. Gambarov in relation to subjective rights. For the most part, the literature on the theory of law, both in the pre-revolutionary period and published in the Soviet and modern times, in relation to the operation of law, considers it only through the prism of a triune process: the operation of law in space, in time and in a circle of persons, leaving aside the mentioned aspect. Only in separate surveys, for example, V. I. Chervonyuk (Goyman), the self-movement of law is considered, which is similar to the problem raised in this article.

Using the example of the practice of modern Russian legal regulation, the author cites cases of direct, passive and reflective action of law for clarity of understanding, but goes further than his predecessors and proposes to shift the focus in considering the process of the action of law exclusively from its subjective form to objective law as a whole. At the same time, the author substantiates a new type of it such as inertial action. Along the way, the influence of the inertial effect of the right on education in the structure of the existing legal relationship of legal obligations of a special kind, which, according to the mechanism of their occurrence, are similar to secondary rights, is analyzed, and in accordance with the principle of dichotomy, a hypothesis about the existence of secondary obligations is defined.

Keywords: action of law; reflex of law; inertial action of law; legal act; legal fact; secondary duty.

Статья поступила в редакцию: 10.05.2022;
одобрена после рецензирования: 25.05.2022;
принята к публикации: 30.05.2022.

The article was submitted: 10.05.2022;
approved after reviewing: 25.05.2022;
accepted for publication: 30.05.2022.

УДК 32; 34

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.47.3.04

А. В. Львов

Институт права и управления, Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

E-mail: Lvovav@mgpu.ru

ТАБЕЛЬ О РАНГАХ 1722 ГОДА И ЭВОЛЮЦИЯ ЧИНОПРОИЗВОДСТВА В XVIII ВЕКЕ

Аннотация. В 2022 году исполняется 300 лет со дня принятия Табели о рангах 1722 года. В статье рассматриваются изменения, произошедшие в государственной службе Российского государства в XVIII столетии. Особое место уделено Табели о рангах 1722 года как нормативному акту, который положил начало радикальным преобразованиям в отечественной государственной службе. Впервые появляется четкое разделение видов государственной службы на военную, статскую и придворную. В отличие от регламентов других европейских государств, в Табели о рангах основным видом госслужбы стала военная служба по сравнению со статской и придворной. Также Табелем о рангах был установлен принцип чинопроизводства в зависимости от выслуги чина и служебных заслуг. Возможностью приобретать дворянство выслугой Табель о рангах оказала решающее влияние на социальное положение чиновников, происходивших из непривилегированных сословий, что привело к существенному изменению состава и численности дворянства. Следствием принятия Табели о рангах стало образование бюрократии как особого слоя российского общества.

Ключевые слова: государственная служба; Табель о рангах; чинопроизводство; классы; ранги; должность; классный чин.

Введение

Петр I произвел в отечественной государственной службе радикальные перемены, которые привели к существенной модернизации чиновничьего аппарата. Перемены эти давно назрели и попытки их реализации предпринимались еще при предшественниках Петра¹. Основным законодательным актом, установившим новую иерархию чинов, стала «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каком классе чины...», принятая 24 января 1722 года² (далее — Табель о рангах) [9, с. 52–78; 7, с. 31].

¹ Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. Кадачевым. Кн. I. Отд. II. М., 1850. С. 19–40.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее — ПСЗРИ-1). Т. VI. № 3890 от 24 января 1722 г.

Начало работ по подготовке составления Табели о рангах связано с 1719 годом³. Причиной стало значительное увеличение количества должностей в армии и государственном аппарате, произошедшее вследствие преобразований Петра I. При разработке Табели о рангах было изучено большое количество аналогичных законов западноевропейских стран, прежде всего прусских, шведских, датских и французских, а также голландских и английских. Однако Петр I, пользуясь опытом европейского законодательства, не занимается его слепым копированием. На первом месте стоял отечественный практический опыт и предложения, высказанные в челобитных [8, с. 566; 11, с. 55].

Принятие Табели о рангах 1722 года послужило основой для долговременных и радикальных изменений не только в разделении видов государственной службы и системе чиновпроизводства, но и повлекло за собой значительные социальные изменения, связанные прежде всего с положением недворянских сословий, которые получили возможность приобретать дворянское звание путем выслуги соответствующего чина [12, с. 29–31]. Именно возможность приобретать дворянство службой стала краеугольным камнем в фундаменте нового здания государственной службы в России, в отличие от западноевропейских стран, где акты только закрепляли замкнутый характер господствующего сословия и ставили на первое место придворную службу.

Рассмотрение вопросов эволюции государственной службы в XVIII веке в историческом развитии осуществлено благодаря конкретно-историческому методу. В работе также использован структурно-системный метод, благодаря которому устанавливается связь между явлениями и процессами, происходившими в государственной службе в освещаемый в статье период. Также применяется метод юридической герменевтики, позволяющий более точно определить предпосылки, обстоятельства и историческую обстановку принятия анализируемых нормативных актов.

Основное исследование

После принятия Табели о рангах 1722 года структура государственной службы претерпела весьма серьезные изменения. Был преобразован как порядок прохождения государственной службы, так и получение вознаграждения за ее исполнение. Петр I разделил государственную службу на три вида. Первым видом стала военная служба (сухопутная армия, гвардия, артиллерия и флот). Вторым — статская (гражданская) служба, третьим — придворная. В основу служебной карьеры были положены выслуга и заслуга [11, с. 43–45]. В Табели о рангах должности и соответствующие им чины распределялись на 14 рангов (классов). Однако лишь в статской службе в первоначальном варианте Табели о рангах присутствовали все 14 классов. Вследствие различия

³ ПСЗРИ-1. Т. V. № 3384 от 4 июня 1719 г.

в статусе гвардейских чинов, чинов артиллерии и флота и армейских чинов в Табели отсутствовали гвардейские чины 1–3-го классов и флотский чин 1-го класса. Кроме того, в армии, гвардии и артиллерии не было чина 11-го класса, а во флоте не было чина 13-го класса, в придворной же службе отсутствовали чины 1, 10, 11 и 13-го классов. При дальнейших многочисленных изменениях состава Табели о рангах каждый род службы фактически включал в себя не более 13 рангов.

Так как Петр I желал, чтобы должности на государственной службе занимали только лица дворянского сословия, целый ряд низших должностей в перечень Табели о рангах не попали [3, с. 238]. Это были должности подканцеляристов, канцеляристов, копиистов, писцов.

Кроме того, стремясь иметь профессиональный госаппарат, Петр I ввел непереносимое требование о прохождении службы всеми дворянами с низших должностей⁴. Именно этот принцип царь желал сделать фундаментом государственной службы. Получая чины, чиновник должен был подниматься по карьерной лестнице в зависимости от приобретенного опыта и знаний, которые и определяли степень его профессиональной пригодности⁵ [11, с. 127].

Что касается сроков выслуги чина, то первоначально они в Табели о рангах определены не были. На практике для служащих низших рангов срок выслуги составлял примерно 3–4 года. В случае особых заслуг или протекции срок для производства в следующий чин мог быть сокращен.

Однако главной проблемой было не получение чина, а наличие вакансии на должность, которая соответствовала бы его рангу. Больше всего вакансий было в статской службе, так как количество должностей гражданских чиновников превышало военные. Таким образом, делать карьеру, поднимаясь по статской служебной лестнице, было проще. Однако дворяне считали гражданскую службу для себя позорной, подъяческой. Единственной сферой деятельности в статской службе, считавшейся для дворянина достойной, была дипломатия.

Но, по мере того как чиновник поднимался на более высокие ступени служебной лестницы, новых вакансий становилось все меньше, поскольку уменьшалось количество должностей на более высоких ступенях административной пирамиды. В связи с этим чиновников, выслуживших срок для получения следующего чина, но не имевших вакансий на соответствующие должности, стали поощрять, производя в следующий чин без изменения должности. Таким образом, чин становится наградой, почетным наименованием и перестает быть связанным с должностью [13, с. 139–140; 4, с. 32–33]. Повышение в чине, без повышения в должности получило название классного чина [1, с. 65]. Пожалование классных чинов весьма быстро распространилось и стало обычным явлением уже во второй половине XVIII столетия.

⁴ ПСЗРИ-1. Т. V. № 2775 от 26 февраля 1714 г.

⁵ ПСЗРИ-1. Т. V. № 3265 от 1 января 1719 г.; Т. VI. № 3705 от 16 января 1721 г.

Если чиновник получал классный чин, то вставал в своеобразную очередь на получение соответствующей классному чину должности. В случае открытия вакансии на должность ее получал тот, кто раньше других получил соответствующий классный чин. По мере открытия новых вакансий классные чиновники приближались к заветной должности. Эта практика стала неотъемлемым элементом выслуги чина.

Но, кроме выслуги чина, закон допускал и повышение за заслуги. Такое повышение вне общей очереди считалось особенным благоволением монарха и, как правило, воспринималось в чиновничьей среде как следствие протекции начальства⁶ [11, с. 127].

Постоянной проблемой администрации был хронический недостаток образованных дворянских кадров, имевших подобающие должностям квалификации. Следствием этого стали ситуации, при которых на должность вынуждены были назначать чиновника, не имевшего соответствующего должностного чина, или человека, имевшего необходимые знания и опыт, но не имевшего никакого чина. При этом, чтобы не наносить обиду обойденным чиновникам, получивший должность без соответствующего ей чина не имел прав, соответствующих рангу его должности. Эти права даровались только при получении чина, соответствующего должности. Проще говоря, можно было иметь чин без соответствующей ему должности (классный чин) или занимать должность, не имея соответствующего ей чина.

Возможность выслужить дворянство на государственной службе, открытая Табелью о рангах, стала едва ли не самой заманчивой привилегией, которую могла дать государственная служба человеку иного сословия. В царствование Петра I стать представителем привилегированного сословия было много проще, чем это будет в XIX веке. Приобретение статуса потомственного дворянина открывалось с получением чина 14-го ранга на военной службе и чина 8-го ранга на статской. Статские чины 9–14-го классов давали их обладателям статус личного дворянства. Личное дворянство распространялось исключительно на супругу чиновника, тогда как потомственное дворянство переходило не только на жену, но и на детей, родившихся после приобретения служащим соответствующего чина⁷.

Военная служба была поставлена над статской и придворной. Если лица, находившиеся в разных родах государственной службы, принадлежали к одному чину, то старшим среди них считался военный, если же они принадлежали к одному виду службы, то первенство признавалось за тем, кто раньше

⁶ ПСЗРИ-1. Т. XI. № 8789 от 28 сентября 1743 г.

⁷ Понятие «личное дворянство» появилось в «Жалованной грамоте дворянству» 1785 года. До этого для детей гражданских чиновников 9–14-го классов использовался термин «обер-офицерские дети». Из обер-офицерских рангов право на потомственное дворянство имели только секретари. После изменения Табели о рангах в 1845 и 1856 годах, когда потомственное дворянство на военной службе давалось чином 6-го класса, а на гражданской службе — 4-го класса, это понятие использовалось в отношении детей военных 9–14-го классов.

других был пожалован в чин. Согласно Табели о рангах соблюдение принципа старшинства рода службы и времени производства в чин, а также чинопочитания требовалось в обязательном порядке⁸.

В Табели о рангах Петр I установил штрафы для дворян, которые будут выходить за установленные пределы почестей, на которые они могли претендовать в соответствии со своим рангом. Это требование касалось как тех, кто будет требовать больше положенного им, так и тех, кто будет уступать другим полагавшиеся его чину почести. Кроме того, в 1722 году царь утверждает при Сенате Герольдмейстерскую контору (Герольдию) во главе с герольдмейстером, ведению которой подлежали дела дворянского сословия. В частности, Герольдия занималась составлением списков дворян, состоящих на государственной службе, контролировала их поступление на службу и пресекала уклонение от нее, рекомендовала Сенату кандидатов на вакантные должности в государственном аппарате.

Составляя Табель о рангах, Петр I также распространил почести, полагавшиеся в соответствии с чином, на членов семьи чиновника. Исключением стали только сыновья, так как они должны были проходить государственную службу и, следовательно, выслуживать себе чины сами. Новой особенностью Табели о рангах стали придворные чины для женщин. Вне зависимости от ранга мужа или отца женщина, состоявшая при дворе, могла иметь собственный чин.

Важной особенностью Табели о рангах было то, что государственный интерес был поставлен выше интересов двора, так как основными видами государственной службы считались военная и статская, а не придворная. При этом в России служба монарху воспринималась как обязанность, тогда как в западноевропейских государствах она считалась привилегией.

Впервые в отечественной истории возникла единая система рангов, прохождение которой было обязательным для всех без исключения дворян, причем в обязательном порядке служба начиналась с нижней ступени этой служебной лестницы. Само существование столь четко выстроенной чиновной лестницы, каждая ступень которой сопровождалась жесткой регламентацией, говорило о высокой степени централизации государственного управления.

Еще одним выгодным отличием Табели о рангах от западноевропейских служебных регламентов было то, что карьера чиновника находилась в зависимости от выслуги и заслуги рангов, что давало находившемуся на государственной службе лицу из недворянского сословия возможность получения дворянского звания. Подобный шаг Петра I не позволил дворянству превратиться в замкнутую элиту. С помощью Табели о рангах, выходцы из иных сословий получили юридические основания для попадания в ряды господствующего сословия.

С 20-х годов XVIII столетия и до манифеста 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» текст Табели о рангах подвергался неоднократным правкам и изменениям. Первые изменения

⁸ ПСЗРИ-1. Т. VIII. № 5245 от 26 февраля 1728 г.

в Табель о рангах были внесены самим ее создателем. Более того, Петр I внес первые изменения в текст уже подписанного им закона еще до его опубликования [8, с. 566]. В частности, многократно менялась номенклатура должностей, повышались их ранги, вносились исправления в принципы и порядок продвижения по служебной лестнице и т. п. Также в целях экономии государственных средств были произведены многочисленные сокращения различных должностей. Однако эта мера оказалась совершенно неэффективной. Интересно отметить, что из Табели о рангах упраздненные должности исключать не стали. При Анне Иоанновне ими стали награждать офицеров, выходивших в отставку⁹ [11, с. 121, 126].

На фоне сокращения статских должностей было увеличено количество должностей придворных. Дворцовые перевороты, сыгравшие столь печальную роль в истории российского государства в XVIII веке, придали титулованной знати еще больше значения и при императорском престоле, и в государственной службе. Различные придворные партии, желая сформировать более надежные основания своего влияния, обращали особо пристальное внимание на гвардию. В связи с этим чинопроизводство в гвардии сопровождалось многочисленными и разнообразными злоупотреблениями и нарушениями. Печальнее всего была тенденция не просто добиться выгодного назначения для представителя своей партии, но изменить сами нормы чинопроизводства в угоду власти имущим. Та же негативная ситуация присутствовала при продвижении по статской службе [11, с. 124–126].

Нетитулованное дворянство закономерно выражало свое возмущение подобным произволом при повышении в чинах. В конце концов их жалобы были услышаны — 15 февраля 1742 года появился указ Елизаветы I «О повышении чинами по старшинству и заслугам», объявлявший о восстановлении старого порядка чинопроизводства через заслугу и выслугу рангов¹⁰. При этом сроки выслуги для каждого чина первоначально не были четко определены, потому чиновники каждого ранга получали новый чин по старшинству. Как уже говорилось, чем выше по служебной лестнице поднимался чиновник, тем меньше становилось количество вакансий, что замедляло его карьерное продвижение. Поэтому получение каждого следующего чина занимало все больший срок, а ожидание могло занять не одно десятилетие. Исправить данное положение могло лишь повышение за заслуги. Однако даже при наличии действительных заслуг подобное повышение вызывало недовольство чиновников, обойденных их более удачливой коллегой и, как правило, всегда считалось следствием чьего-либо покровительства. Дело было в том, что даже при наличии действительных заслуг или протекции нельзя было просто переместить чиновника из одного места очереди претендентов на чин в другое. В этом случае обязательно предпринимались меры для служебного повышения тех чиновников,

⁹ ПСЗРИ-1. Т. IX. № 6836 от 14 ноября 1735 г.

¹⁰ ПСЗРИ-1. Т. XI. № 8516 от 15 февраля 1742 г.

которые оказались обойденными подобным «внеочередным» повышением [11, с. 128–129].

13 января 1753 года был издан указ «О счете старшинства в чинах по каждому ведомству особо», установивший правила повышения в чинах, в соответствии с которыми чиновникам одного ранга предписывалось, как вести между собой счет старшинства по службе¹¹. Таким образом, идет процесс бюрократизации дворянства и ко второй половине XVIII столетия в России складывается система чиновного местничества.

В первые десятилетия XVIII века государственная служба для дворянина была пожизненной и весьма тяжелой обязанностью. Начиная с 16 лет, каждый дворянин, если в отношении него не было особого распоряжения, зачислялся рядовым в армию. Исключения делались для наиболее образованных дворянских детей. В случае уклонения от несения службы Петр I предписывал карать уклонистов шельмованием, т. е. объявлением их вне закона с лишением всех прав и конфискацией имущества¹². Однако даже столь крутые меры должного эффекта не принесли.

Первые облегчения служебной обязанности дворян принесло царствование Анны Иоанновны. В 1736 году дворянская служба перестала быть пожизненной, получив ограничительный срок в 25 лет. Молодые дворяне стали призываться на службу по достижении 20 лет. К 45 годам, выслужив положенный четвертьвековой срок, дворянин имел право выйти в отставку или продолжить служить. Кроме того, один из членов дворянской семьи мог поставить вместо себя в армию рекрута и остаться дома для управления родовым поместьем¹³ [5, с. 30–31].

Вследствие принятия Петром III в 1762 году манифеста «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» дворянская служба фактически утратила свой обязательный характер. С этого момента дворяне получили возможность самим решать, идти им на государственную службу или не идти¹⁴. Эту привилегию подтвердила Екатерина II в «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» 1785 года¹⁵. [6, с. 34–35]. Павел I сделал попытку вновь принудить дворянство к обязательной службе, но после убийства императора в 1801 году старый принцип добровольности службы был восстановлен¹⁶.

Правительство империи в те годы вело политику стимулирования дворян к поступлению на государственную службу. Кроме общего мнения, что не служить вообще неприлично, вырабатывается представление о том, что для дворянина позорно выйти в отставку с небольшим чином. В связи с этим правительство пыталось сделать государственную службу для дворян более привлекательной,

¹¹ ПСЗРИ-1. Т. XIII. № 10066 от 13 декабря 1753 г.

¹² ПСЗРИ-1. Т. VI. № 3874 от 11 января 1722 г.

¹³ ПСЗРИ-1. Т. IX. № 11625 от 31 декабря 1736 г.

¹⁴ ПСЗРИ-1. Т. XV. № 11444 от 18 февраля 1762 г.

¹⁵ ПСЗРИ-1. Т. XVI. № 16187 от 21 апреля 1785 г.

¹⁶ ПСЗРИ-1. Т. XXVI. № 19810 от 2 апреля 1801 г.

предпринимая для этой цели самые разные способы, первое место среди которых занимало особое выделение чиновников, отличившихся по службе.

Одним из первых своих указов 24 июля 1762 года Екатерина II предписала Герольдии составлять в начале каждого года генеральную выписку для награждения чиновников за служебные заслуги и направлять ее в Сенат на рассмотрение¹⁷. 3 марта 1763 года появился еще один указ, по которому для всех чиновников должны были составлять служебные аттестаты¹⁸. Указами 31 января и 19 апреля 1764 года дважды в году все полки и учреждения должны были направлять в Герольдию послужные списки по утвержденной форме¹⁹. Кроме того, во всех присутственных местах должны были вестись специальные служебные аттестаты (журналы), в которые записывались все события, связанные со служебной карьерой того или иного чиновника. В этих журналах содержались сведения о характере чиновников, их отношении к служебным обязанностям, качестве выполняемой ими работы и т. п. Но ожидания эффективной работы данной меры не оправдались. Главным недостатком журналов был формализм при выявлении служебных и личных качеств чиновников.

Как бы то ни было, проведенные правительством Екатерины II реформы государственного управления повлекли за собой новые преобразования Табели о рангах, связанные, как и прежде, с различными изменениями в расположении служебных должностей по рангам. Самые крупные изменения в составе должностей произошли в 1764 году в связи с принятием новых штатов государственных учреждений [11, с. 150].

Сохранялись существенные сложности с порядком производства лиц недворянского происхождения в чин 14-го класса. В соответствии с указом от 5 сентября 1765 года чин 14-го класса давался лишь при получении должности этого класса. Если чиновник не был дворянином, то приобретение чина 8-го класса, делавшего его обладателя потомственным дворянином, связывалось с условием беспорочной двенадцатилетней службы. Положения указа от 5 сентября 1765 года были подтверждены и развиты в указе от 16 декабря 1790 года «О правилах производства в статские чины». Подтверждалось получение чина за заслуги или выслугу определенного в законе количества лет. Повышение в следующий чин допускалось только по прошествии трех лет после получения предыдущего чина²⁰. Данные условия приобретения чина выслугой лет были окончательно закреплены указом Павла I «О наблюдении, при избрании чиновников к должностям, старшинства мест и чинов» от 20 апреля 1797 года. В указе «О сроках к производству дворян в чины» от 9 декабря 1799 года. Павел I утвердил четкие сроки выслуги лет для чинов 5–9-го классов. Для производства в чин коллежского асессора необходимо было прослужить четыре года,

¹⁷ ПСЗРИ-1. Т. XVI. № 11625 от 13 июля 1762 г.

¹⁸ ПСЗРИ-1. Т. XVI. № 11769 от 3 марта 1763 г.

¹⁹ ПСЗРИ-1. Т. XVI. № 12030 от 31 декабря 1764 г.; № 12134 от 19 апреля 1764 г.

²⁰ ПСЗРИ-1. Т. XVII. № 12465 от 5 сентября 1765 г.; Т. XXIII. № 16930 от 16 декабря 1790 г.

для получения чина надворного советника — пять лет, коллежского советника — шесть лет, а статского советника — четыре года²¹.

Благодаря этим изменениям можно было просто выслуживать чины беспорочной службой. Что касается получения нового чина раньше положенного срока, то это по-прежнему считалось повышением за служебные заслуги, особой наградой для чиновника. При этом качество чиновничьего аппарата продолжало желать лучшего. Хронический дефицит опытных и образованных чиновников на государственной службе стабильно сохранялся. Таким образом, появившаяся еще при Петре I практика повышения чиновника на должность более высокую, чем ранг его чина, во второй половине XVIII века продолжает успешно существовать. Более того, при возникновении подобной ситуации чиновник, как правило, возводился в чин, соответствовавший его новой должности, без учета конкретных заслуг и необходимых для получения чина лет выслуги. Точка в этом процессе была поставлена Александром I в указе от 2 июня 1808 года, по которому Сенат мог присваивать чиновникам новый чин только при строгом соблюдении определенного срока выслуги²².

Основой для окончания процесса складывания системы гражданского чинопроизводства послужил указ Александра I «О правилах производства в чины и определения чиновников к должностям» от 1 августа 1801 года. С этого момента производство в чины могло происходить лишь по указам Павла I от 16 декабря 1790 года. «О правилах производства в статские чины» и 9 декабря 1799 года. «О сроках к производству дворян в чины», с отменой всех последующих дополнений к ним²³. Таким образом, к началу XIX века формирование системы гражданского чинопроизводства фактически было завершено.

Выводы

Табель о рангах, в которую на протяжении столетия вносились неоднократные изменения, стала краеугольным камнем системы российской государственной службы и основанием для консолидации дворян в единое сословие. Благодаря ей усиливается социальная мобильность правящего сословия, так как стало возможным выслуживать дворянство. Чин и Табель о рангах стали едва ли не самым важным явлением русской общественной жизни тех лет. Как писал путешествовавший по России в конце XVIII века француз де Бре, «здесь все зависит от чина... Не спрашивают, что знает такой-то, что он сделал или может сделать, а какой у него чин» [2, с. 62]. В российском обществе весьма долгое время считалось, что чин является милостью монарха, исключительным, пожалованным императором почетным званием. Поэтому

²¹ ПСЗРИ-1. Т. XXIV. № 17926 от 20 апреля 1797 г.; Т. XXV. № 19219 от 9 декабря 1799 г.

²² ПСЗРИ-1. Т. XXX. № 23056 от 2 июня 1808 г.

²³ ПСЗРИ-1. Т. XXVI. № 19961 от 1 августа 1801 г.

начальник мог уволить подчиненного, не утруждая себя объяснением причин, но лишиться чина мог только суд и лишь в том случае, если его решение утверждалось монархом²⁴. Чин стал мерилom не только служебной, но и социальной значимости человека²⁵. Таким образом, в Российской империи складывается полноценная бюрократия, к концу XVIII столетия сформировавшаяся в цельную коррумпированную многоуровневую элиту, привилегии которой были закреплены законодательно. При этом численный рост служилых людей, начавшийся еще в конце XVII века, не привел к созданию столь многочисленной бюрократии, как во Франции и иных европейских государствах [10, с. 228–229].

Табель о рангах знаменовала переход от патриархальной традиции в сферах деятельности военной, гражданской, судебной и придворной администрации к рациональным методам управления. Госслужба была избавлена от остатков старого местничества, неразделенности функций и уровней компетенции. Произошли унификация и систематизация государственной службы, опиравшиеся на степень годности, квалифицированности служащих. Впервые все чины, независимо от сферы управленческой деятельности, были включены в единую иерархию, разделенную на ранги.

Табель о рангах — нормативный акт, ставший закономерным выражением процессов, происходивших при формировании абсолютной монархии [14, р. XII]. В те времена в России складывается ситуация, когда уровень благосостояния, статус и престиж служащего зависели от воли монарха, т. е. от предоставления им чинов и должностей, а значит, и соответствующих им привилегий.

Табель о рангах — наиболее совершенный и полноценный закон, посвященный государственной службе Российской империи, ставший воплощением как отечественного, так и зарубежного опыта в этой сфере.

Литература

1. Борщевский Г. А. Система управления бюрократией в дореволюционной, советской и современной России // Вестник СПбГУ. История. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 61–84.
2. Бре Ф. Г. де. Записка баварца о России времен императора Павла (окончание) // Русская старина. 1899, октябрь. Т. 100. С. 59–78.
3. Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России: сб. статей. М.: Наука, 1964. С. 206–242.
4. Евреинов В. А. Гражданское чиновничество в России. Исторический очерк. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1887. 87 с.
5. История государственного контроля (надзора) в сфере образования в России (XVIII – начало XXI в.): хрестоматия / сост. Н. Н. Андреева, А. В. Звонарев, А. Д. Калмыкова [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М.: МГПУ, 2017. 952 с.
6. Леонтьева Н. Е. Концепция правового статуса в Жалованной грамоте дворянству 1785 года // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 33–38.

²⁴ ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18894 от 18 марта 1799 г.

²⁵ См. например: ПСЗРИ-1. Т. XX. № 14290 от 3 апреля 1775 г.

7. Пашенцев Д. А. Государственные преобразования петровского времени через призму историко-антропологической теории права (к 300-летию провозглашения Российской империи) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 1 (41). С. 27–34.

8. Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб.: Изд. т-ва Общественная польза, 1862. Т. II. 694 с.

9. Российское законодательство X–XX вв. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1986. Т. 4. С. 52–78.

10. Ростиславлев Д. А. А. Токвиль о бюрократическом управлении во Франции при старом порядке // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: сборник материалов Международной научной конференции памяти профессора Ф. М. Рудинского, 15 апреля 2021 г. / под общ. ред. В. В. Строева, Д. А. Пашенцева, Н. М. Ладнушкиной. М.: Саратовский вестник, 2021. С. 226–230.

11. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М.: Наука, 1974. 396 с.

12. Федосеев Р. В. Порядок приобретения потомственного дворянства по законодательству XVIII–XIX веков // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. № 2 (9). С. 27–35.

13. Шепелев Л. Е. Чиновный мир России XVIII – начало XIX в. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 480 с.

14. Bendix R. Kings or people: Power and the Mandate to Rule. Berkeley-Los Angeles-London, University of California press, 1980. 692 p.

Literatura

1. Borshhevskij G. A. Sistema upravleniya byurokraziej v dorevolucionnoj, sovetskoj i sovremennoj Rossii // Vestnik SPbGU. Istorija. 2020. T. 65. Vy`p. 1. S. 61–84.

2. Bre F. G. de. Zapiska bavarca o Rossii vremen imperatora Pavla (okonchanie) // Russkaya starina. 1899, oktyabr`. T. 100. S. 59–78.

3. Demidova N. F. Byurokratizacija gosudarstvennogo apparata absolyutizma v XVII–XVIII vv. // Absolyutizm v Rossii: sb. statej. M.: Nauka, 1964. S. 206–242.

4. Evreinov V. A. Grazhdanskoe chinoproizvodstvo v Rossii. Istoricheskij ocherk. SPb.: Tip. A. S. Suvorina, 1887. 87 s.

5. Istorija gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v sfere obrazovaniya v Rossii (XVIII – nachalo XXI v.): xrestomatiya / sost. N. N. Andreyanova, A. V. Zvonarev, A. D. Kalmy`kova [i dr.]. 2-e izd., ispr. i dop. M.: MGPU, 2017. 952 s.

6. Leont`eva N. E. Konceptiya pravovogo statusa v Zhalovannoj gramote dvoryanstvu 1785 goda // Voprosy` rossijskoj yusticii. 2020. № 8. S. 33–38.

7. Pashencev D. A. Gosudarstvenny`e preobrazovaniya petrovskogo vremeni cherez prizmu istoriko-antropologicheskoy teorii prava (k 300-letiyu provozglasheniya Rossijskoj imperii) // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 1 (41). S. 27–34.

8. Pekarskij P. Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. SPb.: Izd. t-va Obshhestvennaya pol`za, 1862. T. II. 694 s.

9. Rossijskoe zakonodatel`stvo X–XX vv. / pod obshh. red. O. I. Chistyakova. M.: Yuridicheskaya literatura, 1986. T. 4. S. 52–78.

10. Rostislavlev D. A. A. Tokvil` o byurokraticheskom upravlenii vo Francii pri starom poryadke // Pravo i prava cheloveka v sovremennom mire: tendencii, riski, perspektivy` razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii pamyati professora

F. M. Rudinskogo, 15 aprelya 2021 g. / pod obshh. red. V. V. Stroeva, D. A. Pashenceva, N. M. Ladnushkinoj. M.: Saratovskij vestnik, 2021. S. 226–230.

11. Troiczkiy S. M. Russkij absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII v. M.: Nauka, 1974. 396 s.

12. Fedoseev R. V. Poryadok priobreteniya potomstvennogo dvoryanstva po zakonodatel'stvu XVIII–XIX vekov // Gumanitarny'e i politiko-pravovy'e issledovaniya. 2020. № 2 (9). S. 27–35.

13. Shepelev L. E. Chinovny'j mir Rossii XVIII – nachalo XIX v. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2001. 480 s.

14. Bendix R. Kings or people: Power and the Mandate to Rule. Berkeley-Los Angeles-London, University of California press, 1980. 692 p.

A. V. Lvov

Table of Ranks of 1722 and the Evolution of Promotion in Rank in the 18th Century

Abstract. 2022 marks the 300th anniversary of the adoption of the Table of Ranks of 1722. The article deals with the changes that took place in the public service of the Russian state in the 18th century. A special place is given to the Table of Ranks of 1722, as a normative act that marked the beginning of radical transformations in the domestic public service. For the first time, there is a clear division of the types of public service into military, civilian and court. In contrast to the regulations of other European states, in the Table of Ranks, the military service became the main type of civil service compared to civilian and court service. Also, the Table of Ranks established the principle of rank production depending on the period of service of the rank and service merit. Thanks to the possibility of acquiring the nobility by period of service, the Table of Ranks had a decisive influence on the social position of officials who came from the unprivileged classes, and, thus, on a significant change in the composition and number of the nobility. The consequence of the adoption of the Table of Ranks was the formation of the bureaucracy, as a special layer of Russian society.

Keywords: civil service; Table of ranks; promotion in ranks; classes; ranks; position; class rank.

Статья поступила в редакцию: 26.05.2022;
одобрена после рецензирования: 10.06.2022;
принята к публикации: 11.06.2022.

The article was submitted: 26.05.2022;
approved after reviewing: 10.06.2022;
accepted for publication: 11.06.2022.

УДК 34.03:159.9

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.47.3.05

А. В. Скоробогатов

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), Казань, Российская Федерация

E-mail: av.skorobogatov@mail.ru

А. И. Скоробогатова

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), Казань, Российская Федерация

E-mail: a.i.skorobogatova@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. Статья посвящена разработке типологии правового поведения человека с ценностных позиций. На основе интегративного исследования этой категории доказывается, что правовое поведение человека как совокупность правовых действий по реализации норм и ценностей позитивного и (или) социального права зависит от индивидуальной и социальной системы правовых ценностей, отношения к ним индивида и сообщества, с которым он себя идентифицирует, а также от правового статуса личности и выполняемой ею социальной функции. Это позволяет выделить три типа правового поведения (активное правовое поведение, обычное правовое поведение, пассивное правовое поведение), структура и содержание которых детерминированы ценностными ориентациями и мотивацией индивида в правовой коммуникации. Учет данного вывода в правовоспитательной деятельности позволит повысить ее эффективность не только когнитивно, но и функционально.

Ключевые слова: правовое поведение; правовая реальность; аксиология права; правовые ценности; типология.

Введение

Правовая реальность современной России представляет собой многоуровневое социальное явление, изучение которого исключительно в онтологическом ключе позволяет познать лишь его содержание. Сущностное же исследование предполагает обращение к аксиологической проблематике. Речь при этом идет как об изучении правовой реальности в целом, так и отдельных ее уровней. Наиболее противоречивым среди них является правоповеденческий уровень, включающий не только нормативные, но и ценностные аспекты. При этом важно учитывать, что развитие и функционирование

правовой реальности непосредственно зависят от действий индивидов как участников правовой коммуникации.

Целью статьи является комплексное философско-правовое исследование категории «правовое поведение» в контексте ценностных аспектов развития и функционирования правовой реальности.

Проблема правового поведения имеет свои исследовательские акценты и носит междисциплинарный характер, обусловивший обращение к ней не только юристов, но и представителей иных гуманитарных наук. Среди аспектов проблемы, к которым обратились отечественные (И. К. Денисенко [3], А. Е. Епифанов [4], З. Н. Каландаришвили [5] и др.) и зарубежные авторы (S. H. N. Carey [10], D. A. Krauss [11] и др.), можно обозначить изучение факторов, детерминирующих правовое поведение; категориальный анализ правового поведения, типологию правового поведения.

Методы

Методологически статья основана на обоснованном Р. Алекси интегративном подходе к изучению как правовой реальности в целом, так и ее отдельных элементов [9]. Данный подход ориентирует проводить исследование категории «правовое поведение» на основе использования синтеза классической и постклассической методологии с учетом не только онтологических, но и аксиологических аспектов.

Основная часть

Как показано в ряде наших предыдущих работ, «правовое поведение можно рассматривать как упорядоченную совокупность социально значимых деяний индивида, обусловленных психологическими, социальными и правовыми факторами, прежде всего правовым архетипом, и направленных на удовлетворение правовых потребностей (интересов и притязаний) с целью наступления социально полезного или допустимого результата» [8, с. 29]. Однако необходимо учитывать, что допустимость результата является оценочным понятием и зависит от ценностных ориентаций человека, связанных с его правовой идентификацией, правовым статусом и выполняемой социальной ролью в определенном сообществе (реальная и (или) номинальная социальная группа, общество в целом) [7]. Индивидуальная система правовых ценностей при этом является не столько отражением в сознании индивида групповых или социальных ценностей, сколько их интерпретацией, зачастую ситуативной и обусловленной не только социокультурными, а тем более юридическими, но и психосоциальными факторами [11, р. 79].

Границы правового поведения человека в сообществе определяются целесообразностью, которая не только диктует выбор оптимального варианта

поведения в той или иной ситуации, но и ориентирует на соблюдение предписаний и запретов. Целью правового поведения является достижение бесконфликтного сосуществования в рамках определенного сообщества, с которым себя идентифицирует человек. В качестве такого сообщества может выступать как отдельная социальная группа (реальная и(или) номинальная), так и общество в целом.

Правовая идентификация человека предполагает, что в процессе правовой коммуникации он стремится реализовать не только индивидуальные, но и групповые (социальные) потребности [2], хотя последние, как правило, имеют вторичное значение. В случае противоречия индивидуальных и социальных интересов человек ориентируется на первые [1]. Однако полностью отказаться от последних индивид не может, поскольку это будет угрожать его идентификации и создавать угрозу исключения из социального и (или) группового правового пространства. Реализация социальных потребностей не зависит от характера правовой коммуникации, но при горизонтальной коммуникации социальные интересы играют существенное значение для всех субъектов, а при вертикальной их роль более значима для адресатов. Поэтому выбор оптимальной модели поведения хотя и имеет ситуативный характер, но связан с долгосрочной перспективой правовой коммуникации. Для индивида при этом важны потенциальные последствия его действий в соответствии с выполняемой социальной ролью не только по отношению к себе, но и к иным корреспондирующим субъектам конкретного акта правового взаимодействия. В последнем случае человек прогнозирует возможные ментальную и функциональную реакции на свои действия, опираясь на особенности правовой коммуникации в сообществе, в рамках которого происходит акт взаимодействия.

Анализ ценностных ориентаций человека в процессе выбора модели правового поведения и ее реализации на практике позволяет провести его типологию с позиций соблюдения норм не только официального, но и социального права. Это позволяет сконструировать сложноорганизованную типологию, где элементы первого уровня являются системными образованиями. В качестве ключевого понятия такой типологии можно рассматривать правовую активность [6], которая выражает степень готовности человека совершать правовые действия на основе индивидуальной и (или) социальной системы правовых ценностей. В соответствии с этим критерием мы выделяем три типа правового поведения: *активное правовое поведение* (целенаправленная инициативная правовая деятельность человека); *обычное правовое поведение* (повседневная правовая деятельность человека, направленная на реализацию норм позитивного и социального права); *пассивное правовое поведение* (правовая деятельность человека, детерминированная добровольным отказом от реализации своих прав и свобод). Второй уровень типологии предполагает выделение видов правового поведения в зависимости от мотивации и отношения к официальному (позитивному) праву.

Активное правовое поведение в наибольшей степени связано с правовой идентификацией человека. Целенаправленная правовая деятельность по реализации норм и ценностей сообщества не только позволяет индивиду стать полноправным членом данного сообщества, но и обуславливает его восприятие иными членами в качестве такового. Прежде всего речь идет об идентификации человека с определенным сообществом в качестве адресата. Однако чем выше степень правовой активности индивида, тем больше потенциальная возможность его трансформации в процессе правовой коммуникации в адресанта.

В рамках данного типа правового поведения можно выделить два вида, обусловленных отношением к официальному праву: *социально активное поведение* (правомерное поведение) и *антисоциальное правовое поведение* (неправомерное поведение). Если первое предполагает идентификацию индивида с официально признаваемым сообществом, то второе направлено на тождественность человека с группой, ценностные ориентации которой противоречат официальной системе правовых ценностей и (или) деятельность которой противоречит позитивному праву. При антисоциальном правовом поведении человек, руководствуясь индивидуальной системой правовых ценностей и стремясь к максимальному удовлетворению индивидуальных интересов, осознанно нарушает юридические нормы. Однако при этом он способен действовать не только в собственных интересах, но и в интересах определенного преступного сообщества. В этом виде правового поведения нормы социального права для индивида становятся более значимыми, чем официальные. Стремление к правовой идентификации с преступным сообществом и потенциальные духовные и материальные дивиденды, в том числе возможность повысить свою роль в правовой коммуникации, обуславливают совершение действий, являющихся противоправными с позиций закрепленных в данном государстве правил поведения.

К антисоциальному правовому поведению можно также отнести «злоупотребление правом», которое представляет собой особый вид правового поведения человека, заключающийся в деяниях индивида по удовлетворению своих непротивоправных интересов способами, формально соответствующими юридической норме и в отдельных случаях основанными на неписаных правилах, но наносящими или потенциально способными нанести ущерб (убытки, вред) отдельной личности, социальной группе, обществу, государству и посягающими на преобладающие в социуме правовые ценности. При этом причиненный вред может относиться как непосредственно к участнику правового взаимодействия, так и к третьим лицам, а в некоторых случаях — ко всему обществу. Отметим, что злоупотребление правом может происходить как в форме действия, так и бездействия. В последнем случае субъект намеренно не реализует определенные обязанности, обусловленные его правовым взаимодействием с другими лицами, объясняя это необходимостью реализации и (или) защиты субъективного права или юридической свободы (например, при непредоставлении сервитута).

Однако злоупотребление правом в контексте обращения к неофициальному праву может пониматься дихотомично. С одной стороны, к злоупотреблению

правом можно отнести деяния субъекта правоотношений в процессе реализации своих интересов, соответствующих юридической норме (т. е. непротивоправных), но при этом причиняющих вред другим субъектам (т. е. приобретающих элемент противоправности в отношении юридически значимых последствий деяния). В таких случаях злоупотребление правом может быть представлено либо как условно правомерное поведение, либо как вид отклонения от требований юридических норм, не включающее все элементы состава правонарушения (отсутствует прямая противоправность самого деяния). Субъект может ссылаться на использование своих возможностей на базе неписаной нормы, которые, однако, не будут учтены в случае правового конфликта и обращения в юрисдикционные органы. В этом случае критерием отнесения поведения к злоупотреблению правом будет выступать нарушение правовых ценностей. С другой стороны, злоупотреблением правом выступает деяние, которое содержит в себе все элементы юридического состава правонарушения и, следовательно, может рассматриваться в качестве специфичного вида правонарушения.

Обычное правовое поведение является наиболее распространенным. Оно детерминировано стремлением индивида основывать свои правовые действия на ценностных ориентациях сообщества, с которым он себя идентифицирует, поскольку это в наибольшей степени позволяет членам группы воспринимать данного человека в качестве адресата внутригрупповой коммуникации.

В рамках обычного правового поведения в зависимости от отношения к позитивному праву и мотивации конкретного коммуникативного акта можно выделить восемь видов правового поведения: *законопослушное поведение* (осознанная реализация индивидом норм и ценностей не только социального, но и позитивного права), *привычное правомерное поведение* (правовые действия человека по реализации норм социального и позитивного права и правовых ценностей, осуществляемые в пределах привычной деятельности), *обыденное правомерное поведение* (правовые действия по реализации правовых норм и ценностей в силу их соответствия нравственным и (или) религиозным ценностям и нормам), *ситуативное правомерное поведение* (правомерные действия индивида в ситуативном контексте, при совпадении индивидуальных интересов и нормативных предписаний в конкретном акте правовой коммуникации), *привычное неправомерное поведение* (правовые действия человека, направленные на реализацию индивидуальных и (или) групповых правовых норм и ценностей, имеющих антисоциальный характер, в силу привычки или допустимости их процесса и результата для удовлетворения собственных потребностей), *случайное неправомерное поведение* (неправомерные действия под влиянием эмоций или безответственного отношения к их последствиям), *ситуативное неправомерное поведение* (правовое поведение человека по реализации индивидуальных правовых ценностей, независимо от их противоречия официальным и (или) социальным нормам и ценностям), *парциальное неправомерное поведение* (частично неправомерные действия человека).

Осознанный и добровольный отказ человека от реализации своих прав и свобод, характерный для пассивного правового поведения, обуславливает его распространенность прежде всего в тоталитарных обществах. Невозможность реализации своих прав и свобод в юридической практике приводит к саморефлексии человеком себя только в качестве адресата правовой коммуникации и формированию ценностных ориентаций на совершение правовых действий, максимально соответствующих системе правовых норм и ценностей сообщества, с которым он себя идентифицирует.

В зависимости от мотивации человека в коммуникативных актах и его отношения к позитивному праву в составе пассивного правового поведения можно выделить четыре вида: *конформистское правомерное поведение* (правовые действия по воспроизводству правомерного поведения окружающих (прежде всего сообщества, с которым себя идентифицирует индивид), воспринимаемому в качестве эталона), *маргинальное правомерное поведение* (правовые действия, осуществляемые под страхом наказания со стороны государства или сообщества, с которым себя идентифицирует индивид и деятельность которого не противоречит официальной системе правовых ценностей), *конформистское неправомерное поведение* (правовые действия человека по реализации антисоциальных норм и ценностей преступного сообщества, осуществляемые с целью идентификации с этим сообществом), *маргинальное неправомерное поведение* (правовые действия, осуществляемые под страхом наказания со стороны сообщества, с которым себя идентифицирует индивид и для которого характерна антисоциальная система правовых ценностей).

Заключение

Исходя из вышеизложенного, правовое поведение как совокупность правовых действий по реализации норм и ценностей позитивного и (или) социального права наиболее целесообразно типологизировать на основе аксиологических критериев. Это позволяет выделить три типа правового поведения (активное правовое поведение, обычное правовое поведение, пассивное правовое поведение), структура и содержание которых детерминированы ценностными ориентациями и мотивацией индивида в правовой коммуникации.

Литература

1. Правовое сознание и правовое поведение: анализ причинной взаимосвязи / Г. К. Артамонова, В. В. Горбашев, Т. П. Ретунская, В. М. Реуф // Мир политики и социологии. 2012. № 1. С. 116–120.
2. Волкова В. М. Формирование правовой установки в индивидуальном и общественном сознании // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2015. № 2. С. 48–53.

3. Денисенко И. К. Особенности влияния правовой компетентности на правовое поведение личности в трансформирующемся российском обществе. Краснодар: Юг, 2012. 82 с.
4. Епифанов А. Е. Теоретические аспекты воздействия законности на правовое поведение личности / А. Е. Епифанов, Е. Л. Кдлян. М.: Юрлитинформ, 2015. 208 с.
5. Каландаришвили З. Н. Правовая культура как элемент системы правового поведения личности. СПб.: Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, 2012. 127 с.
6. Певцова Е. А. Правовое поведение и правовая активность личности // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2014. № 5. С. 93–98.
7. Резников Е. В. Поведенческий компонент правовой идентичности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 1 (23). С. 12–14.
8. Skorobogatov A. V. Правовое поведение как феномен правовой реальности / А. В. Skorobogatov, А. В. Krasnov // Правовая культура. 2017. № 1 (28). С. 25–35.
9. Alexy R. Law's Ideal Dimension. Oxford: Oxford University Press, 2021. 420 p.
10. McCaghy C. H., Capron T. A., Jamieson J. D., Carey S. H. H. Deviant Behavior Crime, Conflict and Interest Groups. 8th Edition. New York: Routledge, 2016. 448 p.
11. Sales B. D., Krauss D. A. The Psychology of Law: Human Behavior, Legal Institutions and Law. Washington: American Psychological Association, 2015. 188 p.

Literatura

1. Pravovoe soznanie i pravovoe povedenie: analiz prichinnoj vzaimosvyazi / G. K. Ar-tamonova, V. V. Gorbachev, T. P. Retunskaya, V. M. Reuf // Mir politiki i sociologii. 2012. № 1. S. 116–120.
2. Volkova V. M. Formirovanie pravovoj ustanovki v individual`nom i obshhestvennom soznanii // Vestnik Severo-Kavkazskogo gumanitarnogo instituta. 2015. № 2. S. 48–53.
3. Denisenko I. K. Osobennosti vliyaniya pravovoj kompetentnosti na pravovoe povedenie lichnosti v transformiruyushhemsya rossijskom obshhestve. Krasnodar: Yug, 2012. 82 s.
4. Epifanov A. E. Teoreticheskie aspekty` vozdeystviya zakonnosti na pravovoe povedenie lichnosti / A. E. Epifanov, E. L. Kdlyan. M.: Yurlitinform, 2015. 208 s.
5. Kalendarishvili Z. N. Pravovaya kul`tura kak e`lement sistemy` pravovogo povedeniya lichnosti. SPb.: Sankt-Peterburgskij institut vneshnee`konomicheskix svyazej, e`konomiki i prava, 2012. 127 s.
6. Pevczova E. A. Pravovoe povedenie i pravovaya aktivnost` lichnosti // Fundamental`ny`e i prikladny`e issledovaniya kooperativnogo sektora e`konomiki. 2014. № 5. S. 93–98.
7. Reznikov E. V. Povedencheskij komponent pravovoj identichnosti // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 1 (23). S. 12–14.
8. Skorobogatov A. V. Pravovoe povedenie kak fenomen pravovoj real`nosti / A. V. Skorobogatov, A. V. Krasnov // Pravovaya kul`tura. 2017. № 1 (28). S. 25–35.
9. Alexy R. Law's Ideal Dimension. Oxford: Oxford University Press, 2021. 420 p.
10. McCaghy C. H., Capron T. A., Jamieson J. D., Carey S. H. H. Deviant Behavior Crime, Conflict, and Interest Groups. 8th Edition. New York: Routledge, 2016. 448 p.
11. Sales B. D., Krauss D. A. The Psychology of Law: Human Behavior, Legal Institutions and Law. Washington: American Psychological Association, 2015. XI, 188 p.

A. V. Skorobogatov,

A. I. Skorobogatova

Typology of Human Legal Behavior in an Axiological Context

Abstract. The article is devoted to the development of a typology of human legal behavior from value positions. On the basis of an integrative study of this category, it is proved that the legal behavior of a person as a set of legal actions to implement the norms and values of positive and (or) social law depends on the individual and social system of legal values, the attitude of the individual and the community with which he identifies himself, as well as on the legal status of the individual and the social function performed by him. This allows us to distinguish three types of legal behavior (active legal behavior, ordinary legal behavior, passive legal behavior), the structure and content of which are determined by the value orientations and motivation of the individual in legal communication. Taking into account this conclusion in law-educational activity will increase its effectiveness not only cognitively, but also functionally.

Keywords: legal behavior; legal reality; axiology of law; legal values; typology.

Статья поступила в редакцию: 21.04.2022;
одобрена после рецензирования: 29.04.2022;
принята к публикации: 20.05.2022.

The article was submitted: 21.04.2022;
approved after reviewing: 29.04.2022;
accepted for publication: 20.05.2022.

УДК 342.4

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.47.3.06

У. А. Старшова

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Российская Федерация

E-mail: k_kmp@ssla.ru

ДОКТРИНА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию теоретических и методологических основ доктрины социального государства. Автор обосновывает, что смысловое содержание данной понятийной конструкции сопряжено с необходимостью системного изучения категории «правовая доктрина», а также научных основ современного правопонимания. Аргументируется, что современные модели социальных государств определяются обязанностью субъекта подчинять свое поведение законодательным предписаниям и обязанностью государства осуществлять правоустанавливающую и правоприменительную функции в полном соответствии с системой морально-нравственных ценностей общества. Делается вывод, что на различных этапах исторического развития общественно-политические, экономические и другие социально обусловленные факторы оказывали определяющее влияние на соотношение составных элементов правовой доктрины, изменяя соотношение религиозных постулатов, правоприменительных абстракций, научных представлений о праве и справедливости, составляющих основу данного явления правовой действительности.

Ключевые слова: социальное государство; правовая доктрина; конституционное право; морально-нравственные ценности общества; правопонимание.

Введение

Теоретическую основу конструкции «доктрина социального государства» составляет категория «правовая доктрина». Последняя, в свою очередь, является неотъемлемой частью гносеологического арсенала отечественной и зарубежной юридической науки, как общетеоретической, так и отраслевой. Универсальный характер и смысловое содержание данной категории обуславливают многообразие теоретико-методологических конструкций, центральным звеном которых выступает научный термин «доктрина». В качестве примеров можно сослаться на термины «конституционно-правовая доктрина», «политико-правовая доктрина», «традиционная доктрина о парламентском суверенитете», «доктрина соотношения “централизации/децентрализации” публичной власти», «социальная доктрина» и т. п.

Многообразие политико-правовых дефиниций обуславливает вывод, что понимание теоретического значения вышеназванных терминов неразрывно связано

с уяснением смыслового содержания категории «доктрина», составляющей основание данных понятийных конструкций.

Целью данной статьи является исследование специфики доктрины российского социального государства, ее теоретико-методологический анализ.

В справочной литературе термин «доктрина» понимается как «совокупность официально принятых взглядов на какую-либо проблему и характер средств ее решения»; «учение, научное, философское или политическое утверждение, положение»; «научная концепция (обычно о философской, политической, идеологической теории)»; «политическая система, руководящий теоретический или политический принцип или нормативная формула»; «целостная концепция, совокупность принципов, используемых в качестве основы программы действия»; «совокупность постулатов, которые служат основой научной теории. Доктрина способствует объяснению теории и осуществлению анализа практических механизмов, отражает необходимость выбора между совокупностями основополагающих принципов, на основе которых может развиваться объяснительная теория» и др. [6, с. 184; 5, с. 222; 10, с. 147; 13, с. 198].

Методы

В статье используются общенаучные и специальные методы исследования. Большое значение для проведенного исследования имел системный метод. Актуализация системного метода обусловлена настоящей теоретической и практической необходимостью комплексного и системного подхода к освоению заявленной проблемы.

Основное исследование

Научное правопознание не выходит за рамки общепринятых представлений о доктрине, рассматривая ее в целом как «совокупность признанных научных или официальных взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления обеспечения чего-либо» [14, с. 293]. Тем не менее в юридической науке отмечается специфика категории «правовая доктрина» [3].

По справедливому замечанию Т. М. Пряхиной, отличие правовой доктрины от подобных логических конструктов других социально-политических наук заключается в ее пределах, так как правовая доктрина распространяется лишь на юридическую сферу [12, с. 7].

Полагаем, что с указанным автором можно согласиться лишь отчасти. На наш взгляд, понимание пределов применения категории «правовая доктрина» не позволяет исчерпывающе определить данное понятие. Поэтому научные представления о правовой доктрине, выдвигающие в качестве ее основной характеристики распространение на правовую действительность, должны

быть дополнены положениями о содержательной стороне категории «правовая доктрина» и ее сущности как регулятора общественных отношений.

В рамках нашей тематики исследование специфики категории правовой доктрины приобретает особое значение, поскольку возможность построения правовой доктрины социального государства вытекает из разрешения вопроса о сущности социального государства, соотношении государства социального и правового и, как следствие, о регуливающей роли права в формировании и деятельности социального государства.

Применительно к проблеме соотношения правового государства и социального государства следует отметить, что существует несколько взаимоисключающих точек зрения. Очевидно, что противоречия в научных воззрениях базируются на признании или отрицании принципиальных отличий этих явлений общественного развития. Отсюда условно можно выделить три направления научных воззрений:

1) социальное государство представляет собой образование, отличное от правового государства;

2) социальное государство является продолжением, наиболее совершенной формой правового государства;

3) социальное государство тождественно понятию правового государства, оно и есть правовое государство, построенное на праве справедливости (на законности, справедливых законах).

Подобные различия во взглядах основываются прежде всего на различном правопонимании. Как правильно отмечает Э. В. Габрелян, «проблема соотношения правового и социального государства лишена смысла в контексте легизма, так как данный тип правопонимания любое официально-властное установленное и гарантированное принуждением законоположение рассматривает как правовое» [1, с. 33]. Далее автор, критически осмысливая концепцию легизма, утверждает, что социальное государство может быть обосновано с позиций целесообразности (прагматизма), морали или права [Там же, с. 34].

В связи с этим мы полагаем, что существуют как минимум две причины, требующие рассмотрения проблемы правопонимания в рамках нашей темы. Во-первых, анализ типов правопонимания позволяет провести более строгое разграничение категории «право» с категорией «правовая доктрина». Во-вторых, исследование теоретико-правовой системы «правопонимание – правовая доктрина» позволяет решить две важнейшие методологические задачи рассматриваемой темы:

А. Каким образом выбор такого типа правопонимания, который предполагает неразрывную связь права и морали, предопределяет наполнение доктрины социального государства морально-этическим содержанием?

Б. Какое влияние правопонимание оказало на становление и развитие конституционно-правовых основ механизма правового регулирования социального государства в разных странах?

Отправной позицией нашего анализа служит классификация типов правопонимания, которую предложил М. Новак: 1) эксклюзивный позитивизм;

2) эксклюзивный непозитивизм; 3) инклюзивный позитивизм; 4) инклюзивный непозитивизм [19, с. 80–83]. Основной разделительной чертой между позитивизмом/непозитивизмом эксклюзивным (исключающим) и инклюзивным (включающим) является, согласно формулировке, предложенной К. Э. Химма, вопрос о совпадении права и морали [20, с. 125]. При этом сторонники инклюзивного позитивизма/непозитивизма подчеркивают, что право не может существовать без соотношения с моралью и, следовательно, речь необходимо вести лишь о степени совпадения права и морали.

В противоположность этой точке зрения эксклюзивные позитивисты отстаивают мнение о том, что право не имеет необходимого совпадения с моралью, так как в конечном итоге право как социальное явление, обладающее свойством нормативности, сводится к привычке и страху. При объяснении данного тезиса Джон Остин опирался на выдвинутую им же так называемую командную теорию суверенитета. Согласно этой теории, суверенитет имплицитно включает три основных компонента: 1) намерение субъекта, наделенного властными полномочиями, принудить лицо к определенной форме поведения; 2) объективация этого намерения во внешней среде в виде властного предписания, адресованного подчиненному субъекту; 3) объективно существующая возможность властвующего субъекта налагать санкции на подчиненного субъекта, если поведение последнего не соответствует предписанной приказом форме.

Нормативную природу права Дж. Остин объясняет страхом подчиненного субъекта относительно возможности применения санкций при несоответствии поведения приказу. В таком случае, замечает Дж. Остин, обращаться к морали для объяснения сущности права необходимости нет [15, с. 89–91].

В противовес эксклюзивному позитивизму Г. Кельзен выдвинул теорию периферийного вменения, которая была положена в основание учения об инклюзивном позитивизме, т. е. той разновидности позитивизма, которая в качестве исходного условия постулирует связь права и морали.

Периферийное вменение, по Кельзену, представляет собой конструкцию, «где один материальный факт связан с другим материальным фактом в рамках системы; иными словами, там, где два материальных факта связаны между собой в реконструированной правовой норме» [18, с. 57]. Именно периферийное вменение в качестве одного из условий нормативно-правового регулирования с необходимостью предполагает установление юридического состояния ответственности. Таким образом, по Кельзену, теория периферийного вменения представляет собой некое отражение философского учения о всеобщей причинно-следственной связи.

Вместе с тем в теории периферийного вменения термины «юридические условия» и «юридические последствия» используются для выражения связи юридически значимых действий и юридической ответственности. В свою очередь, юридическая ответственность является необходимым условием реализации нормативно-правовых санкций, которые, важно отметить, могут быть реализованы, но могут и не применяться. В этой области, по смыслу учения

Кельзена, и происходит пересечение права и морали, так как состояние юридической ответственности с необходимостью наступает при наличии некоторых фактов, предусмотренных правовой нормой, тогда как применение санкций (уголовных, административных, гражданско-правовых) становится возможным при наличии не только юридических предпосылок, но и сколь угодно широкого ряда иных условий, среди которых существенное место принадлежит условиям морально-этического содержания [Там же, с. 32–57].

Необходимо отметить, что основу правопонимания современных развитых демократических государств составляет сочетание вышеприведенных полярных точек зрения на сущность права. С одной стороны, субъект права в демократическом государстве обязан, по справедливому замечанию Р. Дворкина, признавать верховенство правовой нормы и подчинять ей свое поведение даже в том случае, если считает, что норма противоречит его морально-нравственным принципам [4, с. 255]. С другой стороны, как подчеркивает Г. Ходсон, право демократического государства одним из источников должно иметь то, «что обычные люди признают за моральную добродетель» [21, с. 1].

Правовой формой реализации доктрины социального государства выступает комплекс конституционно-правовых норм, отражающий систему либеральных ценностей. За рубежом, как отмечал Ф. Кауфман, доктрина социального государства «выражается в конституционных целях» [17, с. 11]. Соглашаясь с указанным автором, отметим, что закрепления одних лишь конституционных целей, на наш взгляд, не вполне достаточно.

Проведенный нами анализ законодательных источников показывает, что конституционно-правовая конструкция, характеризующая государство как социальное, зачастую принимает форму жесткой инвариантной связи нормы, декларирующей социальность государства, и норм, закрепляющих либеральные ценности.

В качестве примера можно указать на источники конституционного регулирования стран континентальной правовой системы, таких как ФРГ, Французской Республики и Российской Федерации. Так, конституционная норма Основного закона ФРГ, закрепленная в ч. 1 ст. 20, устанавливает, что «Федеративная республика Германия является... социальным государством». При этом в ст. 1–5 и некоторых других Основного закона ФРГ перечисляются либеральные ценности, корреспондируемые социальному государству.

Аналогичные нормы включены в содержание Конституции Французской Республики. В ст. 2 провозглашается: «Франция является... социальной... республикой», и в этой же статье закрепляются соответствующие либеральные ценности: свобода, равенство, братство и др.

В Конституции Российской Федерации, как и в вышеперечисленных основных законах зарубежных стран, содержится правовой постулат о социальной сущности государства: «Российская Федерация — социальное государство» (п. 1 ст. 7), и вместе с тем здесь же закрепляются либеральные ценности (ст. 17–64 и др.).

При этом все перечисленные конституционные источники в той или иной форме содержат положения о необходимости выполнения законодательно

установленных обязанностей (п. 1 ст. 33 Основного закона ФРГ, ч. 3 ст. 77 Конституции Французской Республики, п. 2 ст. 6 Конституции Российской Федерации).

Исследование категории «правовая доктрина», как и любого другого правового явления, будет результативным лишь при условии, если оно опирается на прочную методологическую основу. Очевидно, что более точному и правильному определению категории «правовая доктрина», способствует системный метод, позволяющий исследовать содержательную сторону правовой доктрины исходя из внутренней организации ее элементов.

Содержательная сторона категории «правовая доктрина» раскрывается исследователями через различные элементы, являющиеся источниками права, одинаково присущими и странам англосаксонского права (*common law*), и странам романо-германской правовой системы. Так, Ю. А. Огнева, раскрывая вопрос об источниках английского права, констатировала, что и в прошлом, и на современном этапе основу правовой системы *common law* составляла правовая доктрина, представленная прецедентным правом — судебскими решениями, имеющими обязательную силу для всех юридических дел аналогичных категорий. По этой причине, как подчеркивает данный автор, ни в прошедшие периоды, ни сегодня влияние правовой доктрины как системы научных представлений о целях, задачах, принципах и функциях правоустанавливающей и правоприменительной деятельности, наряду с общепризнанными трудами ученых-юристов, никогда полностью не исключалось [9, с. 168].

Позицию Ю. А. Огневой в полной мере разделяет М. Н. Марченко, по мнению которого правовая доктрина *common law* в период становления и на этапах раннего развития формировалась на основе юридических постулатов, сформулированных в теоретических трудах таких известных в свое время судей, как Кок, Брэктон, Глэнвилд и др. В связи с этим М. Н. Марченко, характеризуя доктринальную сущность англосаксонской правовой системы, отмечает, что в современных правовых системах Великобритании, США, Канады, Австралии и других стран этой правовой семьи труды авторитетных правоведов не только высоко оцениваются практическими юристами, но и признаются в качестве значимого источника права [8, с. 606–607].

В странах романо-германской правовой семьи традиция ссылаться на правовую доктрину сформировалась еще в Римской республике. Во время судебного рассмотрения дела стороны могли обращаться к тому или иному известному юристу за авторитетным заключением по делу. Мнению таких юристов придавалось значение источника права [1, с. 42].

В историческом аспекте наиболее значимым источником права доктрина считалась в иудейском праве. Правовая доктрина данной правовой семьи, как отмечал М. Н. Марченко, включала канонические формулы разрешения тех или иных категорий дел, а также мнения различных школ толкователей клерикальных текстов, так как некоторые комментарии указанных источников широко применялись в судебной практике разрешения споров по иудейскому праву [8, с. 731].

В европейском праве Средневековья наиболее значимый вклад в развитие такой высшей формы теоретико-правовой абстракции, как «правовая доктрина», внесла юридическая практика, представленная главным образом позициями глоссаторов — толкователей древних юридических и религиозных текстов. Следуя античной философской традиции и отделяя мир реальных сущностей от мира идеальных форм, правовая мысль средневековой Европы стремилась унифицировать право, в первую очередь за счет приведения права к единому началу (*reductio ad unum*). Ранние юристы-глоссаторы видели основу унификации права в античном философском постулате, согласно которому в идеальном мире существует всеобщая справедливость (*aequitas*). Право (*jus*) должно представлять собой воплощение справедливости в мире реальных сущностей. Опираясь на труды античных мыслителей, юристы средневековой Европы полагали, что *aequitas*, т. е. всеобщая справедливость идеального мира, обладает свойством познаваемости. Поэтому свою основную задачу глоссаторы видели в познании справедливости мира и придании ей овеществленной письменной формы законодательных установлений — *aequitas constituta* [16]. Тем самым глоссаторы внесли неоценимый вклад в становление научного подхода к развитию юридических догм. Благодаря деятельности глоссаторов религиозное содержание европейской правовой доктрины было дополнено систематизированными, причинно-обусловленными, фундаментальными положениями, связанными с представлениями о справедливости, которые противопоставлялись феодальному праву-привилегии и отражали всеобщую систему политических, экономических и морально-нравственных ценностей европейских народов [7].

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением отечественного дореволюционного правоведа Ю. С. Гамбарова, что правовая доктрина представляет собой чрезвычайно сложное понятие, подверженное существенным изменениям в зависимости от временных и пространственных условий: «[Правовая доктрина] представляет ли собой такое право..., самостоятельный источник права или оно входит составной частью в обычное и законодательное право — этот вопрос чрезвычайно спорен и исполнен до сих пор неясностей» [2, с. 334].

Выводы

Вышеизложенное показывает, что правопонимание и правовая доктрина являются интегрированными категориями и соотносятся как часть и целое. Именно это свойство теоретико-правовой системы «правопонимание – правовая доктрина» определяет внешний облик социального государства, отраженный в конституционных нормах. Поэтому все разнообразие современных моделей государств благосостояния (социальных государств) определяется в большей или меньшей степени обязанностью субъекта подчинять свое поведение законодательным предписаниям и обязанностью государства осуществлять

правоустанавливающую и правоприменительную функции в полном соответствии с системой морально-нравственных ценностей общества.

Анализ становления и развития категории «правовая доктрина» показывает значительное разнообразие ее содержательной стороны. Общественно-политические, экономические и другие социально-обусловленные факторы оказывали определяющее влияние на соотношение составных элементов правовой доктрины, изменяя соотношение религиозных постулатов, правоприменительных абстракций, сформированных на основе обобщения судебной практики, научных представлений о праве и справедливости, составляющих основу данного явления правовой действительности.

Литература

1. Габрелян Э. В. О правовом и социальном государстве // Российская юстиция. 2011. № 5. С. 32–34.
2. Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права: в 2 т. Т. 1: Часть общая. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. 793 с.
3. Гонгало Б. М. Объективное и субъективное в правовой доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4. С. 42–46.
4. Дворкин Р. О правах всерьез / под ред. Л. Б. Макеева. М.: РОСПЭН, 2004. 389 с.
5. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.
6. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, Астрель, 2006. Т. I. 792 с.
7. Котляр И. А. Понятие «*jus commune*» в европейской правовой традиции // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2009. № 5. С. 89–100.
8. Марченко М. Н. Источники права: учеб. пособие. М.: Проспект, 2008. 760 с.
9. Огнева Ю. А. Трактаты английских средневековых правоведов как источник «общего права» Англии: теоретические аспекты // Источники (формы) права: вопросы теории и истории: мат-лы Всероссийской науч. конф. / отв. ред. В. В. Момотов. Сочи: Кубанский госуниверситет, 2002. С. 166–169.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. чл.-кор. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 20-е изд. М.: Русский язык, 1989. 750 с.
11. Поленак-Акимовская М., Пухан И. Римское право: учебник / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 1999. 448 с.
12. Прякина Т. М. Конституционная доктрина современной России. Саратов: СГУ, 2002. 140 с.
13. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2017. 512 с.
14. Тихомиров М. Ю., Тихомирова Л. В. Юридическая энциклопедия. М.: Юринформцентр, 1997. 526 с.
15. Austin J. Lectures on Jurisprudence and Philosophy of Positive Law. Jersey City: Frederic D. Linn & Company, 1875. 364 p.
16. Calasso Fr. Medio Evo del diritto. Milano: Editore Giuffrè, 1954. Vol. 1. P. 377–389.
17. Kaufmann F. European foundations of the welfare state (Translated from the German by J. Veit-Wilson with the assistance of T. Skelton-Robinson). New York: Berghahn Books, 2012. 406 с.

18. Kelsen H. *Reine Rechtslehre. Reine Rechtslehre: Mit einem Anh: Das Problem der Gerechtigkeit.* Wien: Deuticke, 1976. 498 s.
19. Novak M. *The type theory of law: an essay in psychoanalytic jurisprudence.* Dordrecht: Springer, 2016. 128 p.
20. Himma K. E. *Inclusive Legal Positivism / The Oxford Handbook of Jurisprudence & Philosophy of Law: by Jules Coleman & Scott J. Shapiro (eds.).* Oxford: Oxford University Press, 2002. 1060 p.
21. Hodgson G. Ronald Dworkin obituary // *The Guardian.* 2013. February 14.

Literatura

1. Gabrelyan E'. V. O pravovom i social'nom gosudarstve // *Rossijskaya yusticiya.* 2011. № 5. S. 32–34.
2. Gambarov Yu. S. *Kurs grazhdanskogo prava: v 2 t. T. 1: Chast' obshhaya.* SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1911. 793 s.
3. Gongalo B. M. Ob`ektivnoe i sub`ektivnoe v pravovoj doktrine // *Aktual'ny'e problemy' rossijskogo prava.* 2015. № 4. S. 42–46.
4. Dvorkin R. O pravax vser`ez / pod red. L. B. Makeeva. M.: ROSPE`N, 2004. 389 s.
5. Egorova T. V. *Slovar' inostranny'x slov sovremennogo russkogo yazy'ka.* M.: Adelant, 2014. 800 s.
6. Efremova T. F. *Sovremenny'j tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka: v 3 t. M.: AST, Astrel', 2006. T. I. 792 s.*
7. Kotlyar I. A. Ponyatie «jus commune» v evropejskoj pravovoj tradicii // *Vestnik MGU. Seriya 11. Pravo.* 2009. № 5. S. 89–100.
8. Marchenko M. N. *Istochniki prava: ucheb. posobie.* M.: Prospekt, 2008. 760 s.
9. Ogneva Yu. A. *Traktaty` anglijskix srednevekovy'x pravovedov kak istochnik «obshhego prava» Anglii: teoreticheskie aspekty` // Istochniki (formy`) prava: voprosy` teorii i istorii: mat-ly` Vserossijskoj nauch. konf. / otv. red. V. V. Momotov. Sochi: Kubanskij gosuniversitet, 2002. S. 166–169.*
10. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazy'ka / pod red. chl.-kor. AN SSSR N. Yu. Shvedovoj. 20-e izd. M.: Russkij yazy'k, 1989. 750 s.*
11. Polenak-Akimovskaya M., Puxan I. *Rimskoe pravo: uchebnyk / pod red. V. A. Tomsinova. M.: Zerczalo, 1999. 448 s.*
12. Pryaxina T. M. *Konstitucionnaya doktrina sovremennoj Rossii.* Saratov: SGU, 2002. 140 s.
13. Rajzberg B. A. *Sovremenny'j e'konomicheskij slovar`. 6-e izd., pererab. i dop. M.: INFRA-M, 2017. 512 s.*
14. Tixomirov M. Yu., Tixomirova L. V. *Yuridicheskaya e'nciklopediya. M.: Yurinform-centr, 1997. 526 s.*
15. Austin J. *Lectures on Jurisprudence and Philosophy of Positive Law.* Jersey City: Frederic D. Linn & Company, 1875. 364 p.
16. Calasso Fr. *Medio Evo del diritto.* Milano: Editore Giuffrè, 1954. Vol. 1. P. 377–389.
17. Kaufmann F. *European foundations of the welfare state (Translated from the German by J. Veit-Wilson with the assistance of T. Skelton-Robinson).* New York: Berghahn Books, 2012. 406 s.
18. Kelsen H. *Reine Rechtslehre. Reine Rechtslehre: Mit einem Anh: Das Problem der Gerechtigkeit.* Wien: Deuticke, 1976. 498 s.

19. Novak M. The type theory of law: an essay in psychoanalytic jurisprudence. Dordrecht: Springer, 2016. 128 p.

20. Himma K. E. Inclusive Legal Positivism / The Oxford Handbook of Jurisprudence & Philosophy of Law: by Jules Coleman & Scott J. Shapiro (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2002. 1060 p.

21. Hodgson G. Ronald Dworkin obituary // The Guardian. 2013. February 14.

U. A. Starshova

The Doctrine of the Welfare State: Theoretical and Methodological Analysis

Abstract. This article is devoted to the study of the theoretical and methodological foundations of the welfare state doctrine. The author substantiates that the semantic content of this conceptual construction is associated with the need for a systematic study of the category of “legal doctrine”, as well as the scientific foundations of modern legal understanding. It is argued that modern models of social states are determined by the obligation of the subject to subordinate the behavior to legislative prescriptions and the obligation of the state to exercise law establishing and law enforcement functions in full accordance with the system of moral values of society. It is concluded that at various stages of historical development, social, political, economic and other socially determined factors had a decisive influence on the ratio of the constituent elements of the legal doctrine, changing the ratio of religious postulates, law enforcement abstractions, scientific ideas about law and justice, which form the basis of the phenomenon of legal reality.

Keywords: welfare state; legal doctrine; constitutional law; moral values of society; legal understanding.

Статья поступила в редакцию: 26.05.2022;
одобрена после рецензирования: 10.06.2022;
принята к публикации: 11.06.2022.

The article was submitted: 26.05.2022;
approved after reviewing: 10.06.2022;
accepted for publication: 11.06.2022.

УДК 340

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.47.3.07

В. Ю. Туранин

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород,
Российская Федерация

E-mail: turanin@mail.ru

Д. В. Погорелов

Адвокатская палата Белгородской области, Белгород, Российская Федерация

E-mail: pogorelov@mail.ru

В. А. Польская

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород,
Российская Федерация

E-mail: timonina@bsu.edu.ru

БЕСПЛАТНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ: СИСТЕМА НУЖДАЕТСЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА)

Аннотация. Авторами проводится анализ института бесплатной юридической помощи (на примере уголовного судопроизводства). Отмечается, что общественные отношения по поводу организации бесплатной юридической помощи по уголовным делам, и в частности по оплате труда задействованных «по назначению» адвокатов, сложились и протекают в условиях правовой неопределенности, поэтому в настоящее время возникла потребность в обновлении и совершенствовании их правового регулирования. Делается вывод о том, что для подобных отношений наиболее адекватным представляется применение конструкции публично-правового договора в виде некоего базисного соглашения между адвокатурой и государством, которое устанавливало бы общие принципы оказания бесплатной юридической помощи по уголовным делам, цели и политику в этой сфере, экономические (расчетные) отношения сторон. Оформление данного соглашения позволило бы зафиксировать гарантии государства перед адвокатурой, четко определить дозволенные границы вмешательства государства в адвокатскую деятельность, а в части бесплатной юридической помощи

по уголовным делам окончательно придать соответствующим отношениям координационный характер, исключив всевозможные вертикальные и субординационные элементы.

Ключевые слова: адвокатура; уголовное судопроизводство; бесплатная юридическая помощь; правовое регулирование.

Введение

Правовой институт бесплатной юридической помощи в России имеет весьма своеобразное нормативное регулирование. Действующий Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»¹ понимает под ней правовое консультирование, составление правовых документов и представление интересов граждан в судах (ст. 6), причем эти виды помощи закон определяет в сфере гражданских правоотношений. В свою очередь, отношения, связанные с оказанием бесплатной юридической помощи в уголовном судопроизводстве, устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством и не являются объектом регулирования данного закона (ст. 3). Как ни парадоксально, но данная отсылка к уголовно-процессуальному закону означает фактический отказ от законодательного регулирования бесплатной юридической помощи в уголовном судопроизводстве.

Причина для такого суждения следующая: предметом регулирования Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» являются организационно-правовые основы формирования системы бесплатной юридической помощи, а целью — создание системы бесплатной юридической помощи и соответствующих условий для этого (ст. 1), то есть закон выполняет сугубо организационные задачи. При этом отношения, связанные с оказанием бесплатной юридической помощи в уголовном судопроизводстве, из сферы регулирования данного закона исключены. Законодателю логично было бы принять соответствующий нормативный акт с аналогичными целями в области уголовного судопроизводства, однако этого не произошло. УПК РФ² для этой цели непригоден, так как по своей правовой природе это не организационный, а процессуальный нормативный акт, выполняющий совершенно иные задачи. Включение же в УПК РФ массива норм, регулирующих организацию бесплатной юридической помощи по уголовным делам, было бы серьезной технико-юридической ошибкой, так как нормативный акт должен включать однородный материал [6, с. 156], объединенный единой регулятивной задачей. Такой задачей для уголовно-процессуального законодательства является регулирование уголовного судопроизводства, а организационные аспекты бесплатной

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12191964/> (дата обращения: 01.05.2022).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12125178/> (дата обращения: 01.05.2022).

юридической помощи к нему не относятся. Поэтому вполне закономерно, что УПК РФ включает лишь две статьи, 50 и 51, которые дают процессуальное основание для назначения защитника за счет средств федерального бюджета, и более никаких норм по поводу оказания бесплатной юридической помощи не содержит. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»³ также не содержит норм, регламентирующих организацию бесплатной юридической помощи по уголовным делам. Итак, можно констатировать явный пробел в законодательстве: бесплатная юридическая помощь по уголовным делам на законодательном уровне лишь предусмотрена, но не регламентирована.

Методы научного исследования

В процессе рассмотрения данной темы применялись всеобщий диалектический метод, методы анализа и синтеза, дедукция и индукция, описание.

Теоретической базой исследования послужили труды ученых, специализирующихся на исследованиях права на получение бесплатной юридической помощи. Среди них можно назвать работы Г. А. Смагина, И. В. Ростовщикова, В. Н. Смирнова, Е. Н. Калачевой и др.

Нормативную базу исследования составили: Конституция Российской Федерации, УК РФ, УПК РФ, Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Исследовательская часть

На сегодняшний день в Российской Федерации бесплатная юридическая помощь по уголовным делам не только регулярно и повсеместно оказывается, но и представляет собой сформированную систему правоотношений, которая включает в себя такие структурные элементы, как субъективные права, юридические обязанности и, собственно, субъекты правоотношений [5, с. 56]. В условиях вышеуказанного законодательного пробела такое положение вещей, казалось бы, невозможно, поскольку отсутствует источник соответствующих регулятивных норм в виде законодательного акта. Однако в данном случае сложилась достаточно редкая ситуация, когда субъектом нормотворчества выступило не государство, а иной публично-правовой субъект — адвокатура в лице Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (ФПА РФ),

³ Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12126961/> (дата обращения: 01.05.2022).

которая имеет статус общероссийской негосударственной некоммерческой организации, объединяющей адвокатские палаты субъектов Российской Федерации (ст. 2 Устава ФПА РФ). Подобное явление лежит в канве современной тенденции, когда в качестве субъектов правотворчества рассматриваются общественные организации, учредители негосударственных обществ, трудовые коллективы [9, с. 175], движения, фонды, учреждения, союзы общественных объединений [3, с. 69]. С этой точки зрения адвокатура, являясь авторитетным общероссийским профессиональным сообществом, вполне обоснованно может выступить таким субъектом. В частности, это относится к сфере бесплатной юридической помощи в уголовном процессе, где полномочия защитника может осуществлять только адвокат.

Уголовно-процессуальный закон безальтернативно указывает на адвоката как на единственного субъекта, осуществляющего защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, оказывающего им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Кроме того, предпосылкой к правотворческой функции является и новая теоретическая интерпретация института адвокатуры в России. В научных публикациях она определяется, например, как «адвокатура нового типа» [10, с. 56], социополитическое значение которой рассматривается «в сравнении и сопоставлении адвокатуры и государства как равнозначных институтов общества» [13, с. 98], а деятельность ее должна определяться внутрикорпоративными правилами и стандартами [4, с. 234].

Таким образом, при отсутствии систематизированного законодательного акта, который бы регулировал организационные особенности деятельности защитника, «по назначению» в уголовном судопроизводстве, практически все положения, касающиеся порядка назначения и участия такого защитника, сформулированы ФПА РФ и закреплены в локальных актах. К таким актам относятся: Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (утвержден Решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 года), Рекомендации Совета ФПА РФ об обеспечении непрерывности защиты по назначению (утверждены Решением Совета ФПА РФ от 28 ноября 2019 года), Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года). Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года). Кроме того, ФПА РФ уполномочила советы региональных адвокатских палат принимать свои правила реализации указанного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве.

Помимо разработки и принятия указанных актов ФПА РФ полностью взяла на себя выполнение функций по организации и осуществлению бесплатной юридической помощи, уверенно доказав, что обладает компетенциями не только в юридической практике, но и в нормотворчестве. Данная ситуация вполне соответствует принципам независимости адвокатуры и адвокатского самоуправления, которые подразумевают свободу от вмешательства государства во внутренние дела адвокатуры. Эта свобода является относительной,

но не абсолютной, так как адвокатура, не являясь элементом государственного аппарата, все же главной задачей имеет обеспечение права гражданина на квалифицированную юридическую помощь и доступ к правосудию, что предусмотрено ст. 48 Конституции РФ. Данная задача, осуществляемая на бесплатной основе, то есть за счет средств федерального бюджета, реализуется одновременно в рамках двух функций государства: правоохранительной и социальной [15, с. 218–219]. Без адвокатуры осуществление этих государственных функций практически невозможно. Вместе с тем защита прав граждан и организаций всегда подразумевает участие адвоката на стороне доверителя в определенной юридической процедуре. Это участие нацелено на некий правовой результат [8, с. 65–66], максимально приемлемый для доверителя и достигаемый, как правило, путем правомерного противодействия другому участнику процедуры — субъекту публичных полномочий. Другими словами, в ходе реализации своей главной функции по защите прав и интересов граждан и организаций адвокатское сообщество пребывает в перманентном конфликтном взаимодействии с государством, и здесь уместно привести несколько постулатов конфликтологии, а именно: взаимная заинтересованность сторон в продолжении отношений способна положительно отразиться на динамике конфликта, усилия сторон конфликта в таком случае будут направлены на поиск оптимального решения [7, с. 225]; противостояние сторон возникает в процессе взаимодействия и актуализируется через наличие взаимного интереса по поводу объекта конфликта [12, с. 89]; объект конфликта — это ценность, по поводу которой возникает столкновение интересов противоборствующих сторон. В конфликтном взаимодействии адвокатуры и государства такой ценностью можно считать права и свободы отдельно взятого доверителя, а в случае защиты «по назначению» — это права и интересы подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. В рамках обеспечения указанных выше правоохранительной и социальной функций государство является главным интересантом в осуществлении адвокатами бесплатной юридической помощи по уголовным делам, что следует, в частности, и из позиции Европейского суда по правам человека⁴. В условиях же экономического спада общественный запрос на такую помощь многократно возрастает по объективным причинам.

Какова позиция государства в системе бесплатной юридической помощи в уголовном процессе? Приходится констатировать, что государство не находится в гармоничном взаимодействии с адвокатурой в этой области. Например, регулярно предпринимаются попытки создать альтернативную структуру в виде государственных бюро бесплатной юридической помощи. Вместо того чтобы способствовать совершенствованию уже налаженной системы в целях

⁴ Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного суда Российской Федерации. Обобщение правовых позиций международных договорных органов по вопросам обеспечения права обвиняемого на участие защитника (адвоката). 2016. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.vsrfl.ru/documents/international_practice/26347/ (дата обращения: 03.05.2022).

повышая гарантии независимой квалифицированной уголовной защиты, данная деятельность может быть поручена вновь создаваемому непрофессиональному субъекту [1, с. 8], который будет то ли дублировать, то ли имитировать такую защиту. Ни о какой независимости защитника из государственного бюро речи быть не может, адвокат-чиновник — это нонсенс. При этом никаких объективных предпосылок для такой политики не наблюдается, можно лишь предположить, что государственный аппарат в лице отдельных чиновников опасается усиления роли адвокатуры, что закономерно произойдет вследствие расширения адвокатурой своего функционала.

Бесплатная юридическая помощь адвоката в уголовном процессе является собой довольно обширный правовой институт. Он включает правоотношения, которые можно условно разделить на три группы. Первая группа — правоотношения, складывающиеся по поводу назначения защитника, вторая группа — правоотношения, связанные с участием в уголовном судопроизводстве назначенного защитника и третья группа — правоотношения по поводу оплаты государством услуг такого защитника.

Первая группа объединяет преимущественно организационные правоотношения, на чем фокусируется самое пристальное внимание ФПА РФ, которая самостоятельно администрирует назначение «бесплатных защитников» в уголовном судопроизводстве, при этом своими силами и за свой счет, без участия государства, продолжает внедрение Комплексной информационной системы адвокатуры России (КИС АР)⁵. Данная система нацелена на искоренение давнишней проблемы «карманных адвокатов» и автоматизированное распределение дел между адвокатами по назначению. Это должно не только обеспечить обвиняемому предоставление независимого адвоката, но и дать возможность самому адвокату участвовать в защите по назначению на равных условиях с другими коллегами, исключить при назначении защитника момент недобросовестности органа предварительного расследования. В свою очередь, практика внедрения КИС АР в отдельных регионах выявила целый ряд новых проблем, таких как «двойная защита», «притворное соглашение» и т. п., что уже стало предметом дисциплинарных разбирательств [2, с. 116].

Вторая группа правоотношений защиты по назначению носит преимущественно процессуальный характер. Речь идет о соблюдении защитниками норм уголовно-процессуального закона, правил адвокатской этики и стандартов ФПА РФ при участии в следственных действиях и рассмотрении дел в судах. Главное правило такого участия закреплено в п. 8 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката: «Обязанности адвоката, установленные действующим законодательством, при оказании им юридической помощи бесплатно в случаях, предусмотренных законодательством, или по назначению органа дознания, органа предварительного следствия или суда не отличаются от обязанностей

⁵ Адвокатуру ждет цифровая трансформация. Дата публикации: 21.08.2020. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Адвокатской палаты Брянской области. URL: <https://apbo32.fparf.ru/news/fpa/advokaturu-zhdet-tsifrovaya-transformatsiya/> (дата обращения: 03.05.2022).

при оказании юридической помощи за гонорар». Анализируя сложившиеся подходы по вопросу бесплатной помощи в уголовном процессе, можно констатировать, что адвокатское сообщество исходит из унифицированного толкования принципа независимости и профессионального уровня защиты как в делах за гонорар, так и в делах по назначению. Такая позиция соответствует фундаментальным правам человека о недискриминации и равенства всех перед законом.

Третья группа — это правоотношения по поводу оплаты труда адвоката. К сожалению, эта проблемная сфера до настоящего времени не стала объектом научных исследований. Вместе с тем значимость данных правоотношений невозможно переоценить, так как именно в их рамках должны определяться и оформляться взаимные права и обязанности адвокатуры и государства, обеспечиваться финансовая дисциплина и стабильность бесплатной юридической помощи в уголовном процессе, исполняться финансовые обязательства.

Взаимоотношения между адвокатурой и государственным аппаратом по вопросу вознаграждения в разное время постсоветского периода складывались непросто. Фактический отказ от признания за адвокатами права на выплату достойного вознаграждения за участие в делах по назначению 1990-х – начале 2000-х годов был преодолен серьезными усилиями адвокатского сообщества [11]. В более поздний период существенные нарушения установленных сроков оплаты неоднократно провоцировали протестные акции среди адвокатов, например в 2012, 2016 годах в Перми, в 2017 году в Челябинской, Свердловской, Московской областях, в Карелии и других регионах. Задержки в оплате вознаграждения адвокатам по назначению регулярно допускаются и в наши дни, что вынуждает ФПА РФ реагировать на данные факты, в том числе вырабатывая соответствующие рекомендации для адвокатов по взысканию задолженности и обжалованию бездействия должностных лиц. Проблема носит застарелый системный характер и кроется в явном несовершенстве действующего законодательства.

Законодательную основу оплаты труда адвоката по назначению составляет ст. 3 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», согласно которой в целях обеспечения доступности для населения юридической помощи и содействия адвокатской деятельности органы государственной власти обеспечивают гарантии независимости адвокатуры, осуществляют финансирование деятельности адвокатов, оказывающих юридическую помощь гражданам Российской Федерации бесплатно, а также ст. 131 УПК РФ, которая относит эти расходы государства к процессуальным издержкам и основаниями для выплат предусматривает постановление дознавателя, следователя, прокурора или судьи либо определение суда. Порядок, размер и сроки оплаты регулирует Положение о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного суда Российской Федерации

(утв. Постановлением Правительства РФ от 01.12.2012 № 1240 с изменениями)⁶ (далее — Положение).

Указанные нормативные акты содержат целый ряд недостатков, которые не позволяют наладить эффективное взаимодействие адвокатуры и государства по вопросам оплаты труда адвокатов по назначению. Во-первых, они устанавливают, что на этапе оплаты вознаграждения непосредственными контрагентами адвоката выступает орган дознания, следствия либо суд. Здесь очевиден правовой порок в виде системного несоответствия принципу независимости адвокатуры, так как адвокат вынужден получать оплату, что называется, «из рук» своего процессуального оппонента. Это ставит защитника в зависимое положение от дознавателя, следователя либо суда, чья функция заключается в своевременном процессуальном оформлении права адвоката на получение вознаграждения.

Во-вторых, на этапе оформления права на вознаграждение адвокат зависим не только от дознавателя, следователя или суда, но и от иных бюрократических надстроек, которыми выступают структурные подразделения, уполномоченные распоряжаться бюджетными средствами, т. е. от финансовой службы соответствующего государственного органа. Должностные лица этих подразделений не находятся в служебном подчинении субъекту, уполномоченному выносить постановление об оплате, а поэтому часто ревизуют такие постановления, истребуют дополнительные документы, не предусмотренные законом, отказывают в перечислении денежных средств под иными надуманными предлогами, не имеющими ничего общего с законностью. И если органы Судебного департамента РФ данную проблему практически изжили, то относительно органов дознания и следствия этого сказать нельзя⁷. Типичным примером выступает несоблюдение финансовыми службами п. 28 Положения, который устанавливает, что основанием для выплаты адвокату причитающейся суммы вознаграждения является постановление либо определение дознавателя, следователя либо суда, заверенное печатью и выданное на основании заявления адвоката. Данное постановление (определение) передается в финансовую службу государственного органа и является безусловным основанием для соответствующей выплаты.

⁶ Постановление Правительства РФ от 01.12.2012 г. № 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138571/ (дата обращения: 05.05.2022).

⁷ «Яркий пример ответственности, самостоятельности и настоящего профессионализма». Адвокат АП Калужской области взыскал с полиции задолженность по оплате труда за осуществление защиты по назначению за несколько лет. Дата публикации: 10.09.2019. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/yarkiy-primer-otvetstvennosti-samostoyatelnosti-i-nastoyashchego-professionalizma/> (дата обращения: 03.05.2022).

Однако повсеместно наблюдается, что в каждом государственном органе финансовые службы выдвигают свои дополнительные требования. В частности, в системе органов Министерства внутренних дел Российской Федерации дополнительно истребуют от адвокатов копию ордера, справку-график участия в следственных действиях, предъявляются необоснованные дополнительные требования к постановлению о выплате вознаграждения, когда помимо подписи лица, его вынесшего, требуют подписи начальника подразделения, а также согласование с руководителем органа. В системе органов Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации финансовые службы совершенно необоснованно требуют предоставлять постановление о назначении защитника, копию ордера, выставление счета на оплату. Практически всегда финансовые службы требуют предоставить заявление адвоката об оплате, а иногда еще и заверенное печатью адвокатского образования, что также неправомерно. В конечном итоге право адвоката на вознаграждение за труд ущемляется как минимум в сроках, а нередко может иметь место и полное отсутствие оплаты по конкретному делу, так как бюрократические барьеры зачастую невозможно преодолеть. Ситуация усугубляется тем, что дознаватель (следователь) после вынесения постановления о вознаграждении вполне обоснованно считает свою функцию выполненной и дальнейшие усилия по получению вознаграждения адвокат предпринимает самостоятельно. Эти усилия заключаются в переговорах с должностными лицами финансовых служб, а также в административном и судебном обжаловании их бездействия. Естественно, это не может не повышать градуса напряжения в работе адвоката, в ущерб другим доверителям расходуются время и труд, теряется мотивация.

Ярким примером деятельности чиновников от финансов, которая совершенно необоснованно подвергла сомнению право адвокатов на выплату вознаграждения государством, явился отчет Счетной палаты РФ о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ использования средств федерального бюджета, предусматриваемых на оплату труда адвокатов, участвующих в качестве защитника в уголовном процессе по назначению суда в 2016–2019 годах». Проверив ситуацию с оплатой в ряде регионов, аудиторы пришли к выводу, что расходы бюджета на оплату труда адвокатов недостаточно прозрачны, так как денежные суммы, причитающиеся адвокату, должны перечисляться на расчетный счет адвокатского образования. Однако на деле адвокаты часто указывали в заявлениях реквизиты личных счетов и «в результате налоговая база была занижена на 423,33 млн рублей»⁸. Из этого видно совершенно поверхностное представление автора отчета о понятии «адвокатское образование» и о налоговой обязанности адвоката. Внесем ясность: ст. 20 ФЗ «Об адвокатской деятельности...» предусматривает четыре формы адвокатских образований: адвокатский кабинет, коллегия адвокатов, адвокатское бюро

⁸ *Петров И.* Проверено качество работы государственных защитников [Электронный ресурс] // Российская газета. 2020. 25 февраля. № 40 (8094). URL: <https://rg.ru/2020/02/25/provereno-kachestvo-raboty-gosudarstvennyh-zashchitnikov.html> (дата обращения: 03.05.2022).

и юридическая консультация. При этом адвокатский кабинет, в отличие от трех остальных форм, не является юридическим лицом. Поэтому учредивший его адвокат может открыть банковский счет только на себя как на физическое лицо, что предусмотрено п. 4.8 Инструкции Банка России от 30.05.2014 № 153-И (ред. от 02.02.2021) «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов» и ст. 21 ФЗ «Об адвокатской деятельности...». Соответственно, и оплата вознаграждения от государства в этом случае должна поступать на личный счет адвоката. Также и налоговая обязанность возникает именно у адвоката как физического лица, но не у адвокатского кабинета. Неизвестно, по каким соображениям аудитор составил мнение о занижении налоговой базы адвокатами, но явно не руководствуясь принципом презумпции добросовестности налогоплательщика. Вместе с тем данная рекомендация Счетной палаты РФ была услышана на местах и повлекла совершенно незаконные отказы в перечислении денежных средств адвокатам, работающим в форме адвокатского кабинета. Эта проблема остается актуальной до настоящего времени.

Изложенное представляет лишь малую часть тех проблем, с которыми сталкивается адвокат на этапе оплаты своего труда в делах по назначению, оставаясь один на один с бюрократическим аппаратом. Точечное решение этих проблем силами ФПА РФ и отдельных адвокатов в целом себя не оправдало. Причина очевидна — общественные отношения по поводу организации бесплатной юридической помощи по уголовным делам, и в частности по оплате труда задействованных по назначению адвокатов, сложились и протекают в условиях правовой неопределенности, здесь просматривается потребность в обновлении и совершенствовании правового регулирования.

Итак, взаимоотношения государства и адвокатуры по поводу бесплатной юридической помощи по уголовным делам должны быть урегулированы на новом уровне, для чего необходимо четко определить и нормативно закрепить юридическую природу этих отношений, статус субъектов, а также предмет отношений. Следует исходить из того, что данные правоотношения возникают между двумя равноправными публично-правовыми коллективными субъектами: государством и адвокатурой. Адвокатура как общественное объединение является единственным общественным институтом, наделенным публичной функцией защиты прав и интересов граждан от уголовного преследования. Такая защита, оказанная доверителю на бесплатной основе, является неким подобием государственной услуги, так как осуществляется по запросу доверителя в рамках полномочий, предусмотренных федеральным законом «Об адвокатской деятельности...» и УПК РФ. Вместе с тем юридическая помощь по уголовным делам категорически не может считаться государственной услугой в значении, предусмотренном ст. 2 Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»⁹, поскольку

⁹ Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12177515/> (дата обращения: 05.05.2022).

адвокатура не является государственным либо муниципальным органом, а защита от уголовного преследования в принципе не может относиться к полномочиям государственных органов. Следовательно, обеспечивая доверителя бесплатным защитником, государство выступает, по сути, заказчиком, а адвокатура — исполнителем, в связи с чем очевидна договорная природа взаимоотношений двух публичных субъектов. Для подобных отношений наиболее адекватным представляется применение конструкции публично-правового договора в виде некоего базисного соглашения между адвокатурой и государством, которое устанавливало бы основы, т. е. общие принципы оказания бесплатной юридической помощи по уголовным делам, цели и политику в этой сфере, экономические (расчетные) отношения сторон. Оформление данного соглашения (условно назовем его генеральным) позволило бы зафиксировать гарантии государства перед адвокатурой, четко определить дозволенные границы вмешательства государства в адвокатскую деятельность, а в части бесплатной юридической помощи по уголовным делам окончательно придать соответствующим отношениям координационный характер, исключив всевозможные вертикальные и субординационные элементы. Данное соглашение может быть заключено, с одной стороны, Федеральной палатой адвокатуры РФ как полномочным представителем адвокатского сообщества России, с другой — специально созданным на базе Министерства юстиции РФ государственным органом, уполномоченным на координационную работу с адвокатурой. Помимо решения текущих вопросов по обеспечению бесплатной юридической помощью по уголовным делам и взаимодействию с адвокатами, создание такого органа позволило бы лишить органы предварительного расследования и Судебный департамент несвойственной им функции по оплате труда адвокатов. Координационный орган мог бы централизованно осуществлять данные финансовые полномочия, а средства на оплату работы адвокатов по назначению должны составлять отдельную защищенную строку бюджета.

Предлагаемое генеральное соглашение представляет собой новый правовой институт, что требует соответствующей законодательной регламентации. Давно назрела необходимость принятия отдельного законодательного акта о бесплатной юридической помощи по уголовным делам, который бы, во-первых, предусматривал заключение данного генерального соглашения между адвокатурой и государством и, во-вторых, четко определил бы права и обязанности всех участвующих субъектов, унифицировал алгоритм их взаимодействия. В российском законодательстве известны подобные договорные акты между коллективными субъектами: в качестве примера можно привести Генеральное соглашение между объединениями профсоюзов, работодателей и Правительством РФ, которое в очередной раз заключено в апреле 2021 года на период 2022–2023 годов на основе положений Трудового кодекса РФ¹⁰

¹⁰ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12125268/> (дата обращения: 05.05.2022).

о социальном партнерстве. Описаны подобные договоры и в классической правовой литературе [14, с. 180–197].

Необходимо зафиксировать, что отношения по поводу выплаты вознаграждения адвокатам не являются уголовно-процессуальными, а являются материальными правоотношениями, основанными на конституционном праве на вознаграждение за труд. Объектом данных правоотношений выступают материальные блага в виде денег. Размер оплаты в каждом случае должен определяться в специально установленном порядке в зависимости от времени занятости адвоката по делу, а также предпринятых им мер по реализации полномочий защитника в интересах доверителя. В настоящее время действуют ставки, установленные Положением, что предполагает оплату лишь за день участия в следственных действиях и заседаниях суда. Однако помимо такого участия, адвокат в целях полноценной защиты должен готовить ходатайства, жалобы, согласовывать позицию с доверителем, содержащимся под стражей, предпринимать иные действия. Действующий порядок не предусматривает оплату этих мероприятий, что явно не соответствует интересам доверителей и защитников. Очевидно, что в основу системы оплаты труда бесплатного защитника следует положить принцип: государство оплачивает все действия защитника в интересах доверителя, предусмотренные уголовно-процессуальным законом.

Немаловажным является и правовое оформление принятия поручения адвокатом на защиту в деле «по назначению». Поскольку такая защита ничем принципиально не отличается от защиты за гонорар, следует исходить из того, что адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, которое представляет собой гражданско-правовой договор. Данное правило должно быть в полной мере реализовано и при поручении на уголовную защиту в рамках бесплатной юридической помощи. Необходимо ввести практику заключения соглашения с адвокатами, которые оказывают бесплатную юридическую помощь по уголовным делам. Но поскольку в данном случае адвокат принимает поручение на защиту не от доверителя, а от государства, то заказчиком в соглашении должен выступить указанный выше координационный государственный орган. Соглашение должно в полной мере соответствовать принципам адвокатской деятельности, в качестве существенных условий содержать размер и сроки оплаты труда, возмещение расходов, понесенных в связи с исполнением поручения. Договорной принцип сотрудничества адвоката с координационным государственным органом даст возможность упростить порядок получения адвокатом оплаты за труд, сделать систему оплаты единой и прозрачной.

Заключение

Предлагаемые меры, изложенные в настоящей статье, конечно же, нуждаются в детализации и дополнительном обсуждении. Однако необходимость

реформ в области бесплатной юридической помощи по уголовным делам назрела, и главная задача здесь — построение простой и рабочей модели, которая максимально обеспечила бы паритет интересов подзащитного, адвоката и государства.

Литература

1. Залуцкая И. А. Создание и деятельность государственных юридических бюро // Мониторинг правоприменения. 2012. № 3. С. 7–15.
2. Калачева Е. Н. Проблемы назначения адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве и возможные пути решения: вызовы цифровизации // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2020. № 11. С. 112–123.
3. Куренкова А. Ю. Субъекты правотворческой деятельности // Символ науки. 2020. № 10. С. 68–70.
4. Кучерена А. Г. Роль адвокатуры в становлении гражданского общества в России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 360 с.
5. Новикова Ю. С. Некоторые особенности структуры правоотношений // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 3. С. 54–58.
6. Общая теория права и государства. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. В. Лазарева. М.: Юрист, 1996. 470 с.
7. Пустовалова Е. В. Социальное взаимодействие в конфликте // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. 2020. № 1. С. 219–226.
8. Ростовщиков И. В. О юридической процедуре и реализации прав личности // Legal Concept. 2018. Т. 17. № 4. С. 64–70.
9. Сырых В. М. Теория государства и права: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2012. 704 с.
10. Смагин Г. А. Конституционно-правовые вопросы оказания юридической помощи в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 163 с.
11. Смирнов В. Н. Защита по назначению — конституционная гарантия или фикция? // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 1. С. 31–38.
12. Старыгина П. С. Организационно-управленческие механизмы регулирования социальных конфликтов: нормативно-правовой аспект // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 2. С. 85–94.
13. Судоргина Е. В. Адвокатура как публично-правовой институт гражданского общества современной России / Е. В. Судоргина, А. В. Черемисина // Вопросы российского и международного права. 2019. № 1А. С. 97–104.
14. Тихомиров Ю. А. Публичное право: учебник. М.: БЕК. 1995. 496 с.
15. Харченко О. В. Правоохранительная функция как перманентная функция государства // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. 2009. № 99. С. 215–222.

Literatura

1. Zaluczkaya I. A. Sozдание i deyatel'nost' gosudarstvenny'x yuridicheskix byuro // Monitoring pravoprimereniya. 2012. № 3. S. 7–15.
2. Kalacheva E. N. Problemy' naznacheniya advokata-zashhitnika v ugodovnom sudo-proizvodstve i vozmozhny'e puti resheniya: vy'zovy' cifrovizacii // Vestnik Universiteta im. O. E. Kutafina. 2020. № 11. S. 112–123.

3. Kurenkova A. Yu. Sub`ekty` pravotvorcheskoj deyatel`nosti // Simvol nauki. 2020. № 10. S. 68–70.
4. Kucherena A. G. Rol` advokatury` v stanovlenii grazhdanskogo obshhestva v Rossii: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2003. 360 s.
5. Novikova Yu. S. Nekotory`e osobennosti struktury` pravootnoshenij // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2016. № 3. S. 54–58.
6. Obshhaya teoriya prava i gosudarstva. 2-e izd., pererab. i dop. / pod red. V. V. Lazareva. M.: Yurist, 1996. 470 s.
7. Pustovalova E. V. Social`noe vzaimodejstvie v konflikte // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta `ekonomiki i upravleniya. 2020. № 1. S. 219–226.
8. Rostovshhikov I. V. O yuridicheskoy procedure i realizacii prav lichnosti // Legal Concept. 2018. T. 17. № 4. S. 64–70.
9. Sy`ry`x V. M. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov. 6-e izd., pererab. i dop. M.: Yusticinform, 2012. 704 s.
10. Smagin G. A. Konstitucionno-pravovy`e voprosy` okazaniya yuridicheskoy pomoshhi v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2003. 163 s.
11. Smirnov V. N. Zashhita po naznacheniyu — konstitucionnaya garantiya ili fikciya? // E`lektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnal. 2017. № 1. S. 31–38.
12. Stary`gina P. S. Organizacionno-upravlencheskie mexanizmy` regulirovaniya social`ny`x konfliktov: normativno-pravovoj aspekt // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2. S. 85–94.
13. Sudorgina E. V. Advokatura kak publichno-pravovoj institut grazhdanskogo obshhestva sovremennoj Rossii / E. V. Sudorgina, A. V. Cheremisina // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2019. № 1A. S. 97–104.
14. Tixomirov Yu. A. Publichnoe pravo: uchebnik. M.: BEK. 1995. 496 s.
15. Xarchenko O. V. Pravooxranitel`naya funkciya kak permanentnaya funkciya gosudarstva // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. Gercena. 2009. № 99. S. 215–222.

V. Yu. Turanin
D. V. Pogorelov
V. A. Polskaya

Free Legal Aid: the System Needs Improving (on the Example of Criminal Proceedings)

Abstract. The authors analyze the institution of free legal aid (on the example of criminal proceedings). It is noted that public relations regarding the organization of free legal assistance in criminal cases and, in particular, the remuneration of lawyers involved “by appointment” have developed and proceed in conditions of legal uncertainty, therefore, at present, there is a need to update and improve their legal regulation. It is concluded that for such relations, the most adequate is the use of the construction of a public law contract in the form of a kind of “basic agreement” between the bar and the state, which would establish the general principles for the provision of free legal assistance in criminal cases, goals and policies in this area, economic relations of the parties. The execution of this agreement would make it possible to fix the guarantees of the state to the bar, to clearly define the permitted

boundaries of state intervention in the practice of law, and in terms of free legal assistance in criminal cases, to finally give the relevant relations a coordinating character, excluding all kinds of vertical and subordinate elements.

Keywords: advocacy; criminal proceedings; free legal assistance; legal regulation; parties.

Статья поступила в редакцию: 20.05.2022;
одобрена после рецензирования: 05.06.2022;
принята к публикации: 30.06.2022.

The article was submitted: 20.05.2022;
approved after reviewing: 05.06.2022;
accepted for publication: 30.06.2022.

УДК 612.821; 316.422

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.47.3.08

М. В. Ковальчук

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Российская Федерация

E-mail: koval@nrcki.ru

Е. Б. Яцишина

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Российская Федерация

E-mail: yacekaterina@yandex.ru

В. А. Демин

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Российская Федерация

E-mail: Demin_VA@nrcki.ru

Ю. И. Холодный

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Российская Федерация

E-mail: kholodny@yandex.ru

НЕОБХОДИМОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ НЕЙРОКОГНИТИВНЫХ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАКТИКЕ

Аннотация. В данной статье отражены результаты исследования, в итоге которого показан диалектический путь конвергенции наук, приведший к появлению наукоемких технологий экспериментальных исследований мозга и психики человека и зарождению совокупности научных знаний, объединенных под общим названием «нейронаука»; представлено место отрасли нейроправа в системе нейронаук; дан краткий обзор некоторых направлений нейроправа (в частности, нейрокриминалистики и нейрокриминологии); коротко показана эволюция методов, применяемых в экспериментальной психофизиологии в XX–XXI веках (от методов регистрации физиологических реакций к методам нейровизуализации); коротко рассмотрены история, трудности развития и текущее состояние в России метода исследований с применением полиграфа (ИПП), явившегося предшественником методов нейровизуализации и нашедшего широкое использование в отечественной правоохранительной практике.

Значимость исследования состоит в постановке вопроса о необходимости строгого правового регулирования использования методов ИПП и нейровизуализации в общественной практике.

Ключевые слова: нейронаука; нейроправо; криминалистическая психофизиология; нейрокогнитивные технологии; полиграф.

Введение

Внутренняя логика развития науки в последние десятилетия обусловила взаимопроникновение различных отраслей знаний, которые еще недавно казались весьма далекими друг от друга, создание новых технологий и направлений научных исследований. На сегодняшний день речь идет о конвергенции наиболее перспективных направлений современной науки и технологий — нано-, био-, информационных, когнитивных и социогуманитарных: каждая из конвергентных наук и технологий отвечает за свой «блок», но и они все больше смыкаются между собой, образуя внутренние связи [4; 5]. Данный процесс носит глобальный характер и свидетельствует о формировании нового, постиндустриального, программируемого общества, «неотъемлемой чертой (которого) является превращение науки в решающий фактор развития» [12, с. 19].

Одним из проявлений указанного глобального процесса является неуклонное развитие исследований различных аспектов деятельности мозга и психики человека на основе комплексного подхода. В последние десятилетия работы в этом направлении, в русле конвергенции наук, значительно расширились благодаря внедрению в исследовательскую практику методов нейровизуализации — компьютерной, магнитно-резонансной и позитронно-эмиссионной томографии (КТ, МРТ и ПЭТ соответственно), магнитоэнцефалографии и пр.

Это привело к формированию нового направления фундаментальных и прикладных исследований, объединенных под общим названием «нейронаука» (neuroscience), или «нейробиология» (neurobiology). К 2020 году нейронаука разрослась до обширной междисциплинарной области знаний, которая, по отдельным оценкам, содержит более 20 частных отраслей исследований [22], и особое место среди этих исследований занимает когнитивная нейронаука — «область научных изысканий, которая старается понять, как мозг обеспечивает работу психики» [19, с. 2] человека.

Результаты исследований мозга внесли свой вклад в развитие науки об искусственном интеллекте, медицину, вычислительную технику, создание интерфейсов «мозг – компьютер» и т. п.

Вместе с тем проведение нейрокогнитивных исследований повлекло за собой многочисленные правовые последствия, и, как результат, к началу XXI века в совокупности нейронаук выделилась отдельная, связанная с юриспруденцией, отрасль знаний — нейроправо (neurolaw).

Учитывая тот факт, что нейроправо делает в нашей стране лишь первые шаги и упоминания о нем лишь недавно появились на страницах отечественной юридической и психофизиологической научной литературы [6; 16; 17], данная статья призвана привлечь внимание научной общественности к этой актуальной тематике. Статья знакомит с отдельными группами вопросов, разрабатываемыми нейроправом, и представляет первые результаты нашего исследования, которое было ориентировано на изучение зарубежного опыта

и оценку целесообразности введения правового регулирования прикладных нейрокогнитивных и психофизиологических исследований в России.

Методы

В процессе исследования по указанной тематике был применен общенаучный диалектический метод познания, а методологическую базу проведенной работы составили как общенаучные, так и специальные методы исследования. С помощью дескриптивного метода коротко показаны основные направления развития нейронауки и ее частных направлений. Хронологический метод дал возможность показать периодизацию развития экспериментальных методов, применяемых в психофизиологических и нейрокогнитивных исследованиях. Общелогические взаимодополняющие методы — анализ и синтез — позволили в итоге наметить дальнейшее направление работ в области правового регулирования применения нейрокогнитивных и психофизиологических исследований в практике.

Основное исследование

Область нейрправа стала формироваться в начале 1990-х годов [24], хотя основы для его развития были заложены еще на рубеже XIX–XX веков [23]. В настоящее время нейрправо объединяет ряд частных направлений исследований, которые ориентированы на решение вопросов, стоящих перед уголовным и гражданским правом, криминологией, судебной психологией и пр. В частности, не первый год проводятся исследования по таким направлениям нейронауки, как нейроэкономика и нейромаркетинг, которые порождают свой набор правовых вопросов, например о защите прав потребителей или об ограничениях недобросовестной конкуренции. В целом тематика исследований в области нейрправа в последние годы существенно расширилась [21], ниже — для иллюстрации — будут указаны лишь некоторые группы вопросов, которые привлекли внимание зарубежных исследователей.

Первая группа — это вопросы, касающиеся информированного согласия, которое во всем мире считается основополагающим принципом этической практики исследований с участием людей. Принцип информированного согласия представляет особую значимость, когда речь идет о проведении исследований лиц из так называемых уязвимых групп, например с нервно-психическими расстройствами (шизофрения, болезнь Альцгеймера и др.), и участники исследований (или их законные представители) должны знать, что могут возникнуть неожиданные ситуации.

Поэтому с первой группой тесно соседствует вторая группа правовых вопросов в области нейронауки — вопросы о случайных находках, под которыми

понимается любой непредвиденный результат (нейробиологического) исследования, подразумевающий обращение за медицинской помощью, чтобы исключить (или подтвердить) потенциальные негативные последствия этого открытия для психического или физического здоровья исследуемого лица. При этом уточняется, что результаты являются случайными в тех ситуациях, когда получены «наблюдения потенциальной клинической значимости, неожиданно обнаруженные у здоровых субъектов или у пациентов, привлеченных к исследованиям по визуализации мозга, и не связанные с целью или переменными исследования» [20]. В мире пока не существует единого мнения о том, как корректно с правовой точки зрения охарактеризовать эти случайные находки.

Отсутствие ясности в этом вопросе чревато ситуациями, когда специалисты после процедуры нейровизуализации будут пытаться снять с себя и переложить на кого-то ответственность, отрицая, что они обнаружили некую случайную находку. Такие действия могут подпадать под уголовную ответственность: специалист «случайно что-то узнает и не действует, хотя его бездействие создает опасность для испытуемого». Либо специалист может нести гражданскую ответственность, когда «бездействие после случайного обнаружения может повлечь обязанность возмещения убытков, если испытуемому в последующем был причинен физический или материальный ущерб из-за бездействия» [25, с. 394].

Отдельной группой стоят вопросы, касающиеся нейроусиления (neuroenhancement). Под термином «нейроусиление» понимают различные ситуации, в которых человек пытается повысить свои когнитивные способности с помощью мер нейробиологии: таковыми могут быть какие-то лекарства либо воздействия извне (например, транскраниальная магнитная или электрическая стимуляция головного мозга), которые улучшают функционирование отдельных структур мозга или усиливают его функциональные способности в целом. Понятно, что в этом контексте использование так называемых вспомогательных технологий поднимает ряд юридических вопросов, основной из которых — разрешено ли врачу назначать те или иные средства нейроусиления для немедицинских целей.

Есть еще весьма дискуссионная группа вопросов — о возможности использования методов нейровизуализации в уголовном и гражданском судопроизводствах. Известно, что в ряде стран методы структурной нейровизуализации (КТ, диагностическая МРТ) используют в криминалистических и криминологических целях и результаты таких исследований могут выступать в качестве доказательств в случаях:

- а) объявления смерти мозга вследствие его патологии;
- б) установления завещательной способности;
- в) установления повреждений мозга, возникших вследствие естественного патологического процесса либо полученной травмы (особенно лобных долей), которые способны привести к антисоциальным формам поведения и стать причиной тех или иных противоправных деяний [21, с. VIII–IX]; и т. п.

Здесь целесообразно отметить, что в настоящее время около сотни стран мира используют в правоохранительной практике психофизиологические

исследования, в которых для установления факта сокрытия человеком какой-то информации применяют полиграф — прибор, часто неверно именуемый детектором лжи. В одних странах, например в США, Сингапуре, Израиле и Индии, — «использование детекторов лжи в судебных процессах уже не является исключением, а стало своего рода повседневным делом» [25, с. 399]. В других, таких как Великобритания, отношение к исследованиям с применением полиграфа (ИПП) неоднозначно. С одной стороны, в 2010 году доказательства, полученные с помощью полиграфа, решением Апелляционного суда были признаны неприемлемыми, а с другой — в Англии и Уэльсе в обязательном порядке применяют тесты на полиграфе, которые предназначены для проверки правдивости заявлений о поведении сексуальных преступников после их освобождения из тюрьмы [Там же, с. 405].

Неоднозначное, скептическое и порой негативное отношение к ИПП в странах мира, обусловленное недостаточной изученностью динамики нейрокогнитивных процессов, обеспечивающих диагностику у человека скрываемой им информации о событиях прошлого, привело к тому, что в указанных целях стали использовать метод нейровизуализации. В итоге нейроправо пополнилось самостоятельным направлением исследований — нейрокриминалистикой (*forensic neurosciences*), которая ориентирована на выявление у человека скрываемой им информации с помощью метода функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ). За рубежом этот метод именуется *fMRI-based lie detection* [18].

Метод фМРТ-диагностики для выявления скрываемой человеком информации впервые был реализован в лабораторных условиях в 2001 году, но уже через пять лет послужил основой к созданию в США двух коммерческих фирм, которые в ходе уголовных расследований оказывали с помощью *fMRI-based lie detection* услуги по оценке показаний тех или иных лиц.

Краткое изложение (из-за ограниченного объема данной статьи) избранных групп вопросов из области нейроправа дает лишь общее представление о той проблематике, которая находится в сфере внимания зарубежных юристов, нейрофизиологов и психофизиологов и наглядно показывает, что указанные вопросы требуют соответствующего правового регулирования.

Следует отметить, что объем исследований в области нейронауки (нейробиологии) в России, к сожалению, уступает зарубежному уровню. В частности, в разработанном РАН пару лет назад проекте программы исследований мозга в качестве перспективных из сферы нейронауки были выделены направления нейроммуникации, нейрообразование, нейромаркетинг и нейроэкономика [9, с. 25, 36]; при этом отрасль нейроправа или какие-то ее частные составляющие (например, нейрокриминалистика и нейрокриминология) упомянуты не были.

Учитывая тот факт, что отечественное нейроправо делает только первые шаги, не преждевременно ли рассматривать правовое регулирование работ в области прикладной нейробиологии в нашей стране в то время, когда использование ее возможностей еще не получило заметного распространения в жизни общества?

Нам представляется, что рассмотрение правового регулирования использования методов и средств прикладной нейробиологии не является преждевременным, и в обоснованности такого суждения несложно убедиться, ознакомившись с состоянием использования ИПП в России в течение последних трех десятилетий.

Почему для такого исторического экскурса выбран именно метод ИПП, объясняется просто. В порядке хронологии появления экспериментальных методов, применявшихся психофизиологией при изучении нейрокогнитивных механизмов, обеспечивающих работу психики, отметим первым метод совместной регистрации физиологических реакций человека (СРВР), реализуемый с помощью полиграфа. Он появился в 1920–1930-е годы и стал предшественником методов нейровизуализации, которые вошли в практику психофизиологии десятилетия спустя.

Метод нейровизуализации и метод СРВР, реализуемый с помощью полиграфа, при всем их различии, относятся к средствам психофизиологии и имеют целый ряд общих методических особенностей, в связи с чем их применение в прикладных целях должно регламентироваться едиными или, по крайней мере, унифицированными правовыми нормами.

Поэтому, рассмотрев непростую историю развития ИПП в нашей стране в постсоветский период, можно увидеть основные болевые точки, с которыми, возможно, придется столкнуться при формировании и развертывании применения методов нейровизуализации в интересах частных направлений нейроправа.

Как уже было сказано выше, появление нейрокогнитивных исследований и последующее их продвижение в различные сферы общественной практики стало следствием конвергенции наук, обусловившей появление новых методов нейровизуализации, которые значительно продвинули изучение нейрофизиологической активности мозга человека и открыли качественно новый этап развития теоретической и прикладной психофизиологии.

Появление указанных новшеств отодвинуло на задний план некоторые ранее созданные для экспериментальной психофизиологии методы, ряд из них был постепенно вытеснен из числа используемых в исследованиях.

Одним из таких «вытесненных» из экспериментальной практики методов оказался метод СРВР, а вошел он в пору своего расцвета еще в 1930 году, когда в США был создан полиграф. С развитием электронной аппаратуры метод СРВР был потеснен в экспериментальной практике методами электрокардиографии (ЭКГ) и электроэнцефалографии (ЭЭГ), которые со временем прочно вошли в медицинскую и экспериментальную практику.

Однако, будучи технически более простым и, как следствие, относительно недорогим по сравнению с электрокардиографом и электроэнцефалографом, полиграф успешно реализовывал метод СРВР, позволяя одновременно регистрировать динамику дыхания человека, его сердечно-сосудистую и электро-кожную активности, в связи с чем часто применялся в психофизиологических исследованиях. Стараниями специалистов полиграф и метод СРВР начали использоваться американской полицией для диагностики наличия у человека

скрываемой им информации о событиях прошлого. В итоге за полиграфом закрепилось однозначное наименование — детектор лжи. В начале 1950-х годов применение полиграфа в указанных целях, ставшее популярным, вышло за пределы США. К 1970-м годам сформировалась целая индустрия использования полиграфа: его активно применяли полиция, спецслужбы и частные фирмы многих стран. В самих США — ведущем в мире пользователе детектора лжи — в начале 1980-х годов ежегодно осуществлялось более 2 миллионов ИПП различного целевого назначения [13].

На протяжении десятилетий использование ИПП за рубежом не имело строгого правового регулирования. Его отсутствие неизбежно вело к различным негативным последствиям и сопровождалось нарушениями прав человека. Лишь в 1988 году в США был принят первый в мире закон, который регламентировал использование ИПП в различных сферах жизни общества. В «полиграфном» правотворчестве за США последовали лишь немногие государства: противоречивость отношения к ИПП сохраняется в подавляющем большинстве стран мира до сих пор.

Почти вековой опыт использования методов психофизиологии в интересах диагностики медицинского и немедицинского назначения указывает на то, что их применение, вне зависимости от сложности применяемого конкретного технического средства (полиграф, энцефалограф, томограф и т. п.), должно четко определяться медицинскими и правовыми нормами. Если психофизиологические и нейрокогнитивные технологии выходят за рамки научного лабораторного исследования, общество обязано отслеживать их распространение в общественной практике и устанавливать соответствующее правовое регулирование их прикладного применения, поскольку отсутствие такового неизбежно ведет к нежелательным последствиям. Именно это и происходит в России с использованием ИПП в последние два десятилетия.

Результаты и обсуждения

После более чем полувекового обвинения советской юридической и психологической наукой в лженаучности ИПП были «реабилитированы» и в соответствии с законом «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (Закон об ОРД) допущены Министерством юстиции России в 1993 году к использованию в правоохранительной практике. В 1994 году ИПП официально вошли в арсенал методов и средств отечественной криминалистики, и в течение короткого периода времени полиграф был внедрен в оперативно-розыскную и кадровую работу органов ФСБ, МВД, МО, СВР и других силовых структур России, которые регламентировали проведение ИПП в своей деятельности ведомственными инструкциями.

Вскоре за государственными органами для защиты своих служебных и коммерческих интересов ИПП начали применять учреждения и организации

различных форм собственности. Растущее использование полиграфа требовало соответствующей регламентации, то есть создания единой нормативно-правовой базы, стандартизации методических и технических средств ИПП, унификации подготовки специалистов по проведению ИПП (полиграфологов) и пр. Первые попытки создания правового регулирования использования полиграфа во внесударственной сфере были предприняты Торгово-промышленной палатой России в 1999 году путем принятия соответствующих стандартов [10; 11], однако введенные в действие правовые акты не возымели особого успеха. Отсутствие жесткого правового регулирования применения полиграфа в сфере бизнеса, низкий уровень профессиональной подготовки полиграфологов в коммерческих школах, нарушение требований технологии ИПП неизбежно вели к снижению качества проводимых исследований и, как следствие, к ошибочным их результатам.

К 2002 году стало очевидно, что прикладное использование ИПП в стране все дальше выходит за пределы правового поля, очерченного Законом об ОРД и Законом Российской Федерации «О государственной тайне». Поэтому для решения накопившихся вопросов, связанных с использованием полиграфа в различных областях общественной практики, Комитет Государственной думы РФ по безопасности образовал специальную рабочую группу, которой было поручено разработать проект закона «О применении полиграфа» (Закон о ПП).

В 2005 году проект Закона о ПП был разработан, а его концепция одобрена. По мнению разработчиков проекта, закон должен был воплотить «в жизнь положение о том, что общество обязано строго соблюдать паритет между правами человека на неприкосновенность личной жизни и правом общества ограждать свои интересы и безопасность от преступных и противоправных посягательств отдельных лиц» [2, с. 59–60].

Разработка Закона о ПП была признана актуальной, поскольку его отсутствие создавало условия для злоупотреблений методом ИПП в государственных и негосударственных структурах. Полагалось, что Закон о ПП:

- введет в государственную и негосударственную сферы институты обязательных и добровольных ИПП;
- установит порядок проведения ИПП;
- регламентирует последствия отказа от ИПП;
- определит перечень лиц, допущенных к участию в ИПП, и укажет их права, обязанности и ответственность.

Однако предложенный законопроект затронул корпоративные интересы отдельных профессиональных групп, которые оказали противодействие его продвижению. В итоге Закон о ПП не получил поддержки в правительстве РФ, был возвращен в 2011 году депутатам, инициировавшим его появление, на доработку, и более работа над законом не возобновлялась.

Следует отметить, что одним из важнейших достижений российских полиграфологов и отечественной криминалистики было создание в начале 2000-х годов технологии проведения ИПП в процессуальном порядке в форме производства

судебно-психофизиологической экспертизы (СПфЭ), результаты которой могут служить доказательством в суде. В 2005 году Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ признала допустимость представления таких результатов в суд в качестве доказательств.

Однако в 2010-е годы ситуация с использованием ИПП существенно ухудшилась, о чем свидетельствует целый ряд фактов. В концентрированном виде накопившиеся недостатки в применении полиграфа в России отразились в многочисленных фактах некачественного производства СПфЭ, что частично было обусловлено неудовлетворительным методическим обеспечением производства таких экспертиз [1; 14; 15 и др.] и низкой квалификацией экспертов-полиграфологов. Следствием развития указанной негативной тенденции явилось изменение позиции Верховного суда РФ, «согласно которой психофизиологические исследования с использованием полиграфа в настоящее время не имеют доказательственного значения» [7, с. 12].

Недостатки в области использования ИПП и СПфЭ хорошо известны полиграфологам. Их перечень можно начать хотя бы с того, что, при наличии во всех регионах специалистов-полиграфологов (только в системе СК РФ проходят службу 136 полиграфологов [8, с. 118]), до сих пор, согласно Общероссийскому классификатору должностей и профессий, такой профессии в стране не существует.

Проведенный журналом «Детекция лжи» опрос известных отечественных полиграфологов показал, что среди недостатков в области использования полиграфа (помимо указанного выше) специалистами были выделены следующие: отсутствие фундаментальных исследований по этой тематике, должного теоретического обоснования ИПП, бездумное использование зарубежных методических средств, неадаптированных к российским реалиям. Лишь малая часть специалистов, участвовавших в опросе, правильно оценила, что «основной проблемой полиграфологии в России остается отсутствие закона, принятого на федеральном уровне, который бы четко регламентировал не только деятельность специалистов-полиграфологов, но и устанавливал бы контроль за этой деятельностью» [3, с. 68].

Заключение

Реализуемые с помощью технических средств (полиграф, энцефалограф, томограф и пр.) методы нейронауки и психофизиологии (а таковых более десятка) становятся инструментом решения тех или иных конкретных задач прикладной психофизиологии и, как следствие, их применение должно определяться и направляться едиными или как минимум унифицированными правовыми нормами.

Отсутствие в стране четкой нормативно-правовой базы использования ИПП, опаздывающей на десятилетия с момента легализации таких исследований

в стране, негативно сказывается как на субъектах, так и на объектах их применения и наглядно показывает, с какими проблемами может столкнуться будущее широкое распространение методов нейровизуализации в общественной практике. Очевидно, что использование ИПП, оставленное без должного внимания со стороны государства, испытывает понятные трудности и требует системного подхода к организации правового регулирования. Все вышесказанное однозначно наводит на мысль о целесообразности активизации исследований в области нейроправа.

В связи с этим сохраняет свою актуальность вопрос о необходимости централизованного — в рамках закона — правового регулирования применения прикладной психофизиологией (в частности, криминалистической и медицинской) методов и технических средств в целях контроля и оценки психической активности человека.

Литература

1. Аверьянова Т. В., Майлис Н. П., Холодный Ю. И. Психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: хаос и его причины // Уголовный процесс. 2018. № 10. С. 70–79.
2. Волчинская Е. К., Холодный Ю. И. Пора наводить порядок (несколько замечаний к законопроекту «О применении полиграфа») // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 11. С. 57–73.
3. Интервью ведущих специалистов-полиграфологов о результатах и перспективах применения метода в России // Детекция лжи. 2021. Вып. 3. С. 66–79.
4. Ковальчук М. В., Нарайкин О. С., Яцишина Е. Б. Конвергенция наук и технологий и формирование новой ноосферы // Российские нанотехнологии. 2011. Т. 6. № 9–10. С. 12.
5. Ковальчук М. В., Нарайкин О. С., Яцишина Е. Б. Конвергенция наук и технологий — новый этап научно-технического развития // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 3–11.
6. Ковальчук М. В., Холодный Ю. И. Некоторые теоретические аспекты технологий исследований с применением полиграфа (статья третья) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решений. 2021. № 3 (33). С. 85–90.
7. Моисеева Т. Ф. От составителей // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве: сб. статей. Вып. 4. М.: РГУП, 2020. С. 7–12.
8. Никитин В. В. Обзор практики производства ПФИ в системе СК РФ с января 2017 года по декабрь 2019 года // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве: сб. статей. Вып. 4. М.: РГУП, 2020. С. 118–126.
9. Федеральная научно-техническая программа исследований мозга на 2021–2029 гг. (Проект). М.: РАН, 2020. 51 с.
10. Фесенко А. В. Порядок подготовки специалистов по опросам с использованием полиграфа (полиграфологов): Стандарт Российского агентства экономической безопасности и управления рисками ТПП России (СТО РАЭБУР 51-01-99; Гос. рег. № 844268 от 9.02.1999) / А. В. Фесенко [и др.] / М.: Госстандарт России, 1999. 12 с.

11. Фесенко А. В., Холодный Ю. И. и др. Порядок проведения опросов с использованием полиграфа: Стандарт Российского агентства экономической безопасности и управления рисками ТПП России (СТО РАЭБУР 51-02-99; Гос. рег. № 844276 от 15.04.1999) / А. В. Фесенко [и др.] / М.: Госстандарт России, 1999. 16 с.
12. Хабриева Т. Я. Предисловие // Право и закон в программируемом обществе: сборник научных статей. М.: ИЗСП при Правительстве РФ, 2020. С. 19–20.
13. Холодный Ю. И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений: монография. М.: Мир безопасности, 2000. 157 с.
14. Холодный Ю. И., Савицкий М. А., Николаев А. Ю. Проблемы методического обеспечения экспертизы с применением полиграфа // Развитие криминалистики и судебной экспертизы в трудах проф. Е. Р. Россинской: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Проспект, 2019. С. 472–478.
15. Холодный Ю. И. Возможности и нерешенные вопросы психофизиологических исследований с применением полиграфа при расследовании уголовных дел // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. Вып. 4. М.: РГУП, 2020. С. 159–168.
16. Холодный Ю. И. Изучение нейрокогнитивных процессов в парадигме сокрытия информации / Ю. И. Холодный [и др.] // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 3. С. 17–39.
17. Холодный Ю. И. Криминалистическая психофизиология // Психофизиология / под ред. Ю. И. Александрова. 5-е изд. СПб.: Питер, 2022. С. 481–510.
18. Farah M. J. et al. Functional MRI-based lie detection: scientific and societal challenges // *Nature Reviews Neuroscience*. 2014. V. 15 (2). P. 123–131.
19. Gazzaniga M. S. What is cognitive neuroscience // *A judge's guide to neuroscience: a concise introduction*. University of California. 2010. P. 2.
20. Illes J. et al. Incidental findings in brain imaging research // *Science*. 2006. № 311. P. 783.
21. *Neuroscience and Law. Complicated Crossings and New Perspectives*. Springer Nature Switzerland AG. 2020. 563 p.
22. Rizzolatti G. *Neuroscience, Today* // *Neuroscience and Law. Complicated Crossings and New Perspectives*. Springer Nature Switzerland AG. 2020. P. vii.
23. Shen F. X. The overlooked history of neurolaw // *Fordham Law Review*, 2016. V. 85. № 2. P. 667–695.
24. Taylor J. S., Harp J. A., Elliot T. *Neuropsychologists and Neurolawyers* // *Neuropsychology*. 1991. V. 5. № 4. P. 293–305.
25. Wegmann H. Summary: Neurolaw in an International Comparison // *International Neurolaw. A Comparative Analysis*. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2012. P. 381–411.

Literatura

1. Aver`yanova T. V., Majlis N. P., Xolodny`j Yu. I. Psixofiziologicheskaya e`kspertiza s primeneniem poligrafa: kaos i ego prichiny` // *Ugolovny`j process*. 2018. № 10. S. 70–79.
2. Volchinskaya E. K., Xolodny`j Yu. I. Pora navodit` poryadok (neskol`ko zamechanij k zakonoproektu «O primenении poligrafa») // *Vestnik Akademii e`konomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii*. 2009. № 11. S. 57–73.
3. Interv`yu vedushhix specialistov-poligrafologov o rezul`tatax i perspektivax primeneniya metoda v Rossii // *Detekciya lzhi*. 2021. Vy`p. 3. S. 66–79.

4. Koval'chuk M. V., Narajkin O. S., Yacishina E. B. Konvergenciya nauk i texnologij i formirovanie novoj noosfery' // Rossijskie nanotexnologii. 2011. T.6. № 9–10. S. 12.
5. Koval'chuk M. V., Narajkin O. S., Yacishina E. B. Konvergenciya nauk i texnologij — novy'j e'tap nauchno-texnicheskogo razvitiya // Voprosy' filosofii. 2013. № 3. S. 3–11.
6. Koval'chuk M. V., Xolodny'j Yu. I. Nekotory'e teoreticheskie aspekty' texnologii issledovanij s primeneniem poligrafa (stat'ya tret'ya) // Rassledovanie prestuplenij: problemy' i puti ix reshenij. 2021. № 3 (33). С. 85–90.
7. Moiseeva T. F. Ot sostavitelej // Teoreticheskie i prikladny'e aspekty' ispol'zovaniya special'ny'x znaniy v ugolovnom i grazhdanskom sudoproizvodstve: sb. statej. Vy'p. 4. M.: RGUP, 2020. S. 7–12.
8. Nikitin V. V. Obzor praktiki proizvodstva PFI v sisteme SK RF s yanvarya 2017 goda po dekabr' 2019 goda // Teoreticheskie i prikladny'e aspekty' ispol'zovaniya special'ny'x znaniy v ugolovnom i grazhdanskom sudoproizvodstve: sb. statej. Vy'p. 4. M.: RGUP, 2020. S. 118–126.
9. Federal'naya nauchno-texnicheskaya programma issledovanij mozga na 2021–2029 gg. (Proekt). M.: RAN, 2020. 51 s.
10. Fesenko A. V. Poryadok podgotovki specialistov po oprosam s ispol'zovaniem poligrafa (poligrafologov): Standart Rossijskogo agentstva e'konomicheskoy bezopasnosti i upravleniya riskami TPP Rossii (STO RAE'BUR 51-01-99; Gos. reg. № 844268 ot 9.02.1999) / A. V. Fesenko [i dr.] / M.: Gosstandart Rossii, 1999. 12 s.
11. Fesenko A. V., Xolodny'j Yu. I. i dr. Poryadok provedeniya oprosov s ispol'zovaniem poligrafa: Standart Rossijskogo agentstva e'konomicheskoy bezopasnosti i upravleniya riskami TPP Rossii (STO RAE'BUR 51-02-99; Gos. reg. № 844276 ot 15.04.1999) / A. V. Fesenko [i dr.] / M.: Gosstandart Rossii, 1999. 16 s.
12. Xabrieva T. Ya. Predislovie // Pravo i zakon v programmiruemom obshhestve: sbornik nauchny'x statej. M.: IZSP pri Pravitel'stve RF, 2020. S. 19–20.
13. Xolodny'j Yu. I. Primenenie poligrafa pri profilaktike, raskry'tii i rassledovanii prestuplenij: monografiya. M.: Mir bezopasnosti, 2000. 157 s.
14. Xolodny'j Yu. I., Saviczkiy M. A., Nikolaev A. Yu. Problemy' metodicheskogo obespecheniya e'kspertizy' s primeneniem poligrafa // Razvitie kriminalistiki i sudebnoj e'kspertizy' v trudax prof. E. R. Rossinskoj: mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M.: Prospekt, 2019. S. 472–478.
15. Xolodny'j Yu. I. Vozmozhnosti i nereshenny'e voprosy' psixofiziologicheskix issledovanij s primeneniem poligrafa pri rassledovanii ugolovny'x del // Teoreticheskie i prikladny'e aspekty' ispol'zovaniya special'ny'x znaniy v ugolovnom i grazhdanskom sudoproizvodstve. Vy'p. 4. M.: RGUP, 2020. S. 159–168.
16. Xolodny'j Yu. I. Izuchenie nejrokognitivny'x processov v paradigme sokry'tiya informacii / Yu. I. Xolodny'j [i dr.] // E'ksperimental'naya psixologiya. 2021. T. 14. № 3. S. 17–39.
17. Xolodny'j Yu. I. Kriminalisticheskaya psixofiziologiya // Psixofiziologiya / pod red. Yu. I. Aleksandrova. 5-e izd. SPb.: Piter, 2022. S. 481–510.
18. Farah M. J. et al. Functional MRI-based lie detection: scientific and societal challenges // Nature Reviews Neuroscience. 2014. V. 15 (2). P. 123–131.
19. Gazzaniga M. S. What is cognitive neuroscience // A judge's guide to neuroscience: a concise introduction. University of California. 2010. P. 2.
20. Illes J. et al. Incidental findings in brain imaging research // Science. 2006. № 311. R. 783.
21. Neuroscience and Law. Complicated Crossings and New Perspectives. Springer Nature Switzerland AG. 2020. 563 r.

22. Rizzolatti G. Neuroscience, Today // Neuroscience and Law. Complicated Crossings and New Perspectives. Springer Nature Switzerland AG. 2020. P. vii.
23. Shen F. X. The overlooked history of neurolaw // Fordhem Law Review, 2016. V. 85. № 2. P. 667–695.
24. Taylor J. S., Harp J. A., Elliot T. Neuropsychologists and Neurolawyers // Neuropsychology. 1991. V. 5. № 4. P. 293–305.
25. Wegmann H. Summary: Neurolaw in an International Comparison // International Neurolaw. A Comparative Analysis. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2012. P. 381–411.

M. V. Kovalchuk

E. B. Yatsishina

V. A. Demin

Yu. I. Kholodny

The Need for Legal Regulation of the Use of Neurocognitive and Psychophysiological Technologies in Practice

Abstract. This article reflects the results of the study, as a result of which the dialectical path of the convergence of sciences is shown, which led to the emergence of science-driven technologies for experimental studies of the human brain and psyche and the emergence of a body of scientific knowledge, united under the common name neuroscience; the place of the branch of neurolaw in the system of neurosciences is presented; a brief review of some areas of neurolaw (in particular, neurocriminalistics and neurocriminology) is given. The evolution of the methods used in experimental psychophysiology in the 20th – 21st centuries is briefly shown (from the methods of recording physiological reactions to the methods of neuroimaging). The history, development difficulties and the current state of the polygraph research method in Russia, which was the forerunner of neuroimaging methods and widely used in domestic law enforcement practice are briefly reviewed.

The significance of the study lies in posing the question of the need for strict legal regulation of the use of research using polygraph and neuroimaging methods in public practice.

Keywords: neuroscience; neurolaw; forensic psychophysiology; neurocognitive technologies; polygraph.

Статья поступила в редакцию: 23.05.2022;
одобрена после рецензирования: 12.06.2022;
принята к публикации: 13.06.2022.

The article was submitted: 23.05.2022;
approved after reviewing: 12.06.2022;
accepted for publication: 13.06.2022.

УДК 343.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.47.3.09

Л. Б. СмирновРоссийский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

E-mail: lbs1958@yandex.ru

ЦЕЛЬ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ: ГЕНЕЗИС, ЭВОЛЮЦИЯ, СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Предметом данной работы является исследование и анализ истории возникновения и развития теоретических и правовых взглядов на цель исправления осужденных, а также средств и механизмов достижения этой цели в исправительных учреждениях.

В процессе исследования применялись общенаучные методы: исторический, формально-логический и метод сравнительно-правового анализа. Использовались методы синтеза, дедукции, индукции и системно-структурный метод.

В результате применения вышеуказанных методов было проведено историко-ретроспективное исследование эволюции взглядов и воззрений на уголовное наказание в связи с целью исправления осужденных.

Разработаны и предложены оригинальные механизмы достижения цели исправления осужденных. Обоснована необходимость формирования позитивной юридической ответственности осужденных как средства исправления осужденных.

Ключевые слова: преступность; пенология; пенитенциария; исправительная колония; исправительный процесс.

Введение

Уголовно-исполнительная политика России традиционно исходит из того, что главной целью уголовно-исполнительного процесса является исправление осужденных. Цель исправления осужденных закреплена в ч. 1. ст. 1 УК РФ. Для реализации этой цели были установлены задачи уголовно-исполнительного законодательства, заключающиеся в определении средств исправления осужденных.

Россия имеет многовековой пенитенциарный опыт исправительного воздействия, начиная с функционирования еще монастырских тюрем. В конце XIX – начале XX века в России пенитенциарная наука достигла серьезных результатов, в том числе в области исследований и практических рекомендаций в части исправительного воздействия на осужденных. Однако в науке уголовно-исполнительного права не было и нет единого понимания исправления как цели, нет единства в понимании средств исправительного воздействия. Более того, частью научного сообщества и пенитенциарных работников в принципе отвергается цель исправления как недостижимая.

Обозначенные выше вопросы в силу их актуальности требуют регулярного реагирования, заключающегося в том числе в исследовании и анализе теоретических вопросов и пенитенциарной практики. Наша публикация в силу своего формата не ставит своей задачей всеобъемлющего исследования и анализа обозначенных проблем. Однако выявление и анализ основных, ключевых аспектов представляется возможным и необходимым.

Методы

Комплекс методов, примененных в исследовании, проявился следующим образом:

- для изучения генезиса и эволюции философских и уголовно-правовых воззрений и теорий исправления, а также пенитенциарных систем в зарубежных странах и России применялись исторический и сравнительно-правовой методы и метод анализа;
- формально-логический и системно-структурный методы обеспечили исследование и анализ теоретических аспектов исправительного процесса в исправительных учреждениях;
- методы анализа, синтеза и индукции применялись для исследования и анализа средств и механизмов исправления осужденных;
- исследование и анализ проблем правового регулирования реализации цели исправления и исправительного процесса в уголовно-исполнительном законодательстве осуществлялись с использованием методов анализа, сравнительно-правового и системно-структурного методов.

Основное исследование

Идеи о необходимости исправления преступников высказывались еще в древних государствах. Исправление преступников связывалось с устранением внутриличностных причин преступлений и предполагало применение воспитательного воздействия. Бескультурность, порочность и, как следствие, невоспитанность считались основными причинами преступности.

В Средние века причины совершения преступлений имели теологическое обоснование и также связывались с проблемами сознания человека, которое, в свою очередь, определялось состоянием его души, подвергнутой греху. Грех и ересь в данном случае представляли особенности криминогенных психологических свойств личности. Исходя из положений теологии, наказание должно лечить душу, очищая ее от греховного содержания. Таким образом, наказание должно было освобождать преступника от ереси и греха. Теология к средствам исправления души преступника относил религиозное воспитание, покаяние, воспитание покорности и послушания.

В 1786 году в США в Филадельфии (штат Пенсильвания) была открыта религиозной сектой квакеров особая тюрьма, основной задачей которой было исправление преступников. Можно утверждать, что «Пенитенциарий», основанный квакерами, был монастырем нового типа с доминирующей тюремной атрибутикой. Это был последний проект церкви, где в концентрированном виде использовались возможности кары и религиозного воздействия.

В XVIII веке в странах Запада становятся популярными идеи исправления преступников, которые нашли отражение в философии, социологии, криминологии, пенологии — в части целей и системы наказаний, и пенитенциарии — в части исполнения наказаний, связанных с лишением свободы.

Причины преступности взамен греховности в Новое время виделись в необразованности, бескультурности индивида. В качестве мер исправления предлагалось образование и духовно-нравственное воздействие, повышение культурного уровня.

В содержание исправления закладываются позиции формирования качеств личности, отвечающих требованиям законов государства, а также общепринятым в обществе нормам общежития и морали [1, с. 46]. Разрабатываются средства достижения исправления и модели исправительных учреждений, обеспечивающих их применение. Пенитенциарные системы в тот период предусматривали профессиональную подготовку, работу и моральное влияние на преступников для исправления их негативных привычек и морали. В тюрьмах внедряется прогрессивная система отбывания сроков, заключающаяся в стимулировании осужденных к исправлению путем изменения условий их содержания. Д. Говард и Й. Бентам разработали модель исправительных учреждений, которая отвечала описанным выше условиям.

Теории исправления в России были восприняты на рубеже XIX–XX веков и получили дальнейшее развитие в рамках пенитенциарии или тюремоведения как раздела науки уголовного права об исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы.

Российские ученые уделяли особое внимание средствам исправления осужденных. Эти средства включали тюремное образование, воспитание нравственности, труд, дисциплину и тюремную гигиену [2, с. 67]. В дальнейшем идеи исправления были закреплены в Уставе общества попечительного о тюрьмах, принятого в 1819 году, целями и средствами исправления которого были надзор, раздельное содержание, нравственное и религиозное воспитание, общественно-полезный труд и дисциплинарные санкции [3, с. 22].

В XVIII веке в России функционируют смирительные и работные дома как новые организационно-правовые формы лишения свободы, решающие задачи исправления наряду с монастырскими тюрьмами. Смирительные дома создавались для содержания лиц, нарушающих общественный и нравственный порядок. В работных домах (цухтгаузах) содержались мужчины, а в прядильных домах — женщины, ведущие паразитический и аморальный образ жизни.

Во второй половине XIX века в России получили распространение воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних. Одним из средств

исправления являлось обучение воспитанников военному строю, что должно было укреплять личную дисциплину и воспитывать чувство долга и ответственности. Полагаю данную практику актуальной и для современных воспитательных колоний. Военная подготовка может быть новым и эффективным средством исправления осужденных несовершеннолетних, направленным на формирование патриотизма, коллективизма, чувства долга, ответственности и дисциплинированности.

В тюрьмах применялись следующие средства исправления и воспитания: строгий режим дня, прогрессивная система отбывания наказания, духовно-нравственное воспитание, образование, труд и дисциплинарные меры. Система в значительной мере была основана на стимулах правопослушного поведения, которые применялись в зависимости от поведения осужденного. Воспитание предполагало внушение вести себя правильно и не нарушать закон. В качестве воспитательного средства применялось и религиозное воздействие.

В советском исправительно-трудовом праве его цель обозначалась как исправление и перевоспитание. Однако в науке исправительно-трудового права так и не сложилось единого подхода к тому, что следует понимать под исправлением, а что — под перевоспитанием, и каково соотношение между этими явлениями и понятиями. Тем не менее преобладала позиция, согласно которой исправление означало изменение к лучшему отдельных взглядов, привычек, навыков, когда в целом личность осужденного не нуждается в радикальной перестройке. Перевоспитание же направлено на формирование заново необходимых взглядов, представлений, привычек в совокупности приводящих к глубокой перестройке личности. Таким образом, цель исправления и перевоспитания достигалась различной степенью и содержанием ресоциализации.

Постановка цели исправления, утверждение средств и механизмов ее реализации на законодательном уровне были успешно осуществлены в первом советском исправительно-трудовом кодексе (ИТК) 1924 года. Цель исправления и труд как основное средство были обозначены уже в самом названии кодекса. ИТК 1924 года к средствам исправительного воздействия относил общественно-полезный труд, профессиональное обучение, школьное образование, культурно-просветительную работу. Отмеченные средства исправления входили в механизм воспитательно-исправительного воздействия.

Безусловным достижением советского исправительно-трудового законодательства, стимулирующим исправление осужденных, явилось внедрение системы зачета рабочих дней в срок лишения свободы. Особое внимание следует уделить ст. 85 этого ИТК, согласно которой культурно-педагогическая, школьная и внеклассная работа в местах лишения свободы входила в компетенцию Народного комиссариата просвещения. Данная норма представляется актуальной и сейчас. Пенитенциарная система склонна к самоизоляции, а участие внешних субъектов в ее делах уменьшает эту самоизоляцию, открывает ее для общества. Наличие у пенитенциарной системы собственных структур, занимающихся исправлением осужденных, ограничивает их эффективность.

Новый ИТК 1933 года сохранил и развил систему средств исправительного воздействия. К их числу были определены: труд, политико-воспитательная работа, режим и система льгот. Культурно-просветительная работа была трансформирована в политико-воспитательную работу.

Создавая новую исправительную систему, большевики исходили из того, что главным средством исправительного воздействия на осужденных был труд. В 1918 году были созданы сельскохозяйственные колонии, представляющие собой образовательные и исправительные учреждения. В 20-е годы в качестве основного учреждения, осуществляющего исправительно-трудовое воздействие, становятся трудовые колонии сельскохозяйственного, ремесленного и фабричного типа. Заслуживают внимания элементы самоуправления при организации политико-воспитательной работы, которая осуществлялась культсоветом осужденных, лишенных свободы. Совет по культуре избирался из числа осужденных и действовал под председательством заместителя начальника колонии по политико-воспитательной работе.

Исправительные колонии до времени развала СССР были основными исправительными учреждениями, за исключением периода 30–50-х годов. Наибольшего развития исправительно-трудовые колонии в деле исправления осужденных достигли в 70–80-е годы. В условиях полусвободного режима эти колонии имели большие возможности для массового привлечения осужденных к труду на современных производственных объектах и использования различных форм воспитательного воздействия. Особенностью советских исправительно-трудовых колоний стала отрядная система организации осужденных. Отряд становился центром исправления. Система отрядов позволила изменить всю работу с осужденными к лучшему и повысить эффективность воспитательного процесса в местах лишения свободы, более эффективно решать проблемы соблюдения режима, трудового воспитания, изучения личности осужденных и проведения индивидуальной воспитательной работы.

Главной стратегической целью уголовно-исполнительной политики России и сегодня является исправление осужденных. Цель исправления осужденных закреплена в ч. 1. ст. 1 УК РФ. Для реализации этой цели установлены задачи уголовно-исполнительного законодательства, заключающиеся в определении средств исправления осужденных. Эти средства закреплены в ч. 2. ст. 8 УК РФ.

Доктрина российского уголовно-исполнительного права традиционно исходит из того, что главной целью уголовно-исполнительного процесса является исправление осужденных. Подходы российских ученых к проблеме исправления осужденных базируются на том, что оно предполагает искоренение антиобщественных установок осужденного, воспитание полезного, трудолюбивого и правопослушного члена общества [4, с. 196], глубинную перестройку личности [5, с. 11].

Современные представления об исправлении осужденных сохранили традиционные подходы советской исправительно-трудовой науки. Однако в науке уголовно-исполнительного права не было и нет единого понимания исправления

как цели, нет единства в понимании допустимых средств исправительного воздействия. Более того, частью научного сообщества и пенитенциарных работников, в принципе отвергается возможность достижения цели исправления из-за ее утопичности.

Исследования в области исправления осужденных продолжаются с позиций ресоциализации. Под ресоциализацией осужденных принято понимать целенаправленный процесс перерождения правонарушителя в законопослушного человека (гражданина) [6, с. 14]. В данном случае имеет место подмена понятия «исправление» понятием «ресоциализация» и не более, потому как процесс ресоциализации на стадии исполнения наказания и есть процесс исправления осужденного, или карательно-исправительный процесс. В свою очередь, исполнение наказания и применение мер исправительного воздействия образуют карательно-исправительный процесс, или процесс ресоциализации.

Исправление, с одной стороны, понимается как результат применения мер исправительного воздействия, с другой — как процесс их применения [7, с. 160]. Особое место в пенитенциарной практике имеет определение критериев исправления осужденных. На основании критериев исправления следует выделять осужденных положительной, нейтральной и отрицательной направленности [8, с. 222].

В настоящее время востребованным в пенитенциарной практике является поиск и применение новых средств исправительного воздействия. В качестве средства исправления осужденных представляется необходимым считать формирование у осужденных позитивной юридической ответственности.

Позитивная юридическая ответственность означает, что поведение личности соответствует необходимым требованиям норм права, а добросовестное выполнение правовых предписаний стало осознанной привычкой личности. Активно-позитивная ответственность выступает в качестве связующего звена юридического и социального регулирования [9, с. 18]. Социальное назначение позитивной юридической ответственности заключается в воспитании осужденных в духе осознанного и добровольного соблюдения норм права. При формировании чувства ответственности большое значение имеет воспитание уважительного отношения к праву. Воспитание уважения к праву в то же время есть и воспитание позитивной юридической ответственности.

Юридическая ответственность в отношении осужденных имеет перспективно-позитивное начало, выполняет исправительную функцию. Для активно-позитивной ответственности осужденных характерно не только то, что поведение личности соответствует необходимым требованиям режима, но и то, что имеет место добросовестное выполнение ими возложенных уголовно-исполнительным законодательством обязанностей.

Таким образом, исправление осужденных заключается в формировании у них позитивной юридической ответственности. Это формирование может быть эффективным механизмом нейтрализации криминальной субкультурной организации осужденных в местах лишения свободы [10, с. 63].

С целью противодействия активным носителям и пропагандистам преступной субкультуры (обычно это лидеры преступных пенитенциарных сообществ) возможно использовать механизмы, существовавшие в 80-х годах в СССР. В эти годы эффективно функционировал профилактический центр — учреждение для исполнения наказаний в виде лишения свободы в отношении лиц, имеющих криминальный статус «вор в законе», и других лидеров преступного мира и проведения работы по разложению среды уголовно-бандитствующих элементов в местах лишения свободы [12, с. 63].

В качестве средства исправительного воздействия (средства исправления осужденных) необходимо рассматривать и прогрессивную систему отбывания наказания. В основе этой системы, стимулирующей исправление, лежит дифференциация осужденных и их содержание в различных режимах и условиях. Различные режимы и условия содержания осужденных выступают ступенями прогрессивной системы отбывания. Осужденные в исправительных колониях в основном пребывают в обычных, облегченных и строгих условиях содержания. Однако виды условий содержания осужденных слабо увязаны с их разделением по степени исправления.

Выводы

Исследование исторических, теоретических, правовых и практических вопросов исправления осужденных позволяет сделать вывод о том, что идеи исправления осужденных нашли свое отражение и обоснование в философии, социологии, криминологии, пенологии и пенитенциарии. Теории исправления получили развитие на основе гуманистических принципов и имеют практическое воплощение в регулярных пенитенциарных системах. Цель исправления осужденных сформулирована и закреплена в уголовно-исполнительном праве достаточно логично, ее сущность отражена полноценно, нет нужды в замене или подмене ее другими понятиями. Из практических выводов отметим следующий: в процесс исправительного воздействия на осужденных целесообразно включить формирование позитивной юридической ответственности как ключевой показатель исправления осужденных.

Литература

1. Детков М. Г. Воспитательная работа как основное средство воздействия на осужденных лиц // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2007. № 2. С. 46–55.
2. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М.: Добросвет-2000, 2000. 464 с.
3. Смирнов Л. Б. Генезис и эволюция уголовно-исполнительной политики России: монография. СПб.: ИВЭСЭП, 2014. 191 с.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / под общ. ред. С. И. Никулина. М.: Юрайт, 2000. 420 с.

5. Добрынина М. Л. Уголовно-исполнительная система Российской Федерации и права осужденных к лишению свободы в условиях глобализации // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 2 (11). С. 11–16.

6. Рыбак М. К. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001. 42 с.

7. Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы общей части. М.: Юридическая литература, 1984. 240 с.

8. Смирнов Л. Б. Уголовно-исполнительное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Лань, 2021. 396 с.

9. Проценко Е. Д., Смирнов Л. Б. Сущность и особенности субкультуры осужденных к лишению свободы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2019. № 1 (33). С. 61–68.

10. Смирнов Л. Б. Пенитенциарная безопасность и проблемы ее обеспечения // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14 (1-4). № 4. С. 26–33.

Literatura

1. Detkov M. G. Vospitatel'naya rabota kak osnovnoe sredstvo vozdeystviya na osuzhdenny'x licz // Vestnik Samarskoj humanitarnoj akademii. Seriya «Pravo». 2007. № 2. S. 46–55.

2. Fojniczkiy I. Ya. Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem. M.: Dobrosvet-2000, 2000. 464 s.

3. Smirnov L. B. Genezis i e'voluciya ugovovno-ispolnitel'noj politiki Rossii: monografiya. SPb.: IVE'SE'P, 2014. 191 s.

4. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii s postatejny'mi materialami i sudebnoj praktikoj / pod obshh. red. S. I. Nikulina. M.: Yurajt, 2000. 420 s.

5. Dobry'nina M. L. Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossijskoj Federacii i prava osuzhdenny'x k lisheniyu svobody' v usloviyax globalizacii // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2009. № 2 (11). S. 11–16.

6. Ry'bak M. K. Resocializaciya osuzhdenny'x k lisheniyu svobody': problemy' teorii i praktiki. avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Saratov, 2001. 42 s.

7. Struchkov N. A. Kurs ispravitel'no-trudovogo prava. Problemy' obshhej chasti. M.: Yuridicheskaya literatura, 1984. 240 s.

8. Smirnov L. B. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: uchebник. 2-e izd., pererab. i dop. SPb.: Lan', 2021. 396 s.

9. Procenko E. D., Smirnov L. B. Sushhnost' i osobennosti subkul'tury' osuzhdenny'x k lisheniyu svobody' // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2019. № 1 (33). S. 61–68.

10. Smirnov L. B. Penitenciar'naya bezopasnost' i problemy' ee obespecheniya // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2019. Т. 14 (1-4). № 4. S. 26–33.

L. B. Smirnov

The Purpose of Correction of Convicts: Genesis, Evolution, Modern Problems

Abstract. The purpose of this work is to study and analyze the emergence and development of theoretical and legal views on the goal of correcting convicts, as well as the means and mechanisms for its implementation in correctional institutions.

In the process of research, general scientific methods were used such as historical, formal logical and the method of comparative legal analysis. The methods of synthesis, deduction, induction and the systematic structural method were used.

General scientific methods were applied: historical, formal logical, comparative legal analysis. In addition the methods of synthesis, deduction, induction, legal and technical analysis, as well as the system-structural method were applied.

As a result of the application of the above methods, a historical and retrospective study of the evolution of views and views on criminal punishment in connection with the goal of correcting convicts was carried out.

Original mechanisms for achieving the goal of reforming convicts have been developed and proposed. The necessity of forming a positive legal responsibility of convicts as a means of correcting convicts is substantiated.

Keywords: crime; penology; penitentiary; correctional colony; correctional process.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2021;
одобрена после рецензирования: 10.01.2022;
принята к публикации: 11.01.2022.

The article was submitted: 15.12.2021;
approved after reviewing: 10.01.2022;
accepted for publication: 11.01.2022.

УДК 340

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.47.3.10

В. А. Журавлев

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: rurik862@mail.ru

Д. Д. Скорик

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: daniil.skorik.98@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8947-387X>

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА КОЛЛЕКТИВНЫХ ИСКОВ КАК ИНСТРУМЕНТА ЗАЩИТЫ ПРАВ МИНОРИТАРНЫХ АКЦИОНЕРОВ В ЗАРУБЕЖНОМ И ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье раскрыт процесс возникновения и становления в зарубежном и отечественном законодательстве института коллективных исков в защиту прав миноритарных акционеров, показан исторический опыт правового регулирования деятельности акционерных обществ. На примерах первых акционерных обществ в государствах Европы авторы анализируют условия издания, регламент функционирования и порядок распределения дивидендов, формулируют объективные социально-экономические причины создания эффективного правового механизма, способствующего развитию акционерной деятельности, раскрывают основные модели систем акционерного права. В статье дана оценка развитию института коллективных исков и показана сложность правовой регламентации акционерной деятельности и защиты прав миноритарных акционеров в России с XVIII века. В частности, указано на отсутствие единого правового регулирования деятельности акционерных обществ до начала XIX века, их количество на конец столетия и совокупный капитал. Авторы раскрыли сложный и противоречивый процесс выживания и прекращения деятельности акционерных обществ в первые десятилетия советской власти, начало и основные этапы

становления акционирования на завершающем этапе существования СССР и в условиях реформирования акционерного права в современной России.

Ключевые слова: акционерные общества; коллективные иски; правовой механизм; акционерное законодательство; система акционерного права.

Введение

Экономика современной России находится в условиях жестких экономических санкций коллективного Запада, но не останавливается в своем развитии, что приводит к необходимости постоянного совершенствования законодательства, правовых норм, регулирующих деятельность не только государственных, но также предприятий среднего и малого бизнеса. Это относится и к акционерному праву. Предлагаемые новые концепции о путях его совершенствования не приведут к улучшению, если не будет учитываться многообразный зарубежный и отечественный опыт законодательного регулирования акционерных отношений.

Акционерное дело в дореволюционной России имеет более чем двухсотлетнюю историю, за этот период в законодательстве были выработаны признаки конструкции акционерного общества, а также интересные положения, приемы и методы правового регулирования, которые с успехом восприняты современным отечественным законодательством и правоприменительной практикой. Таким образом, обращение к истории развития акционерного права, в том числе и защиты прав миноритарных акционеров, анализ его современного состояния являются весьма актуальными.

Существующая в современных акционерных обществах проблема дисбаланса прав миноритарных и мажоритарных акционеров показала необходимость усиленной защиты прав и законных интересов миноритариев. Введение института коллективных исков предоставило дополнительные возможности группам миноритариев для реализации их права обращения в судебные органы. Сегодня общая ситуация такова: в одних странах групповые иски позволяют миноритарным акционерам выигрывать многомиллионные дела, в других странах законодательное регулирование данного института лишь зарождается. Цель данной статьи — показать многоуровневый процесс становления и развития обозначенной темы в зарубежном и отечественном праве, характерные черты и особенности института коллективных исков в защиту прав миноритарных акционеров.

Методы

При исследовании данной проблемы авторы опирались на такие сложившиеся в практике научного исследования методы, как диалектический, системного подхода, сравнительно-исторический и сравнительно-правовой, дедукции, индукции, конкретно социологический и хронологический.

Основная часть

Возникновение и становление в отечественном праве института коллективных исков как института, направленного на защиту миноритарных акционеров, происходило по мере развития акционерных обществ. Его зарождение, развитие и реформирование протекало как в зависимости от хода развития в России социально-экономических отношений, так и под влиянием сочетания исконных традиций и рецепции западных норм. Соответственно, формирование эффективных правовых механизмов защиты акционеров невозможно без анализа и осмысления исторического опыта развития правового регулирования деятельности акционерных обществ. Как справедливо отмечал Н. С. Таганцев, «если мы желаем изучить какой-нибудь юридический институт, существующий в данное время, то для правильного его уяснения себе мы должны прояснить историческую судьбу его» [11, с. 21].

Первым в мировой практике зарегистрированным акционерным обществом, акционеры которого несли коллективную долевою ответственность и получали прибыль пропорционально вложенным средствам, считается основанная в 1602 году при поддержке государства голландская Ост-Индская компания. Сферой финансирования компании являлась морская торговля со странами Востока. Успешный опыт ее деятельности обусловил к началу XVIII века интерес к созданию акционерных обществ в Европе и России. Однако недостаточная правовая разработанность их деятельности, в первую очередь в части защиты прав миноритарных акционеров, являлась фактором, препятствовавшим развитию акционирования.

Так, подобный правовой вакуум послужил причиной возникновения в Англии многочисленных акционерных «мыльных пузырей» — учреждаемых мошенниками коррумпированных и бесконтрольных фиктивных предприятий, лопавшихся и оставлявших ни с чем миноритарных акционеров. Видный юрист А. И. Каминка характеризовал акционерную деятельность Англии начала XVIII века как сочетание «беспредельной дерзости учредителей и полного ослепления бессмысленно шедшей на самые незатейливые приманки публики» [8, с. 216]. Крах в 1720 году Компании Южных морей, вызвавший банкротство огромного числа миноритариев, явился поводом для разработки в Англии законодательства об акционерных обществах. В частности, законом от 11 июня 1720 года «О Королевской бирже и Лондонской страховой корпорации» было запрещено создание акционерных компаний без соответствующей правительственной лицензии. Целью закона, согласно его преамбуле, являлось «ограничение экстравагантных и неоправданных практик». Следует отметить, что, желая защитить потенциальных акционеров от участия в мошеннических компаниях, правительство чрезвычайно затруднило возможность создания перспективных акционерных обществ, а это существенно затормозило промышленное развитие страны. С другой стороны, нельзя не признать, что введенные жесткие ограничения на создание акционерных обществ позволили

Англии избежать повторного возникновения «мыльных пузырей». Оставаясь в силе на протяжении полутора веков, закон дополнялся правовыми актами, регулирующими деятельность акционерных обществ, в том числе направленными на защиту миноритарных акционеров. В частности, закон 1857 года, вводя устав акционерного общества, впервые устанавливал право акционеров, обладающих пятой частью акций, на групповой иск в суд о назначении независимой аудиторской проверки деятельности компании. В ст. 56 Закона об учреждении, регулировании и ликвидации торговых компаний и других ассоциаций от 6 августа 1862 года, объединившего акционерное законодательство, миноритарии наделялись правом обращения с групповым иском «для изучения дел компании»: для банковской компании с разделенным на акции капиталом это были владельцы не менее трети акций на момент подачи заявления; в иной компании с разделенным на акции капиталом — владельцы не менее одной пятой части всех акций; если компания не имела капитала, разделенного на акции, то обращаться могли лица, составляющие одну пятую от общего числа лиц, внесенных в реестр компании в качестве участников.

Первые акционерные общества Германии создавались также под влиянием успеха голландской Ост-Индской компании, но они практически не получили развития вплоть до середины XIX века в силу особенностей политики и менталитета. Компании могли создаваться только по предоставлению специальной королевской грамоты, которая выдавалась обществам, преследовавшим «длительные общественно полезные цели» [10, с. 50]. Условия создания, регламент функционирования, распределение дивидендов устанавливались в каждом случае отдельным законодательным актом. За период с 1682 года — времени учреждения первой торговой акционерной компании — и до принятия первого закона об акционерных обществах в 1843 году в Германии было создано только 29 акционерных обществ.

Потребность в создании эффективного правового механизма, стимулирующего развитие акционерной деятельности, по мнению исследователей, была вызвана активизацией строительства железных дорог в стране. Ключевым законом, объединившим предыдущие нормативные акты, явился Закон о товариществах с ограниченной ответственностью, основанных на акциях и акционерных обществах от 18 июля 1884 года [18], закрепивший правила создания, деятельности и ликвидации акционерных предприятий. Законодателем было уделено большое внимание вопросам защиты прав миноритарных акционеров. Так, в соответствии со ст. 222 указанного закона, группа акционеров, владеющая одной десятой частью всех акций компании, была наделена правом назначения ревизионной комиссии. Статья 223 закона запрещала отклонение рассмотрения претензий к правлению, предъявляемых на общем собрании группой акционеров — держателей пятой части складочного капитала. Право на созыв внеочередного собрания и определения его повестки получала группа акционеров, владевшая в сумме одной двадцатой частью акций. Правом на оспаривание в суде решения собрания наделялась как группа, так и каждый отдельный

держатель акций, вне зависимости от их размера. Германское торговое уложение, принятое 10 мая 1897 года [1], часть положений которого действительно по настоящее время, усилило защиту миноритариев, установив право на их избрание в наблюдательный совет акционерных обществ.

В целом система акционерного права за рубежом исторически складывалась по двум рассмотренным моделям: английской, характеризующейся отсутствием единого кодифицированного акта и состоящей из комплекса отдельных специальных законов, и континентальной (германской), особенностью которой является наличие четкой кодификации норм акционерного права. Историко-правовой анализ позволяет заключить, что при очевидных различиях моделей, направленность в обоих вариантах законодателя на защиту миноритарных акционеров, прежде всего путем предоставления им права на групповое представительство, является стимулом и основанием для развития акционерных компаний.

Создание отечественных обществ Петром I явилось попыткой рецепции успешных акционерных практик голландской Ост-Индской компании. Именной Указ от 27 октября 1699 года «О составлении купцам, как и в других государствах, торговых компаний» можно считать первым российским правовым актом об акционерных обществах. Анализ документа позволяет сделать вывод о слабом понимании сути акционерного предпринимательства и единственном желании взимания сборов, что прямо следует из текста: результатом создания акционерных обществ «надлежит быть в сборах... казны пополнению». Ожидаемо, что эти инициативы не были поддержаны купцами. Указы последующих лет, например от 7 ноября 1723 года «Об учреждении компаний», содержали настоятельное («надобно принуждение в том») указание «строить компании... как-то чинится в Голландии в Ост-Индской компании». Однако отсутствие законодательно закрепленных мер по защите акционеров являлось основной причиной нежелания граждан вкладывать средства в акции предлагаемых предприятий.

Развитие акционерной деятельности в России происходило путем усвоения элементов обеих моделей, но с учетом особенностей менталитета общества и отечественного предпринимательства. В попытке преодолеть исторически сложившееся у предпринимателей недоверие к государственным инициативам, первой российской акционерной компании, утвержденной Сенатским указом¹ от 24 февраля 1757 года (далее — Указ) были предоставлены беспрецедентные привилегии. Компания получила право на монопольный беспрепятственный отпуск в Константинополь из Темерниковского порта мехов, железа, чугуна, икры, рыбы, «всяких фабричных товаров». Для того чтобы не происходило «никакого подрыва и помешательства» деятельности компании, этим указом вводилась должность отдельного таможенного инспектора на жаловании из казны, контролирующего соблюдение монополии. Половина акций распределилась между купцами первой гильдии, среди которых определялись

¹ Полное именование: «О привилегии Московской первой гильдии купцу Хостатову и его товарищам на заграничную торговлю от Темерниковского порта, и об именовании сего торгового товарищества Российскою в Константинополе торгующей коммерческой компанией».

директоры компании, на вторую половину могли подписаться все желающие. В соответствии с п. 12 Указа документы компании не подвергались ревизиям, акции ни при каких обстоятельствах не подлежали аресту или конфискации.

Отметим, что Указ, декларирующий акционерное общество как «пользу и авантаж для российского купечества», в п. 17 содержал право любого акционера, который «учинится в чем-либо сомнителен», проверить достоверность данных ежегодного предоставляемого директорами отчета. Представляется спорным, возможно ли рассматривать указанное право в качестве реального обеспечения защиты миноритариев, поскольку директорам компании Указом делегировалась практически не ограничиваемая и всемерно поддерживаемая государством свобода в принятии решений, в том числе внесение дополнений и изменений «кондиций» деятельности компании в целях «лучшего и полезного к ее производству».

Фактически государство отказалось от законодательного регулирования деятельности акционерных обществ, полагаясь на профессионализм и порядочность учредителей. Результат получился обратный: акционерные общества стали учреждаться нечистыми на руку предпринимателями, получавшими монопольные права на торговлю и государственные ссуды и, пользуясь бесконтрольностью, использовавшими доверенные миноритарными акционерами средства «к своему обогащению» [8, с. 345]. Избежать массового появления аналога «мыльных пузырей» Англии первой четверти XVIII века стало возможным благодаря своевременному Императорскому указу от 28 марта 1762 года, в котором высочайше повелевалось немедленно «уничтожить» акционерные компании, поскольку суть их свелась к «неправедному присвоению одному того, что всем принадлежит». Воцарение Екатерины II ознаменовалось возвращением к курсу на рецепцию западноевропейских акционерных практик. В Указе от 23 сентября 1763 года о создании компании торговли на Средиземном море, акционерные общества признавались «полезным делом». Компания бралась под покровительство и личный контроль императрицы.

Несмотря на понимание самодержавной властью важности акционерных обществ для развития экономики, вплоть до начала XIX века в России они имели невысокую поддержку представителей торговых кругов. В отсутствие единого правового регулирования каждая компания имела свой устав, иногда не соответствовавший общим принципам акционирования. Подлинность ежегодных отчетов директоров компаний не всегда была подконтрольной, хотя определенные шаги предпринимались. Например, уставом Нижегородской торговой компании, созданной Указом от 1 июня 1767 года, из числа акционеров выбирались «опекуны» для проверки бухгалтерской отчетности. При выявлении ими в отчетах директоров «умышленных начетов», их надлежало взыскивать в качестве штрафов в двойном размере. Кроме того, каждый акционер получал право на ознакомление со счетами компании «когда похочет». Директора, уличенные в финансовой нечистоплотности, снимались с должности решением общего собрания. В то же время в соответствии с уставом Российско-Американской компании, основанной Указом от 8 июля 1799 года, право голоса на общем собрании акционеров

предоставлялось только владельцам не менее семи процентов акций (10 штук), что свидетельствует о пренебрежении интересами миноритариев.

К началу XIX века в России действовало лишь пять акционерных обществ. Громкое банкротство одного из них и судебные иски кредиторов о взыскании задолженностей, превышавших складочный капитал [16], явились толчком к формированию единой нормативно-правовой базы. Г. Ф. Шершеневич отмечал важность создания единообразного закона как общей нормы, превалирующей над специальными нормами уставов; в противном случае общее акционерное законодательство явилось бы совершенно бесцельным [17]. Первым отечественным законодательным актом об ответственности акционерных компаний явился Указ Александра I от 6 сентября 1805 года «Об ответственности акционерным компаниям в случаях взысканий одним складочным капиталом». По мнению выдающегося историка-архивиста Л. Е. Шепелева, законодательное закрепление принципа ограниченной ответственности акционеров явилось революционным толчком, опередившим Европу на полстолетия [16, с. 24]. Последовавший 1 января 1807 года манифест «О дарованных купечеству новых выгодах...»² дал понятие акционерного общества и определил его виды как новые способы распространения и усиления торговых предприятий: полное товарищество и товарищество на вере, — закрепил разрешительный порядок их создания. Положение о компаниях на акциях от 6 декабря 1836 года явилось комплексным законом, целью которого в преамбуле провозглашалось обеспечение свободы в развитии промышленности, с одной стороны, и ограждение «от последствий легкомыслия и необдуманной предприимчивости» — с другой. Отдельный раздел документа устанавливал права акционеров, в том числе миноритарных. Так, в соответствии с п. 40 решения Правления приводились в исполнение при поддержке более половины голосов присутствовавших на общем собрании акционеров. При этом «любой не согласившийся» имел право внести свое мнение в протокольный журнал. Все споры по делам компании надлежало разрешать на общем собрании; при недостижении согласия любой акционер (акционеры) имел право в соответствии с п. 44 на обращение с иском в третейский суд.

Применение комплексного законодательного регулирования, своевременно дополняемого в течение XIX века в ходе экономических и общественно-политических изменений, способствовало активному развитию акционерных обществ в России. Так, с 1861 по 1869 год их было учреждено 378 с совокупным капиталом 421 млн рублей, а к 1893 году в стране насчитывалось, по данным министерства финансов, более 1000 компаний, совокупный капитал которых составлял почти 1,5 млрд рублей [16, с. 19, 115].

В контексте рассматриваемого вопроса о защите миноритарных акционеров важным представляется Положение Комитета министров от 21 декабря 1901 года «Об изменении и дополнении действующих узаконений, относительно

² Полное наименование: «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятия».

акционерных обществ». В примечании к п. 8 конкретизировалась процедура приобщения к протоколу особого мнения миноритария, несогласного с решением большинства. В п. 11 устанавливалось право группы акционеров, в совокупности владеющих пятой частью акций, на внеочередной созыв собрания, причем компании наделялись правом указывать в своих уставах и меньшее количество. В соответствии с п. 14 миноритарии, обладающие пятой частью капитала, получали право на выдвижение собственного отдельного представителя в ревизионную комиссию.

Акционерная деятельность, являвшаяся в России к 1917 году отрегулированным институтом, востребованным и полезным как экономике страны, так и предпринимателям, и занимавшая по уровню развития пятое место в мире, была уничтожена революционными декретами конца 1917 – начала 1918 года. Принципы акционерного строя противоречили провозглашенной политике военного коммунизма и курсу на национализацию. Поэтапно декретами ВЦИК и СНК были национализированы банки [4], прекращены выплаты по дивидендам [5], национализированы без каких-либо компенсаций акционерные промышленные компании [7], аннулированы акции акционерных обществ, «предприятия коих национализированы или секвестированы» [6]. Под угрозой экономического коллапса В. И. Ленин в речи на X съезде РКП(б) в марте 1921 года признал необходимость «до известной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма». В 1922 году был принят Гражданский кодекс РСФСР [2], V глава которого «Акционерное общество (паевое товарищество)» являлась лишь рецепцией положений проекта Гражданского уложения 1905 года и отдельных положений иностранных акционерных законодательств, регулировала деятельность акционерных обществ постреволюционного государства. Ряд положений был призван обеспечить защиту интересов миноритарных акционеров. В частности, группа акционеров, владеющих в совокупности десятой частью капитала, могла потребовать избрания из своей среды представителя в ревизионную комиссию. Кроме того, группа акционеров, представляющая в совокупности не менее одной двадцатой части основного капитала, имела право на созыв чрезвычайного собрания, а при неисполнении — право на обращение в народный суд с групповым иском. К концу десятилетия акционерная деятельность в стране оказалась несовместимой с заявлением Сталина о необходимости организовать перелом и повести успешное наступление на капиталистические элементы города и деревни и была прекращена. К немногочисленным акционерным компаниям советского периода академик В. В. Лаптев относил лишь компании с иностранным участием, такие как «Интурист» и «Внешторгбанк» [9].

Первые шаги к возрождению акционирования в России были предприняты в 1988 году Постановлением Совета Министров СССР № 1195 «О выпуске предприятиями и организациями ценных бумаг», однако устанавливаемые отношения, по мнению экспертов, не полностью соответствовали акционерным принципам. Во-первых, правовая природа предприятий не подлежала изменению: в соответствии с п. 12 постановления акции предприятия являлись

«формой мобилизации денежных средств и не меняют статуса предприятий». Во-вторых, выплата дивидендов миноритариям работникам предприятий и их размер определялись руководством предприятий, то есть служили, по сути, формой материального поощрения.

Переход к рыночной экономике, направленный на изменение отношений собственности, сопровождался законодательным закреплением акционерных обществ и регламентацией их деятельности. Основа современного акционерного законодательства была заложена в Постановлении Совмина СССР от 19 июня 1990 года «Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственности и Положения о ценных бумагах». Многие установки документа являлись рецепцией дореволюционного российского законодательства, в том числе касавшиеся защиты прав миноритариев. В то же время установление в п. 38 — впервые за всю российскую историю — явочно-нормативной системы создания обществ вызвало массовое появление в 90-х годах мошеннических акционерных компаний. Аналог английских «мыльных пузырей» повторился в России дважды: в середине XVII века и в конце XX. Миллионы миноритарных акционеров так называемых финансовых пирамид потеряли сбережения.

В новых условиях развитие и реформирование правового института акционерного права в Российской Федерации продолжается. Акционерная деятельность на современном этапе регулируется Федеральным законом от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [12]. Правила рассмотрения исков установлены ГПК РФ [3]. Большое внимание уделяется защите прав миноритарных акционеров, причем как превентивной, так и защите уже нарушенных прав. В частности, Федеральный закон № 78-ФЗ от 30 марта 2016 года [13], установивший уголовную ответственность за организацию акционерных компаний, не осуществляющих законную предпринимательскую деятельность, а также вступивший в силу 1 декабря 2021 года Федеральный закон № 250-ФЗ, запрещающий размещение в Интернете информации о таких компаниях, направлены на обеспечение превентивной защиты граждан — потенциальных миноритарных акционеров от приобретения акций мошеннических компаний.

Наиболее действенной формой защиты нарушенных прав миноритариев являются судебные иски, поскольку «исполнение судебного решения обеспечивается предусмотренными законодательством мерами государственного принуждения» [15, с. 4]. Коллективные иски имеют очевидные преимущества перед индивидуальными. В частности, рассмотрение однородных требований акционеров в одном процессе дает возможность снизить нагрузку на суды, исключается вероятность вынесения противоречивых судебных решений, возможно разделение расходов по оплате юридических услуг между членами группы. Получившие распространение за рубежом коллективные иски в России еще недостаточно популярны. Принятым 18 июля 2019 года Федеральным законом № 191-ФЗ [14] внесены поправки в законодательство о групповых исках, которые упрощают возможность защиты в суде, ускоряют ее и способствуют формированию единообразия в судебной практике.

Заключение

Изложенный в работе материал, основанный на анализе научной литературы, нормативных правовых актов и правоприменительной практики, позволяет сформулировать следующие выводы.

Возникновение, становление и развитие института коллективных исков миноритарных акционеров в России происходило как в зависимости от хода исторического процесса развития общественно-политических отношений, так и под влиянием сочетания исконных традиций и рецепции западных норм. Обоснована взаимосвязь возникновения, становления и реформирования государственной гражданской службы в Российском государстве как института, защищающего нарушенные права миноритарных акционеров, с этапами развития государственности. Выявлены основные факторы, определившие эволюцию отечественного акционерного права.

Анализ и концептуальное осмысление зарубежных моделей способствуют пониманию перспективных результатов реформирования и позволяют выработать оптимальные пути развития законодательства. Определены основные модели зарубежных путей становления систем акционерного права: английская, характеризующаяся отсутствием единого кодифицированного акта и состоящая из комплекса отдельных специальных законов, и континентальная (германская), особенностью которой является наличие четкой кодификации норм акционерного права. Историко-правовой анализ позволил заключить, что при очевидных различиях моделей направленность законодателя на защиту миноритарных акционеров, прежде всего путем предоставления им права на групповое представительство, является стимулом и основанием для развития акционерных компаний.

Литература

1. Германское торговое уложение от 10.05.1897 г. (первая, вторая и третья книга) / под ред. В. А. Краснокутского. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1914. 116 с.
2. Гражданский кодекс РСФСР от 31.10.1922 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права: учебное пособие. М.: МГУ, 1994. С. 149–158.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Декрет ВЦИК о национализации банков от 14 (27) декабря 1917 г. // Собрание узаконений. 1917. № 10. Ст. 150.
5. Декрет о прекращении платежей по купонам и дивидендам от 23 декабря (5 января) 1918 г. // Собрание узаконений. 1917. № 13. Ст. 185.
6. Декрет СНК о ликвидации обязательств государственных предприятий от 04.03.1919 г. // Собрание узаконений. 1919. № 10–11. Ст. 108.
7. Декрет СНК о национализации предприятий ряда отраслей промышленности, предприятий в области железнодорожного транспорта, по местному благоустройству и паровых мельниц от 28.06.1918 г. // Собрание узаконений. 1918. № 47. Ст. 559.

8. Каминка А. И. Акционерные компании. Юридическое исследование. Т. I. СПб.: Типо-Литография А. Е. Ландау, 1902. 512 с.
9. Лаптев В. В. Предпринимательское (хозяйственное) право. М.: Волтерс Клувер, 2006. 538 с.
10. Лысенко О. Л. Институт акционерного общества в торговом праве Германии: к вопросу об истории возникновения // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2008. № 2. С. 45–60.
11. Таганцев Н. С. Курс уголовного права. Вып. 1. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1874. 284 с.
12. Федеральный закон Российской Федерации от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
13. Федеральный закон Российской Федерации от 30.03.2016 г. № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 14. Ст. 1908.
14. Федеральный закон Российской Федерации от 18.07.2019 г. № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 22 июля. № 158.
15. Федеральный закон от 01.07.2021 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5078.
16. Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России: XIX – начало XX века. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2006. 603 с.
17. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. СПб.: Тип. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1908–1912. Т. 1: Введение. Торговые деятели. 1908. 515 с.
18. Gesets, betreffend die Kommanditgesellschaften auf Aktien und die Aktiengesellschaften, Vom 18. Juli 1884 / MitErl. Von Paul Kayser Berlin: H. W. Muller, 1884. URL: <http://dlib-pr.mpier.mpg.de/m/kleioc/0010/exec/books/2213907922> (дата обращения: 03.04.2022).

Literatura

1. Germanskoe torgovoe ulozhenie ot 10.05.1897 g. (pervaya, vtoraya i tret'ya kniga) / pod red. V. A. Krasnokutskogo. M.: Pechatnya A. I. Snegirevoj, 1914. 116 s.
2. Grazhdanskij kodeks RSFSR ot 31.10.1922 g. // Xrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava: uchebnoe posobie. M.: MGU, 1994. S. 149–158.
3. Grazhdanskij processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 g. № 138-FZ (red. ot 01.07.2021 g.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 46. St. 4532.
4. Dekret VCIK o nacionalizacii bankov ot 14 (27) dekabrya 1917 g. // Sobranie zakonov. 1917. № 10. St. 150.
5. Dekret o prekrashhenii platezhej po kuponam i dividendam ot 23 dekabrya (5 yanvarya) 1918 g. // Sobranie zakonov. 1917. № 13. St. 185.
6. Dekret SNK o likvidacii obyazatel'stv gosudarstvenny'x predpriyatij ot 04.03.1919 g. // Sobranie zakonov. 1919. № 10–11. St. 108.
7. Dekret SNK o nacionalizacii predpriyatij ryada otraslej promy'shlennosti, predpriyatij v oblasti zheleznodorozhnogo transporta, po mestnomu blagoustrojstvu i parovy'x mel'nicz ot 28.06.1918 g. // Sobranie zakonov. 1918. № 47. St. 559.

8. Kaminka A. I. *Akcionerny'e kompanii. Yuridicheskoe issledovanie*. T. I. SPb.: Tipografiya A. E. Landau, 1902. 512 s.
9. Laptev V. V. *Predprinimatel'skoe (hozyajstvennoe) pravo*. M.: Volters Kluver, 2006. 538 s.
10. Ly'senko O. L. *Institut akcionernogo obshhestva v torgovom prave Germanii: k voprosu ob istorii vozniknoveniya* // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*, 2008. № 2. S. 45–60.
11. Tagancev N. S. *Kurs ugovornogo prava*. Vy'p. 1. SPb.: Tip. M. Stasyulevicha, 1874. 284 s.
12. Federal'ny'j zakon Rossijskoj Federacii ot 26.12.1995 g. № 208-FZ «Ob akcionerny'x obshhestvax» // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1996. № 1. St. 1.
13. Federal'ny'j zakon Rossijskoj Federacii ot 30.03.2016 g. № 78-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii i stat'yu 151 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2016. № 14. St. 1908.
14. Federal'ny'j zakon Rossijskoj Federacii ot 18.07.2019 g. № 191-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii» // *Rossiyskaya gazeta*. № 158. 2019. 22 iyulya.
15. Federal'ny'j zakon ot 01.07.2021 g. № 250-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii» // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2021. № 27. St. 5078.
16. Shepelev L.E. *Akcionerny'e kompanii v Rossii: XIX – nachalo XX veka*. SPb.: Izd-vo SPb. gos. un-ta, 2006. 603 s.
17. Shershenevich G. F. *Kurs torgovogo prava*. SPb.: Tip. t-va pech. i izd. dela «Trud», 1908–1912. T. 1: Vvedenie. Torgovy'e deyateli. 1908. 515 s.
18. Gesets, betreffend die Kommanditgesellschaften auf Aktien und die Aktiengesellschaften, Vom 18. Juli 1884 / MitErl. Von Paul Kayser Berlin: H. W. Muller, 1884. URL: <http://dlib-pr.mpier.mpg.de/m/kleioc/0010/exec/books/2213907922> (data obrashheniya: 03.04.2022).

V. A. Zhuravlev

D. D. Skorik

Development of the Institute of Class Actions as a Tool for Protecting the Rights of Minority Shareholders in Foreign and Domestic Law: Historical and Legal Analysis

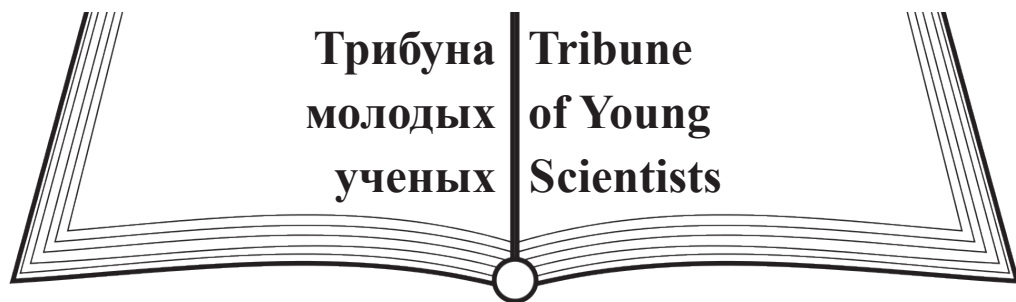
Abstract. The article reveals the process of emergence and formation in foreign and domestic legislation of the institution of class actions in defense of the rights of minority shareholders, shows the historical experience of legal regulation of the activities of joint-stock companies. Using the example of the first joint-stock companies in European countries, the authors analyze the conditions for issuing, the operating rules and the procedure for distributing dividends, define the objective social and economic reasons for creating an effective legal mechanism that promotes the development of joint-stock activities, and reveal the main models of joint-stock law systems. The article assesses the development of the institution of class actions and shows the complexity of the legal regulation of joint-stock activities and the protection of the rights of minority shareholders in Russia since the 18th century. In particular, the lack of a unified legal regulation of the activities

of joint-stock companies before the beginning of the 19th century, their number at the end of the century and total capital are pointed out. The authors revealed the complex and contradictory process of survival and termination of activities of joint-stock companies in the first decades of Soviet power, the beginning and main stages of the formation of corporatization at the final stage of the existence of the USSR and in the conditions of reforming joint-stock companies in modern Russia.

Keywords: joint-stock companies; class actions; legal mechanism; joint stock legislation; company law system.

Статья поступила в редакцию: 01.05.2022;
одобрена после рецензирования: 04.06.2022;
принята к публикации: 10.06.2022.

The article was submitted: 01.05.2022;
approved after reviewing: 04.06.2022;
accepted for publication: 10.06.2022.

УДК 340.136

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.47.3.11

Д. А. Абдиева

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

E-mail: abdieva.izisp@mail.ru

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Целью статьи стало выявление особенностей систематизации правовых норм в условиях современных цифровых трансформаций, происходящих в жизни общества и государства. Для достижения этой цели были использованы классические методы юридического исследования, в том числе формально-юридический и системно-структурный. В статье проанализированы тенденции развития современного законодательства, обусловленные цифровизацией. Особое внимание уделяется систематизации правовых норм в условиях перехода к новому технологическому укладу и развития высоких технологий. Раскрыты возможные риски и последствия воздействия процессов цифровизации на законодательство и его систему. Обоснована роль систематизации норм права в условиях современных социально-правовых трансформаций. Сделан вывод о целесообразности создания государственных автоматизированных справочных баз на основе конкретно определенных признаков и критериев.

Ключевые слова: систематизация законодательства; правовые нормы; цифровизация; технологический уклад; высокие технологии; справочные базы.

Введение

В современном мире в условиях стремительного развития конвергентных технологий и перехода к новому технологическому укладу изменяются все сферы общественной жизни, базовые институты

государства и права. В этой ситуации развитие правовых норм и институтов, а также законодательства приобретает особую значимость. Факторами, определяющими повышенное внимание к систематизации правовых норм, выступают существенный рост их количества и усиление явления, которое можно назвать инфляцией права. Кроме того, современное сочетание сегментарной и пирамидальной моделей правотворчества, впервые выделенное в юридической науке Д. А. Пашенцевым [3; 4], позволяет рассматривать систематизацию как наиболее востребованный способ упорядочения всего меняющегося законодательного массива. В связи с этим представляется актуальным исследование особенностей и направлений систематизации правовых норм в условиях современных цифровых трансформаций.

Методы

В процессе исследования были использованы классические методы юридической науки, в том числе формально-юридический и системно-структурный. Также применялись общенаучные методы анализа и синтеза.

Основное исследование

Систематизация законодательства является одним из способов развития права. Ее реализация непосредственно связана с теоретическими проблемами юридической науки, с применением ее достижений на практике. Основными направлениями изучения систематизации законодательства в современном правоведении являются анализ ее форм и выявление особо важных и актуальных проблем упорядочения законодательства в различные периоды. Основная причина востребованности систематизации заложена в необходимости поддержания системности права в целом. В условиях, когда право оказалось перед вызовом современного технологического развития, нарастает потребность в систематизации всех, а не только отдельных отраслей права. Поэтому можно предположить, что систематизация законодательства в будущем выйдет за рамки кодификации, приобретет новые, пока еще неизвестные формы.

Изучение деятельности по систематизации законодательства осуществляется на протяжении многих десятилетий, учеными отмечается ее важность в плане упорядочения нормативного материала, поиска возможно более совершенных внешних форм представления правовых норм, облегчающих процесс их нахождения. Но сегодня правовой ландшафт меняется, а вместе с этим наблюдается и динамика его научного осмысления. Цифровизация — это не просто применение новых технологий. Цифровые и иные современные технологии меняют экономику и социальную сферу, вектор общественных отношений, что позволяет говорить о происходящем процессе смены всего технологического уклада.

В этих условиях прогнозируется изменение сферы правового регулирования, появление новых субъектов и объектов права, в том числе обусловленное распространением искусственного интеллекта. Систематизация закономерно выходит на новый уровень востребованности.

Роль систематизации в российской правовой системе определяется существующими правовыми традициями. Отечественное право, формируясь под влиянием принципов романо-германской правовой семьи, всегда тяготело к укрупнению, слиянию нормативных правовых актов, что в итоге вело к систематизации законодательства. Полноценное развитие она получила начиная с XVIII века, когда для решения этого вопроса стали создаваться специальные комиссии, правда, не всегда демонстрировавшие высокую эффективность [1, с. 81]. В советское время благодаря целенаправленным усилиям ученых-правоведов были выработаны теоретические основы систематизации, определены ее оптимальные формы и направления [5]. Сегодня, в связи с обозначенными выше важными трансформациями, вопрос о развитии теории и практики систематизации приобретает новое, цифровое измерение.

В теории права под систематизацией понимается упорядочение нормативных актов, приведение их в определенную систему [5]. Такое упорядочение помогает облегчить процессы поиска необходимых норм и их применения. К видам систематизации в современных условиях относятся учет, кодификация, инкорпорация и консолидация.

Систематизация законодательства подразумевает четыре автономные формы правовой деятельности:

- сбор, хранение и поддержание в системном виде нормативных правовых актов, а также создание автоматизированных поисковых систем, помогающих быстро находить требуемую информацию в огромном правовом массиве;
- издание сборников нормативных правовых актов конкретного уровня для использования в широких кругах;
- принятие актов на основе объединения некоторых норм, которые издаются относительно одного общего вопроса;
- переработку существующих актов, обновление и «очистку» их от неактуальных норм.

Возникающие проблемы в области систематизации правовых норм в условиях цифровизации являются основополагающими не только с точки зрения теории права, но и других отраслей юридической науки, так как упорядочение какой-либо сферы правового регулирования будет являться существенным шагом в поступательном развитии и одновременно эффективным механизмом ее совершенствования. В то же время действенное и результативное правоприменение невозможно обеспечить без надлежащим образом организованного и упорядоченного правового массива. В современных условиях особенно востребован комплексный подход в правосистематизационной деятельности, что обусловлено усилением межотраслевых связей, а также необходимостью и острой потребностью в полноценном, едином, достоверном и совокупном

регулировании определенных сфер жизнедеятельности человека и общества. При формировании конкретных направлений развития законодательства целесообразно для дальнейшей его адаптации к современным реалиям и новациям в правовом пространстве базироваться на закономерностях, проявляющихся в трансформации правовой среды.

В процессе развития и совершенствования законодательства огромную роль играет систематизация правовых актов, так как упорядоченный массив позволяет правоприменителю четко ориентироваться в существующих законодательных актах, а законодателю своевременно реагировать на происходящие изменения, устранять возможные пробелы и коллизии. Систематизированное законодательство служит определенным гарантом качественного и полного информирования граждан о нормотворческой деятельности органов законодательной и исполнительной власти. При этом надо помнить, что систематизация не сводится к работе с одним лишь законодательством, подлежат систематизации нормы подзаконных нормативных актов, а также и нормы, содержащиеся в иных источниках права. Таким образом, усложняющаяся правовая реальность позволяет ставить вопрос о комплексном подходе к систематизации, которая может выполнять формообразующую роль для всей системы права.

Влияние цифровизации на систематизацию правовых норм проявляется по нескольким направлениям. Во-первых, характер воздействия новых технологий на социальное развитие определяет потребность в систематизации все большего количества норм, распространяющих свое действие на постоянно расширяющееся пространство. Сегодня большая часть социальных взаимодействий переместилась в сеть Интернет, что влечет за собой появление целого ряда новых тенденций в развитии права, следовательно, порождает необходимость в дальнейшей его систематизации.

Во-вторых, цифровые технологии все шире используются в сфере права. Они внедряются в правотворчество, облегчают процесс организации общественного обсуждения законопроектов, обобщение подготовительных материалов. Используются новые технологии и в правоприменении. Например, все чаще поднимается вопрос о том, что искусственный интеллект способен заменить судью непосредственно в принятии правоприменительных решений [2, с. 99–100]. Логично предположить, что систематизация также может быть более эффективной за счет цифровизации данного процесса.

Современный процесс систематизации правовых норм связан с необходимостью быстрой обработки огромного массива информации. Справиться с такой масштабной задачей вполне мог бы искусственный интеллект, способный анализировать массивы данных, выявлять и обобщать существующие закономерности, находить оптимальные способы правосистематизационных решений.

Кроме того, появилась возможность проводить систематизацию в электронном виде, что значительно облегчает доступ к ее результатам всех заинтересованных пользователей, включая правоприменителей.

В настоящее время процесс упорядочения правовых актов тесно связан с применением и активным использованием автоматизированных систем и справочно-информационных баз законодательства (в широком его понимании), которые преследуют цель оптимизации системы действующего права. Вышесказанное определяет существование потребности в детальном и качественном исследовании современных методов компьютеризации, а также актуальных вопросов в сфере машиночитаемого права и алгоритмизации законотворчества.

В условиях активного роста и развития цифровых технологий все отрасли юридической науки нуждаются в создании информационных источников, содержащих корректную правовую информацию, которая была бы упорядочена по определенным критериям и признакам. На данный момент в Российской Федерации существуют такие справочные системы, как «КонсультантПлюс», «Гарант», в которых размещены нормативные правовые акты, судебные решения (судебная практика), формы договоров, научные статьи и многое другое. Однако такие базы не формируются государством, то есть они не верифицированы, что в перспективе может повлечь за собой негативные последствия в процессе их использования, в том числе связанные с наличием недостоверных источников, неаутентичностью текстов нормативных правовых актов. В связи с этим существует потребность в создании официальных баз правовой информации, в которых нормативный правовой массив был бы систематизирован по аналогии с имеющимися системами. В них должна присутствовать функция поиска, а также даваться отсылки на комментарии к различным законодательным актам и судебным решениям. Действующий на данный момент официальный интернет-портал (<http://pravo.gov.ru>), который признается на государственном уровне, носит характер электронного сборника, но его использование вызывает трудности в связи с отсутствием конкретно определенных признаков для систематизации находящейся в нем информации.

Выводы

Систематизация законодательства представляет собой научно обоснованную деятельность уполномоченных органов государства, направленную на упорядочение взаимосвязанных и взаимозависимых совокупностей нормативных правовых актов. Систематизация определяет развитие всего спектра действующего нормативного правового регулирования, проявляет себя как регулярная форма развития и упорядочения правовой системы.

В процессе дальнейшего технологического развития будут расширены возможности работы с большими данными, что позволит государственным органам более достоверно и качественно формировать оценку достижения поставленных в правовой сфере целей, осуществлять правовой мониторинг. Но не стоит забывать и о том, что малоисследованные процессы цифровизации и технологизации могут привести к неизбежным последствиям

и видоизменениям социального и экономического укладов. Вследствие этого будут появляться риски, которые необходимо предугадать, чтобы минимизировать всевозможные негативные последствия. Во избежание потенциальных угроз представляется целесообразным развивать на национальном уровне квалифицированные кадры, учитывать все инновационные преимущества, а также разрабатывать гибкую, динамичную, устойчивую законодательную основу для эффективного включения новых информационных технологий во все сферы деятельности. Учитывая, что Российское государство только вступило в стадию цифровизации государственного управления и экономики, важно учесть особенности, риски, положительные и негативные последствия последующих этапов трансформации жизни общества и государства. Следовательно, есть острая необходимость в разработке вопросов влияния цифровизации на систему права на доктринальном уровне. Требуют дальнейшего изучения вопросы о том, как именно и в какой мере можно использовать цифровые технологии, включая искусственный интеллект, для систематизации права в условиях постоянного увеличения правового массива.

Литература

1. Абдиева Д. А., Рогачев М. А. Систематизация законодательства: опыт Российской империи // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 2. С. 80–85.
2. Новикова К. С. Элементы электронного правосудия через призму основных принципов судопроизводства // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3. С. 96–103.
3. Пашенцев Д. А. Модели правотворческой деятельности в условиях цифровизации // Образование и право. 2021. № 9. С. 72–75.
4. Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3. С. 31–39.
5. Свод законов Советского государства: теоретические проблемы / отв. ред. И. С. Самощенко. М.: Юридическая литература, 1981. 256 с.

Literatura

1. Abdieva D. A., Rogachev M. A. Sistematizaciya zakonodatel'stva: opy't Rossijskoj imperii // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 2. S. 80–85.
2. Novikova K. S. E'lementy' e'lektronno go pravosu diya cherez prizmu osnovny'x principov sudoproizvodstva // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 3. S. 96–103.
3. Pashencev D. A. Modeli pravotvorcheskoj deyatel'nosti v usloviyax cifrovizacii // Obrazovanie i pravo. 2021. № 9. S. 72–75.
4. Pashencev D. A. Osnovny'e napravleniya i osobennosti razvitiya zakonodatel'stva v usloviyax cifrovizacii i perexoda k novomu texnologicheskomu ukladu // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 3. S. 31–39.
5. Svod zakonov Sovetskogo gosudarstva: teoreticheskie problemy' / otv. red. I. S. Samoshhenko. M.: Yuridicheskaya literatura, 1981. 256 s.

D. A. Abdieva

Systematization of Legal Norms in the Context of Digitalization

Abstract. The purpose of the article is to identify the features of the systematization of legal norms in the context of modern digital transformations of society and the state. To achieve this goal, classical methods of legal research were used, including formal legal and system structural methods. The article analyzes the trends in the development of modern legislation, due to digitalization. Particular attention is paid to the systematization of legal norms in the context of the transition to a new technological order and the development of high technologies. The possible risks and consequences of the impact of the digitalization process on the legislation and its system are revealed. The role of systematization of legal norms in the conditions of modern social and legal transformations is substantiated. It is concluded that it is expedient to create state automated reference databases on the basis of specific features and criteria.

Keywords: systematization of legislation; legal norms; digitalization; technological order; high tech; reference bases.

Статья поступила в редакцию: 19.04.2022;
одобрена после рецензирования: 29.04.2022;
принята к публикации: 20.05.2022.

The article was submitted: 19.04.2022;
approved after reviewing: 29.04.2022;
accepted for publication: 20.05.2022.

УДК 340
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.47.3.12

Н. Е. Борисова

Институт права и управления, Московский городской педагогический университет, Москва,
Российская Федерация
E-mail: BorisovaNE@mgpu.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА ПЕРЕД ЛИЦОМ НОВЫХ ВЫЗОВОВ (ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОГО ФОРУМА ИСТОРИКОВ ПРАВА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 10–11 ИЮНЯ 2022 г.)

Аннотация. В статье дан обзор основных докладов, прозвучавших 10–11 июня 2022 года на Всероссийском форуме историков права в Санкт-Петербурге. Форум был организован общероссийской общественной организацией «Ассоциация историков права». В мероприятии приняли участие ученые из 17 регионов Российской Федерации. Выступления на пленарном заседании и круглых столах были посвящены таким важным аспектам современной юридической науки, как особенности и этапы ее развития, методология истории государства и права, роль юридического образования в разные периоды существования российской государственности, периодизация курса истории государства и права. Участники форума констатировали, что переход к новой научной рациональности требует обновления методологического аппарата историко-правовой науки. Была подчеркнута важная роль историко-правового знания в системе юридического образования. Также в рамках форума состоялся круглый стол по философии права, на котором ученые обозначили современные подходы к пониманию права и его роли в регулировании общественных отношений в эпоху постмодерна.

Ключевые слова: форум историков права; Ассоциация историков права; историко-правовая наука; постнеклассическая юриспруденция; философия права.

В Санкт-Петербурге на площадке Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия 10–11 июня 2022 года прошел Всероссийский форум историков права «Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций».

и новой научной рациональности». Форум был организован общероссийской общественной организацией «Ассоциация историков права», учрежденной в мае 2022 года, и стал первым масштабным мероприятием этой структуры. Проведение форума, всецело посвященного историко-правовой тематике, было приурочено к таким знаковым для историков права и всех неравнодушных к исторической судьбе своего Отечества людей событиям, как 100-летие образования Союза Советских Социалистических Республик и 350-летие со дня рождения императора Петра I.

Формат мероприятия предполагал как очное, так и дистанционное участие. В Санкт-Петербург приехали историки права почти со всей страны: из Москвы, Архангельска, Иркутска, Казани, Курска, Омска, Улан-Удэ. Дистанционно в работе форума участвовали представители Белгорода, Покрова, Ростова-на-Дону, Рязани, Гродно, Душанбе, Минска.

При открытии форума прозвучали приветствия, которые направили глава Российского императорского дома Е. И. В. великая княгиня Мария Владимировна, академик РАН В. И. Жуков, ректор МГОУ Е. А. Певцова, судья Верховного суда РФ В. В. Момотов, предводитель Российского дворянского собрания М. Ю. Лермонтов, председатель правления НО «Фонд поддержки и развития образования творчества, культуры» Е. В. Баяхчан.

Пленарное заседание открыл доклад председателя президиума Ассоциации историков права, доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ *Дмитрия Алексеевича Пашенцева* «Историко-правовая наука в условиях современной научной рациональности». Ученый отметил, что сегодня, когда в результате идущей научной революции, вызванной технологическими новациями, наблюдается переход к новой научной рациональности, перед историей государства и права как наукой стоит ряд важных задач. Они лежат в плоскости большей, чем прежде, междисциплинарности, в поиске вариантов использования таких современных научных направлений, как синергетика, герменевтика и т. д. Историко-правовая наука должна учитывать произошедшие в науке лингвистический и антропологический повороты, больше обращать внимание на правовое поведение, характерное для той или иной эпохи, чтобы на этой основе реконструировать реальную правовую жизнь в исторической ретроспективе. Также в докладе был поставлен вопрос о том, что в условиях отказа от Болонской системы в образовании логично было бы вернуться к полноценному, в течение двух семестров, изучению курсов «История отечественного государства и права» и «История государства и права зарубежных стран».

Профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук *Наталья Владимировна Михайлова* представила участникам форума собственную периодизацию истории государства и права, основанную на новых, ранее не применявшихся критериях. В ходе обсуждения доклада участники форума высказали предложение о целесообразности проведения специальной научной дискуссии по вопросам современных подходов к периодизации историко-правового развития.

Заведующая кафедрой истории права и государства Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор *Марина Викторовна Немытина* в докладе «Методологические проблемы историко-правовых исследований» предложила историкам права выработать единые унифицированные подходы к методологии исследований, что было неоднозначно воспринято некоторыми участниками форума, высказавшимися за сохранение методологического плюрализма как гарантии объективного развития гуманитарного знания.

С большим интересом участники форума выслушали доклады, посвященные вопросам развития и институализации историко-правовой науки, а также соответствующей учебной дисциплины. В рамках данной проблематики выступили: *Марина Анатольевна Кожевина* — доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России («Наука истории русского права: генезис, методы познания, место в современном историко-правовом знании»), *Татьяна Николаевна Ильина* — кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Курского государственного университета («Институционализация науки истории права и государства в России: тенденции и перспективы»), *Татьяна Федоровна Яцук* — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории права и государства Омского государственного университета («Этапы развития истории государства и права России как науки и учебной дисциплины в советский и постсоветский периоды»). Вопросы взаимодействия историко-правовой науки со смежными дисциплинами и отраслями права были поставлены в докладах *Ирины Викторовны Минникес* — доктора юридических наук, профессора, главного научного сотрудника Института правовых исследований Байкальского государственного университета («Эволюция процессуального права в контексте предметно-отраслевого метода преподавания Истории государства и права России»), и *Надежды Степановны Нижник* — доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ, начальника кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России («Полицейско-правовая теория как средство трансляции правовых традиций в сфере государственного управления»).

В докладе доктора юридических наук, профессора, заведующей кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия *Александры Андреевны Дорской* были обозначены ключевые тенденции развития историко-правовой науки в России на современном этапе, дан анализ тематики диссертационных исследований 2012–2022 годов.

В рамках мероприятий форума с докладами выступили также представители Московского городского педагогического университета: доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат исторических наук *Андрей Владимирович Звонарев* с докладом «И. В. Сталин и создание проекта

Конституции СССР 1924 года», кандидат педагогических наук, доцент *Нина Михайловна Ладнушкина* с докладом «История развития государственного контроля в сфере образования: советский опыт», доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат педагогических наук *Тамара Владимировна Корчагина* с докладом «Исторические этапы развития юридического образования в России: от Российской империи к Советскому Союзу», старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин *Анастасия Дмитриевна Калмыкова* с докладом «Исторические этапы развития законодательства о политических партиях в России», старший преподаватель *Андрей Игоревич Николаев* с докладом «Особенности развития юридического образования в советский период».

Второй день форума был связан с проведением круглого стола по философии права. На нем поделился своими размышлениями о направлениях развития философии права в условиях постклассической научной рациональности и постметафизики *Илья Львович Честнов* — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. Обсуждение доклада, а также идей, прозвучавших в выступлениях других участников, позволило вновь актуализировать вопросы методологии правовых исследований, подчеркнуть необходимость широкого междисциплинарного синтеза.

Завершился форум содержательной в научном отношении свободной дискуссией участников, а также обсуждением и принятием резолюции Всероссийского форума историков права. Все ученые единодушно отметили, что мероприятие было очень интересным и полезным в научном отношении.

N. E. Borisova

**Historical and Legal Science in the Face of New Challenges
(Review of the All-Russian Forum of Legal Historians, St. Petersburg,
June 10–11, 2022)**

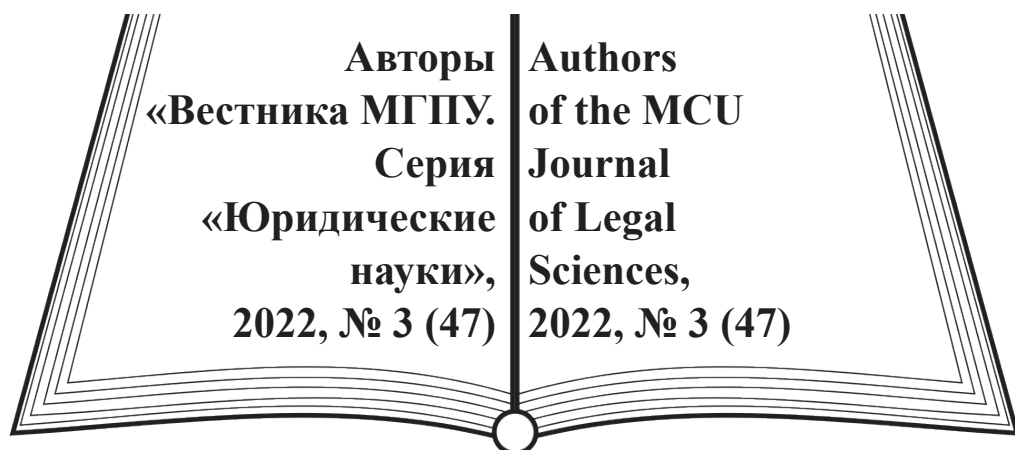
Abstract. The article provides an overview of the main reports delivered at the All-Russian Forum of Legal Historians in St. Petersburg, June 10–11, 2022. The forum was organized by the All-Russian Public Organization “Association of Legal Historians”. The event was attended by scientists from seventeen regions of the Russian Federation. Speeches at the plenary session and round tables were devoted to such important aspects of modern legal science as the features and stages of its development, the methodology of the history of state and law, the role of legal education in different periods of the existence of Russian statehood, periodization of the course of the history of state and law. The Congress participants stated that the transition to a new scientific rationality requires updating the methodological apparatus of historical and legal science. The important role of historical and legal knowledge in the system of legal education was emphasized. Also within the framework

of the forum, a round table on the philosophy of law was held, at which scientists outlined modern approaches to understanding law and its role in regulating public relations in the postmodern era.

Keywords: forum of Legal Historians; Association of Legal Historians; historical and legal science; post-non-classical jurisprudence; philosophy of law.

Статья поступила в редакцию: 18.04.2022;
одобрена после рецензирования: 30.04.2022;
принята к публикации: 21.05.2022.

The article was submitted: 18.04.2022;
approved after reviewing: 30.04.2022;
accepted for publication: 21.05.2022.

**Авторы
«Вестника МГПУ.
Серия
«Юридические
науки»,
2022, № 3 (47)**

**Authors
of the MCU
Journal
of Legal
Sciences,
2022, № 3 (47)**

Абдиева Даткайым Акылбековна — аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

E-mail: abdieva.izisp@mail.ru

Abdieva Datkaiym Akylbekovna — a postgraduate student of the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Studies of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: abdieva.izisp@mail.ru

Борисова Наталья Евгеньевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета.

E-mail: BorisovaNE@mgpu.ru

Borisova Natalia Evgenievna — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Institute of Law and Management, Moscow City University.

E-mail: BorisovaNE@mgpu.ru

Демин Вячеслав Александрович — кандидат физико-математических наук, руководитель Курчатовского комплекса НБИКС-технологий, Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Российская Федерация.

E-mail: Demin_VA@nrcki.ru

Demin Vyacheslav Alexandrovich — Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Head of the Kurchatov complex of NBICS Technologies National Research Center «Kurchatov Institute», Moscow, the Russian Federation.

E-mail: Demin_VA@nrcki.ru

Дудина Анна Николаевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

E-mail: ivminnikes@mail.ru

Dudina Anna Nikolaevna — Candidate of Law, Assistant Professor of the Department of Civil and Business Law, Irkutsk Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).

Email: ivminnikes@mail.ru

Журавлев Валерий Анатольевич — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

E-mail: rurik862@mail.ru

Zhuravlev Valery Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-Western Branch, Russian State University of Justice.

E-mail: rurik862@mail.ru

Завгородняя Анастасия Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Донбасской юридической академии.

E-mail: nastacija@mail.ru

Zavgorodnyaya Anastasia Aleksandrovna — Candidate of Law, Assistant Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Donbas Law Academy.

E-mail: nastacija@mail.ru

Ковальчук Михаил Валентинович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор физико-математических наук, профессор, президент НИЦ «Курчатовский институт».

E-mail: koval@nrcki.ru

Kovalchuk Mikhail Valentinovich — Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, President of the Kurchatov Institute Research Center.

E-mail: koval@nrcki.ru

Крамской Вадим Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Тамбовского государственного технического университета.

E-mail: vkramskoy@mail.ru

Kramskoy Vadim Vladimirovich — Candidate of Law, Assistant Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Tambov State Technical University.

E-mail: vkramskoy@mail.ru

Львов Алексей Витальевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института права и управления Московского городского педагогического университета.

E-mail: Lvovav@mgpu.ru

Lvov Aleksey Vitalievich — Candidate of Law, Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Institute of Law and Management, Moscow City University.

E-mail: Lvovav@mgpu.ru

Минникес Ирина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета.

E-mail: ivminnikes@mail.ru

Minnikes Irina Viktorovna — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at Institute of Legal Research, Baikal State University.

Email: ivminnikes@mail.ru

Погорелов Дмитрий Викторович — адвокат Адвокатской палаты Белгородской области, кандидат юридических наук.

E-mail: pogorelov@mail.ru

Pogorelov Dmitry Viktorovich — advocate in Bar Association of Belgorod Region, Candidate of Law.

E-mail: pogorelov@mail.ru

Польская Валерия Андреевна — аспирант Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: timonina@bsu.edu.ru

Polskaya Valeriya Andreevna — post-graduate student, Law Institute, Belgorod State National Research University.

E-mail: timonina@bsu.edu.ru

Скорик Даниил Дмитриевич — студент 4-го курса (бакалавриат) Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

E-mail: daniil.skorik.98@mail.ru

Skorik Daniil Dmitrievich — 4th year student (bachelor's degree), North-Western Branch of Russian State University of Justice.

E-mail: daniil.skorik.98@mail.ru

Скоробогатов Андрей Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП).

E-mail: av.skorobogatov@mail.ru

Skorobogatov Andrey Valerievich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov (IUE).

E-mail: av.skorobogatov@mail.ru

Скоробогатова Анна Ильдаровна — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогической психологии и педагогики Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП).

E-mail: a.i.skorobogatovf@mail.ru

Skorobogatova Anna Ildarovna — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogical Psychology and Pedagogy, Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov (IEUP).

E-mail: a.i.skorobogatovf@mail.ru

Смирнов Леонид Борисович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

E-mail: lbs1958@yandex.ru

Smirnov Leonid Borisovich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: lbs1958@yandex.ru

Старшова Ульяна Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Саратовской государственной юридической академии.

E-mail: k_kmp@ssla.ru

Starshova Ulyana Aleksandrovna — Candidate of Law, Assistant Professor of the Department of Constitutional Law, Saratov State Law Academy.

E-mail: k_kmp@ssla.ru

Туранин Владислав Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: turanin@mail.ru

Turanin Vladislav Yurievich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Belgorod State National Research University.

E-mail: turanin@mail.ru

Холодный Юрий Иванович — доктор юридических наук, кандидат психологических наук, начальник лаборатории прикладной и экспериментальной психофизиологии НИЦ «Курчатовский институт».

E-mail: kholodny@yandex.ru

Kholodny Yuri Ivanovich — Doctor of Law, Candidate of Psychological Sciences, Head of the Laboratory of Applied and Experimental Psychophysiology of SIC «Kurchatov Institute».

E-mail: kholodny@yandex.ru

Яцишина Екатерина Борисовна — доктор философских наук, заместитель директора НИЦ «Курчатовский институт» по научной работе.

E-mail: yacekaterina@yandex.ru

Yatsishina Ekaterina Borisovna — Doctor of Philosophy, Deputy Director of the Research Center «Kurchatov Institute» for scientific work.

E-mail: yacekaterina@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ И ОФОРМЛЕНИЮ, ПОРЯДОК ПОДАЧИ И РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Юридические науки», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционным советом университета:

1. Используемый шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Содержание статьи должно отражать следующие обязательные структурные элементы:

- введение (постановка проблемы, определение цели и задач исследования, актуальность, новизна и значимость);
- анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности;
- исследовательская часть (включая доказательную базу и научную аргументацию);
- результаты исследования;
- библиография.

3. В публикации должны быть приведены все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую поддержку.

4. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.).

5. В начале статьи должна быть представлена следующая информация:

- инициалы и фамилия автора (полужирный шрифт, выравнивание по левому краю);
- заголовок (полужирный шрифт, выравнивание по центру);
- аннотация к статье (объем не менее 100 слов, оформление по образцу);
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Требования к аннотации: объем не менее 100 слов (100–120 слов). Из содержания аннотации должно быть возможно получить целостное представление о статье, ее методологии и теоретической значимости.

Структура аннотации: цель статьи, методология, основные результаты, теоретическая значимость.

Ключевые слова: 5–7 ключевых слов или словосочетаний в единственном числе и именительном падеже, разделенных точкой с запятой.

6. Статья снабжается пристатейным списком литературы, составленным в алфавитном порядке на русском и английском языках, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая запись».

Примеры оформления:

Иванов А. А. Психология. 2-е изд. СПб.: Наука, 2001. 530 с.

Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. и сост. В. В. Ерофеев. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.

Викулова Л. Г., Троепольская Ю. Б. Туристический каталог в публичном медийном пространстве // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ, 2016. С. 80–87.

Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Право». 2015. № 3 (714). С. 72–83.

Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2015. 23 с.

7. Ссылки на литературу из пристатейного списка приводятся в тексте в квадратных скобках, например: [3, с. 57] или [6, т. 1, кн. 2, с. 89].

Ссылки на интернет-ресурсы, архивные документы и нормативные источники помещаются в тексте в круглых скобках или подстраничной сноской по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Пример оформления:

Члиянц Г. Создание телевидения [Электронный ресурс] // QRZ.RU: сервер радиолюбителей России. 2004. URL: <http://www.qrz.ru/articles/article260.html> (дата обращения: 21.02.2006).

8. В материалах может быть использована подстрочная ссылка для выражения авторской позиции и (или) авторского комментария на фрагмент текста. Подстрочной ссылкой оформляются также используемые нормативные правовые акты с указанием данных о доступе. Оформление подстраничных сносок и примечаний в статье должно быть однообразным, нумерация сквозная.

9. В конце статьи (после списка литературы) указываются на английском языке сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова.

10. Рукопись статьи подается в редакцию журнала в электронной форме по адресу: PashencevDA@mgpu.ru (в формате doc, docx).

11. К рукописи прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

12. На первичное рассмотрение рукописи на предмет ее соответствия тематике издания и требованиям к оформлению отводится 14 дней. В случае несоблюдения какого-либо из настоящих требований автор по требованию главного или ответственного редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись

в пределах срока, установленного для ее доработки. Редакция не вступает в полемику с автором в случае его несогласия с принятым решением.

13. Журнал публикует только оригинальные работы, соответствующие требованиям журнала по соблюдению этики научных публикаций.

14. Все статьи, предназначенные для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Юридические науки», проходят процедуру рецензирования и утверждения редакционной коллегией журнала и Редакционным советом Института права и управления МГПУ.

15. Подача статьи в редакцию журнала означает согласие авторов с изложенными правилами и согласие на размещение полной версии статьи в сети Интернет на официальном сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, на сайте МГПУ (раздел «Наука») в свободном доступе, с использованием представленных личных данных в открытой печати.

16. Публикация в журнале для авторов бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ

УДК 340.13

Д. Д. Пашенцева

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
E-mail: ..a@yandex.ru

Нормотворческие полномочия органов городского общественного управления Российской империи после реформы 1870 г.

Аннотация. В статье поставлена задача проанализировать природу актов, принимавшихся органами городского общественного управления Российской империи после городской реформы 1870 года. Используются формально-юридический и исторический методы. На основе норм Городового положения 1870 года выявлены особенности этих актов, влиявшие на их место в системе права Российской империи. Проведено разграничение нормативных и ненормативных актов, принимавшихся городскими думами. Выявлена взаимосвязь данных актов с полномочиями органов городского общественного управления, а также с разграничением функций городских дум и городских управ. Сделан вывод, что полномочия городских дум по изданию как нормативных, так и ненормативных актов вытекали из функций и обязанностей, непосредственно закрепленных в Городовом положении 1870 года, а также из модели их взаимодействия с городскими управами и правительством.

Ключевые слова: городское общественное управление; Российская империя; городская дума; Городовое положение; нормативный акт.

Поступила в редакцию / Received 15.12.2021

Поступила после рецензирования / Revised 10.01.2022

Принята к публикации / Accepted 11.01.2022

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Юридические науки»

MCU Journal of Legal Sciences

2022, № 3 (47)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-82091 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор *Д. А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т. П. Веденеева

Редактор:

С. П. Пузырьков

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М. В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

E-mail: niic@mpgu.ru

Подписано в печать: 13.09.2022 г.

Формат: 70 × 108 1/16. Бумага: офсетная.

Объем: 8,75 печ. л. Тираж: 1000 экз.